

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМУ
ГОСУДАРСТВЕННОМУ
УНИВЕРСИТЕТУ

275
ЛЕТ

История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве
<http://history.museums.spbu.ru/>

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н.Олесич

ГОСПОДИН СТУДЕНТ

ИМПЕРАТОРСКОГО
С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1998

ББК 63.3
О-53

52
24657Д

Олесич Н.

О-53 Господин студент Императорского Санкт-Петербургского университета. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. — 208 с.

ISBN 5-288-02283-6

Герой книги — дореволюционный петербургский студент. Его минувшая жизнь, несправедливо забытая, представлена в уникальном общественно-образовательном пространстве столичного университета Империи. Реалии повседневного обывденного быта петербургского студента-универсанта, его борьба за академические профессиональные и общественные интересы донесут до читателя дыхание ушедшей эпохи и создадут живой образ студенчества прежних поколений. Книга позволит читателям, в том числе и молодым, понять смысл российского студенческого движения, оказавшего значительное влияние на весь ход истории России.

Для всех интересующихся отечественной историей.

Olesich N.

Mister student of the Imperial Saint-Petersburg University. — Spb.: St.-Petersburg Univ. Press, 1999. — 208 p.

ISBN 5-288-02283-6

The main character of the book — pre-revolutionary St.-Petersburg student. His past life, unfairly forgotten, is presented in the unique social educational atmosphere of the capital imperial university. The description of the ordinary daily life of the St. Petersburg university student and his struggle for the professional academic and social interests shows the spirit of the past epoch and creates an image of the student life of the previous generations. This book gives a thorough understanding to the reader of the main idea of the Russian student movement which influenced significantly on further development of the Russian history.

Intended for those who are interested in the history of the native land.

Темплан 1999 г., № 55

ББК 63.3

ISBN 5-288-02283-6

© Н.Я.Олесич, 1999

© Издательство С.-Петербургского университета, 1999

9944

05

ОТ АВТОРА

Дореволюционный петербургский студент — национальный феномен, исторически сложившийся характер, яркое творение русского менталитета. Нигде, кроме России, не было и не могло быть такого уникального явления, как русский студент.

Юность русской интеллигенции — студенческая жизнь. Безусловно, русское студенчество представляло часть интеллигенции, но часть весьма своеобразную, со своей субкультурой, со своими привычками, стилем жизни, особым поведением и даже одеждой.

Студенты, оторванные от семейных традиций, ограниченные стенами *alma mater*, приобретали как бы единый образец, создавали новую касту, столь непохожую на другие сословия русского общества.

И все-таки молодое звено интеллигенции несло в себе как благородные достоинства, так и все традиционные пороки своих «отцов». «Дети» исповедовали и сеяли те же идеи. Только юноша-студент был всегда «левее», смелее и радикальнее... и склонен к экстремизму.

Принимая во внимание силу молодости, возбудимости, эмоциональности, юношеское неприятие несправедливости, современники называли студенческую молодежь «квинтэссенцией» интеллигенции, «барометром» общества, а университеты — «тараном» революции.

Но юношеский героизм и радикализм определялись не только возрастными особенностями, но и морально-этическими традициями русской интеллигенции, ее почвенной тягой к народу.

И все-таки мощный пресс абсолютизма с его вековым гнетом, насильем, полицейским режимом в стенах университетов выпестовал разрушительную оппозиционность студенчества.

Система образования в России порождала глубокий и неразрешимый конфликт: имперская власть держала в своих руках народное образование и контроль за учащимися. И хотя студенты в основном были выходцами из привилегированных слоев общества, тем не менее самодержавная власть не смогла привить им свои идеологические ценности, свой «смысл существования». В России вплоть до февраля 1917 года существовали два непримиримых полюса: самодержавие и радикальная интеллигенция со своей молодой частью.

Чем же нам интересен и так привлекателен студент Санкт-Петербургского университета? Он подлинно русский студент, но в нем много символов петербургской культуры. Блистательный Петербург, похожий на все европейские столицы, единственный деятельный фасад России, с нетрадиционным для всей страны культурно-образовательным пространством, захватывал юных, родившихся в столице или заброшенных в нее судьбой, приобщал их к единому культурному пласту Петербурга.

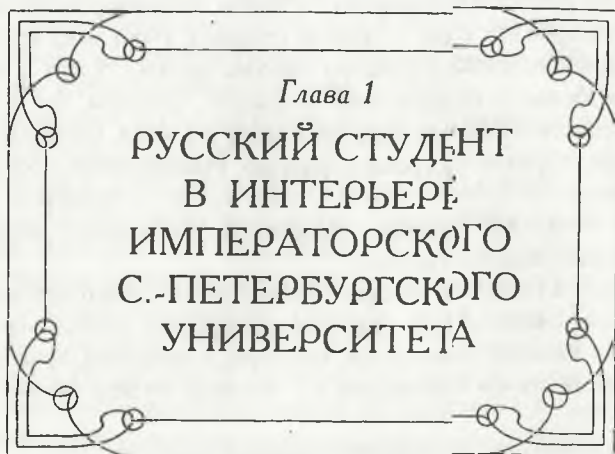
Петербургского студента отличал свой стиль, манера поведения, язык. Город — интеллигент, и петербургский тип студента для России — эталон молодого интеллектуала, не только охваченного жаждой знаний. Петербургский студент для молодежи России — носитель определенных морально-этических качеств, и наиболее яркое среди них — обостренное стремление принести общественную пользу России.

Город — испытание личности молодого человека: одни желали образовываться, чтобы стать образцовыми чиновниками, другие — служить отечеству, реформируя Россию, некоторые жили постоянно в «идее» и путем революции мечтали взорвать Империю. Санкт-Петербург — мозговой центр монархии и не случайно трижды потрясал Россию народными социально-политическими взрывами. Мы привыкли говорить: Петербург — город трех революций, и не последнюю роль в них сыграло петербургское студенчество, студенчество университета.

В книге использованы разнообразные источники: мемуарная литература, воспоминания выдающихся деятелей науки и культуры, исследования по истории студенческого движения в дореволюционную эпоху, социологические опросы, проведенные в Петербурге и университете до 1917 года, произведения лидеров различных политических партий и течений. В книге широко представлены подлинные архивные материалы, исследованные автором в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Тарту, а также в Национальной библиотеке Парижа. Многие из них опубликованы впервые. Автору удалось обнаружить рукописную коллекцию студенческой фольклорной литературы, стихов, пародий, карикатур. Для выявления объективного взгляда на историю студенческого движения приводятся документы, представляющие противоположные точки зрения на излагаемые факты.

Автор выражает благодарность музею истории Петербургского университета за подбор уникального фотоматериала, использованного в книге, и всем тем, кто оказал помощь в подготовке и рождении этой книги.

Н.Я.Олесич
доктор исторических наук,
профессор С.-Петербургского университета

*Есть в Петербурге дом огромный
Орел и кресла на доме том...*

(Из студенческого стихотворения 1899 г.)

АМПИРНЫЙ ГОРОД И УНИВЕРСИТЕТ

В России университет всегда был больше, чем университет. Русский студент — больше, чем студент... Дореволюционный студент — национальный феномен, неповторимое явление суровой русской истории, полноценная фигура уникальной русской культуры. Юность русской интеллигенции — студенческая жизнь, в глубинных недрах сформировался цвет и гордость русской культуры, науки, духовности, постоянное идейное брожение, рождались кадры и лидеры политических партий и течений. Бурные выступления студенчества — серьезный симптом многих общественных потрясений и взрывов в России.

«Для чего существует университет?» На этот вопрос дореволюционные студенты отвечали по-разному. Один петербуржец на подобный вопрос профессора Петербургского университета

Н.И.Кареева решительно парировал: «Чтобы готовить революцию, а те студенты, которые не с нами, — даже не студенты, а черт знает кто!»¹.

На вопрос переписи о главном занятии другой студент с юмором ответил: «Обедаю в студенческой столовой»². Отметим, что в те времена студенческая столовая была не просто столовая. Писатель Михаил Осоргин, отражая настроения бывших универсантов, воскликнул: «Студенчество — слово-то какое! Студенчество — хранитель святых традиций, печальник народных вольностей, застрельщик общественных движений, надежда России!»³.

Но была и молодежь, которая главной целью своего пребывания в университете считала учебу. Для них университет, безусловно во все времена, — главный оплот науки, культуры и прогресса, храм науки и в то же время эталон образования и... высокая ступень личной карьеры.

А вот о карьеристах студенты с иронией пели так:

...А как будете, дети, студентами,
Не ломайте голов над моментами,
.....
Замените дипломы патентами,
Говорите всегда комплиментами, —
Наградят вас чинами и лентами,
Обошьют вам зады позументами.

После каждого куплета молодые люди с жаром хором повторяли «Слава»...⁴

Бурный рост промышленного производства в России в конце XIX века, все возрастающая потребность в квалифицированных кадрах вызвали глубокие изменения в социальной структуре общества. Капитализм требовательно предъявлял все больший спрос на квалифицированные кадры. Трансформировалась социальная картина городов Российской империи, увеличивалось количество лиц наемного труда. Уз-

¹ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 204.

² Лель А. Записки студента. 1900–1903 гг. СПб., 1908. С. 11.

³ Памяти русского студенчества: Сб. воспоминаний. Париж, 1934. С. 13.

⁴ Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М., 1989. С. 419.

кая и зыбкая в прошлом прослойка интеллигенции расширялась, становилась чрезвычайно многочисленной и упорно заполняла все лабиринты механизма государственной машины, становилась все более осязаемой в идейной и духовной жизни страны.

Главнейшими центрами концентрации и притяжения интеллигенции России были Петербург и Москва. В этих двух городах проживало 45,8% ученых и литераторов; 30,7% художников и актеров; 30,5% инженеров, а также 7 тысяч медицинских работников и 12 тысяч учителей, представлявших огромную армию трудовой российской интеллигенции. Весьма влиятельной частью столичной интеллигенции было быстро растущее студенчество. Отметим, что в конце XIX века из 52 учебных заведений России 14 (не считая 5 военных и 2 духовных) находились в Петербурге. В них обучалось около 10 тысяч студентов, или почти половина всего российского студенчества; 4,5 тысячи из них были студентами Петербургского университета (на 1 января 1905 года)⁵.

В 1914–1917 годах насчитывалось уже 105 высших учебных заведений, в которых обучалось 127 тысяч студентов⁶. Дворянский каменный университет под ударами капитализма рушился, росла численность студенчества, высшие учебные заведения превращались во всеобщие.

«Где же, в самом деле, можно было лучше учиться и лучше думать, и лучше чувствовать... как не в тогдашнем Петербурге»⁷, — рассуждала передовая молодежь.

Петербургский студент — русский студент, и он нигде, кроме России, не мог появиться, именно это и обеспечило ему мировую известность. Петербургский студент — парадигма, но, будучи во плоти русским студентом, он со временем обрел настолько выраженные специфические черты, что сложился в образ определенного социального типа.

⁵ См.: *Ерман Л.К.* Состав интеллигенции в России в конце XIX и начале XX веков // *История СССР.* 1963. № 1. С. 167. См. также: *Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1904 год.* СПб., 1905. С. 42.

⁶ См.: ЦСУ СССР. СССР в цифрах в 1979 году: Краткий статистический сборник. М., 1980. С. 215.

⁷ *Шелгунов Н.В.* Очерки русской жизни. СПб., 1895. С. 551.

Петербургский студент — феноменальное явление русской культуры. Попытаться, хотя бы скупю, живописать его портрет невозможно без Города и его Университета. Город — Петербург, созданный по воле одного человека, продолжал жить не только по законам страны, но и по своим самобытным, петербургским, придавая культуре свое своеобразие, обретая свое символическое лицо. Постепенно его стали наделять особой метафизической значимостью, силой. И, действительно, обладая уникальным, неисчерпаемым резервуаром творческой энергии, незримо Город оказывал давление на формирование личности, и всякий живущий в Городе, хотел он этого или нет, нес на себе печать петербургского мира.

Город обладал фантастической цепкостью, всех попадавших в его стены он делал петербуржцами, независимо от места рождения и национальности.

Умственная молодежь России, в силу присущей юности любознательности и доверчивости, наиболее остро испытывала на себе пресс магической притягательности столицы. Блистательный, фантастический образ молодой столицы с ее напряженной интеллектуальной жизнью, с ее храмом науки — Университетом, становится навязчивой мечтой целых поколений русской молодежи. Эта светлая мечта сулила освобождение от вековой рутины, тупой провинциальной спячки, тоскливой повседневности.

«Петербург — ум России, — размышляли они, — и только в этом городе скрыты сокровища науки и культуры, освобожденные от рухляди традиций».

Петербург поражал молодежь своими способностями наполнять ум символами. Петербург представлялся им неким чудом, возникшим как создание революционной воли Петра I, он сразу же стал символом всего нового, передового, европейского.

Город петровских реформ, город царя-преобразователя постоянно будоражил умы и воображение, противоречивость оценок деятельности царя в истории России переносилась на сам город и его душу. Город, обретая плоть, как живое существо, заставлял себя страстно любить и не менее страстно ненавидеть.

Город — зловещее олицетворение зла, преступлений, народных страданий, царевбийств, но в то же время он для молодых сердец —

ослепительный символ смелости мысли и дерзаний, передовой науки, рационального устройства жизни, величественной красоты.

Молодые люди, особенно провинциалы, попадая в город, погружались в стремительный бег его жизни. Время в столице текло по-иному, молниеносно, скорость импонировала жаждущей молодежи, она переходила как бы в новое иное измерение. Но при этом, становясь петербуржцами, молодые переживали глубокое потрясение от включения в петербургские конфликты бытия: власти, насилия, культуры. Одни, более жизнеспособные, чувствовали необычайный прилив творческих сил, другие испытывали жестокое разочарование, апатию, унижение и оскорбление — их город уничтожал.

Над молодежью постоянно довлел образ множественного бытия Петербурга. Вот он, величественный город застывшей классической красоты в камне, обрамленной кружевом дворцов, садов, решеток, шпилей, мостов. Он неизменно покорял своей красотой, непостижимым утонченным соединением воды и пространства и делал всех своими вечными поклонниками. Отныне пленники Петербурга, примеривая красоту других городов к образу любимого города, неизменно с жаром утверждали, что Северная столица несравненна.

Но были и другие лица у города; и если официальный, строгий, казарменный, чиновничий, холодный, как бы застегнутый в мундир на все пуговицы город пугал своим бездушием и безразличием, то город-муравейник, с грязными улочками, сырыми дворами-колодцами, канавами и вонью, город страданий, унижал, доводил до преступления.

Город, сотканный из противоречий и противостояний, город напряженной до предела умственной жизни становился нервным центром империи, и это особенно чувствовало молодое поколение. Только такой город мог родить петербургский миф. Город наделили душой нереального, загадочного сфинкса, нарекли «странным городом».

Разве в каком другом городе, кроме Петербурга, города Белых ночей и серебряно-прозрачных туманов, мог бы молодым мечтателям и сумасбродам привидеться на Невском важно разгуливающий Нос майора Ковалева, могло бы померещиться, что то здесь, то там мелькает шинель Акакия Акакиевича, в серой дымке Невы — пригрезиться зловещая тень старой графини и образ несчастного Германна, в сумерках белой ночи — внезапно столкнуться с бледными призраками геро-

ев Достоевского или в гнетущей атмосфере тоски — содрогнуться и прийти в ужас от резкого удара гигантской руки наступающего медного, покрытого зеленью времен, сорвавшегося со скалы легендарного Всадника.

«О, самый призрачный и странный из всех российских городов!»⁸ — мог бы сказать молодой петербуржец вслед за поэтом Николаем Агнивцевым.

Петербургский университет, безусловно, обладал всеми чертами своих собратьев — других высших учебных заведений имперской России, но, находясь у самого «окна», дерзко прорубленного Петром в новой столице, отличался своим уникальным петербургским стилем просвещения. Да и истории было угодно, чтобы образ Петра I неотступно сопутствовал Петербургскому университету.

Можно полагать, что сегодня завершились научные споры о дате создания Петербургского университета, и с уверенностью вести летоисчисление Санкт-Петербургского университета с 1724 года. Именно в этот славный год Указом от 28 января Петр повелел учредить «Петербургскую академию», прародительницу Университета, Академии наук, Академии художеств, гимназии.

Петровский университет, петровское здание 12 коллегий — именно в нем был размещен университет, стал неотъемлемой частью Петербургского мира и был вовлечен в его орбиту.

Величественно-панорамное, единственное в своем размахе, пространственное месторасположение университета на грани воды и суши уже многое определяло в образе мыслей и поведении воспитателей и воспитанников университета.

Действительно, можно ли представить более достойное на берегах державной Невы место обоснования петровского детища, храма науки столицы? Петербургский университет как бы живет в прошлом и будущем, и образ его неразрывно связан с Васильевским островом — Васильевым, столь любезным сердцу Петра, с мощной водной стихией, с островом его имперских «идей», ибо с него в мечтах и деяниях Петр начинал новую столицу великой империи, символ его дерзких преобразований.

⁸ Агнивцев Н. Блистательный Санкт-Петербург. Берлин, 1923. С. 13

Красный дом университета, в самой регулярной имперской части города, занял свое достойное место в цепи классических храмов наук на набережной Невы, сходных по своей просветительной идее, как часть, отвечающая целому: Академия наук, Академия художеств, Кунсткамера. И все это в обозреваемой близости к царскому Зимнему дворцу и Петропавловскому собору — храму, усыпальнице императоров и тюрьме. А на другом берегу, напротив, на фоне величественного Исаакия, — и сам грозный, загадочный, будоражащий умы и воображение творец — медный Петр. Взлетевший и застывший в прыжке над историей, на вздыбленном коне, прямо в сторону университета, возносит торжественно к нему медно-лавровый венок, то ли благословляя, то ли вселяя глухое предчувствие великой будущности, то ли предупреждая...

Университет, в тесном содружестве с историческими дворцами науки, культуры, искусства, просвещения, власти, в своем неповторимом панорамном облике вливался в уникальное культурно-духовное пространство Петербурга. В нем господствовали свой ритм, своя атмосфера духовности, свое мироощущение, своя трагедия конфликтов. Здесь задавался ритм петербургской умственно-духовной жизни, рождался петербургский стиль, позволявший понять, что такое петербургский ученый, петербургский студент, петербургская речь и петербургские манеры, что такое петербуржец.

Панорамно-величественное пространство Просвещения как бы сверху, свысока царило над городом мглы и тоски, прозаическим городом тружеников и обывателей, подавляя его своим величием, напоминая, что «город пышный, город бедный», тем самым как бы подтверждая пушкинский двойственный образ города. Где, как не здесь, у стен университета, думающий молодой человек, размышляющий над самыми мучительными вопросами российской действительности, мог воскликнуть: «Кто виноват?».

Привлекает внимание само здание университета. О нем ходили легенды, порожденные странной архитектурной композицией, ибо, вопреки строгим петровским ранжирам, здание 12 коллегий разместилось не вдоль Невы, а неким перпендикуляром к набережной, подставив свинцовым волнам и пронизывающим ветрам только малую часть здания.

Александр Бенуа, известный художник и искусствовед, бывший универсант, в своих воспоминаниях запечатлел анекдот, вероятно, не лишенный исторического смысла, о своеобразии архитектуры университета. Будто Петр-преобразователь, уезжая, поручил Меншикову строительство здания 12 коллегий-министерств, естественно, вдоль набережной Невы, как бы в продолжение Кунсткамеры. И каково же было негодование Петра, когда он увидел, что здание возводится перпендикулярно берегу, вследствие чего получалась совершенная нелепость. Весь внушительный фасад потянулся куда-то боком в сторону⁹. Но что делать, фундамент был заложен, стены наполовину возведены! Меншикова отдубасил лично сам царь, досталось и архитектору-иноземцу Леблону, а здание осталось!

И вот до сих пор, поражая своей необычностью, стоят двенадцать зданий в один ряд, стоят тесно, прижавшись плечом к плечу, создавая единое целое, но не соединенные одной крышей. Опять определенный символ преобразования, идея Петра, воплощенная в архитектуре, идея единства и самостоятельности правительственных учреждений под неусыпным оком монарха!

Во многих воспоминаниях — респектабельных столичных аристократов, бывших студентов, провинциальных разночинских деятелей, известных или забытых профессоров, либералов и реакционеров, универсантов-эмигрантов — неизбежно присутствовали страстные ностальгические и бесконечно светлые страницы, посвященные главному символу и достопримечательности Петербургского университета — коридору Главного здания, с его венецианскими окнами.

Коридор Петровских Коллегий
Бесконечен, гулок и прям.
(Что угодно может случиться,
Но он будет упрямо сниться
Тем, кто нынче проходит там).¹⁰

Коридор связывал все факультеты. В аудиториях, ответвляющихся от коридора, шла напряженная научная жизнь, но были и «тихие»; от коридора по маленьким коридорчикам можно было попасть в замкну-

⁹ См.: Бенуа А.Н. Мои воспоминания. Т. 1. М., 1993. С. 634.

¹⁰ Ахматова А. Стихи и проза. Л., 1977. С. 446.

тые, очень солнечные, маленькие аудитории, где читали профессора, собиравшие небольшое количество студентов. Одну из таких аудиторий аккуратно посещал Александр Блок, слушавший «скучного» профессора Лаврова, преподававшего сербский язык.

Стеклянные двери аудиторий постоянно пестрели бумажками — объявлениями с расписаниями занятий, кружков, собраний землячества, партийных диспутов и прочих дел.

Коридор Главного здания был центральным 400-метровым нервом студенческой жизни. Он, как в зеркале, отражал не только все приливы и отливы университетской жизни, но подчас и всей России, не говоря уже о Петербурге. В дни общественного подъема в стране он страстно и молодо кипел и бурлил, в медленном потоке реакционной спячки он подчинялся будням чинной академической жизни.

В коридоре можно было узнать все, о чем думали и мечтали молодые люди: о достижениях в области науки, о будущем России, новинках культурной жизни Петербурга, о сенсационных сообщениях в печати; здесь можно было столкнуться с верхом свободомыслия, узнать о сходках и собраниях, встречах с политическими лидерами или просто послушать интригующие истории и анекдоты из жизни самого студенчества. Примем во внимание, что накал страстей в университетском коридоре был выше, чем во всех университетах России, и барометр чаще показывал бурю, ибо титул столицы и близость дворца заставляли петербургский университет резче и глубже испытывать все колебания, которые переживала государственная и общественная жизнь России.

В годы революций коридор представлял собой особую достопримечательность, он становился кипящим котлом социальных и политических страстей. Во время шумного перерыва между лекциями, если они вообще не отменялись, суетливо пробегали «вестники», выкрикивая на ходу: «Коллеги, на сходки, в актовый зал!». Огромная толпа шумно вливалась в белоколонный зал. По рядам из рук в руки передавались гектографированные листовки различных партий. Оглушительно свистели белоподкладочники, стремясь сорвать сходку.

В вестибюле «верноподданный студент» ожесточенно крутил ручку телефона, пытаясь вызвать полицию. Любимые профессора, встречаемые аплодисментами, демонстративно, смело входили в зал. Пуг-

ливые старые преподаватели, трусливо прячась, спешно уезжали домой. Университетское начальство металось по коридору, тщетно пытаясь остановить студентов.

И вот наступал тревожный, но ожидаемый с замиранием сердца момент, по каменным ступеням главной лестницы гроыхали тяжелые сапоги городских, раздавались свистки... Полицейские хватали первых попавшихся, позднее, по доносам доморощенных студенческих и профессиональных шпионов, начинались аресты.

На следующее утро университет уныло затихал. В коридоре у каждого окна появлялись фигуры городских в белых нитяных перчатках. Аудитории пустовали...

Университетский коридор был своеобразным интеллектуальным молодежным парламентом. В нем, с временным приглушением, осуществлялась запретная свобода слова в России. Он уникально соединял под знаменем науки молодежь различных сословий, состояний, образа жизни и мысли, политических и общественных ориентаций.

Самой своей бесконечностью коридор, слева освещенный бесчисленными большими окнами, а справа оттененный нескончаемыми книжными шкафами с поблескивающими золотом корешками старинных книг и связывающий воедино все факультеты, символизировал глубинный философский смысл слова *Universitas*. В центральную бесконечную артерию коридора с узкой уходящей в даль перспективой вливалась вечная молодая жизнь России.

Волею судеб Университет, расположенный у самого прорубленного Петром «окна», сам для думающей молодежи становился «землей обетованной», «отечеством» и «окном» в прогресс и цивилизацию, в жизнь.

МЕТАМОРФОЗЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

В описываемую эпоху на рубеже веков дворянский кастовый университет под ударами капитализма трещал, рушился, высшие учебные заведения превращались во всесословные, шел процесс их демократизации, но при упорном сохранении мужского контингента.

В наброске речи, посвященной 150-летию Московского университета, эту прогрессивную тенденцию отметил В.О.Ключевский, заострив внимание на росте с каждым годом всесословного резерва русского

просвещения — студенчества, «вербовавшегося из различных общественных состояний»¹¹.

На начало процесса демократизации русского студенчества обратил внимание Ф.Энгельс. В 1872 году он писал, что теперь в Европу приезжают учиться не молодые русские дворяне-аристократы, а выходцы из народа, отличавшиеся выдержкой и твердостью характера¹².

Росла численность студенчества, изменялся и его классовый состав. Значительная часть его по своему происхождению продолжала принадлежать привилегированным сословиям. В Петербургском университете, крупнейшем учебном заведении России, на 1 января 1905 года дети дворян и чиновников составляли 60,92% от общего числа¹³.

На 1 января 1916 г. в Императорском Петроградском университете обучалось 7780 студентов. Сыновей дворян и чиновников — 2343, детей лиц духовного звания — 443, сыновей почетных граждан и купцов I гильдии — 525, юношей из мещан, купцов II гильдии и ремесленников — 1657, из крестьян — 818, казачьего сословия — 91, иностранных подданных — 81, инородцев — 6¹⁴.

Весьма незначительной была узкая прослойка студенчества, принадлежавшая к громким аристократическим фамилиям, владевшим огромными земельными латифундиями¹⁵. Эти молодые люди резко выделялись из студенческой массы манерами, дорогой студенческой формой и скандальными светскими похождениями.

¹¹ См.: Московский университет в воспоминаниях современников. С. 600.

¹² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 411.

¹³ См.: Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966. С. 29.

¹⁴ См.: Отчет о состоянии и деятельности Императорского Петербургского университета за весеннее полугодие 1916 года. Пг., 1916. С. 76.

¹⁵ Дети крупных земельных аристократов, как правило, получали образование в закрытых дворянских учебных заведениях, таких, как Училище правоведения, Пажеский корпус, Кадетский корпус и др. В подобных заведениях обучение одного студента в год обходилось от 1100 до 5600 руб. Эти цифры непомерно велики по сравнению со стоимостью обучения в университетах (в среднем 300 руб. в год). См.: Бутягин А.С., Салтанов Ю.А. Университетское образование в СССР. М., 1957. С. 30.

Большинство дворянско-чиновничьего студенчества были детьми мелких чиновников, мелкопоместных дворян или же дворян только по титулам. Среди них — немало способных, трудолюбивых юношей, которые, находясь в весьма стесненном материальном положении, часто примыкали к тем, кто создавал исключительное положение в университетах. Так, среди студентов, арестованных в 1902 году за революционную деятельность, было 3,7% чиновников, 12,8% купцов, 15,1% мещан, 15,7% крестьян, 32,4% дворян¹⁶.

Дети крупных капиталистов-купцов I и II гильдии вместе с детьми дворян, духовенства и почетных граждан составляли свыше 4/5 студентов Петербургского университета, в других университетах страны наблюдался процесс уменьшения их удельного веса.

Получался как бы парадокс. Традиционно сохранялся дворянско-чиновнический состав студенчества, а половину студенческой массы составляла малообеспеченная, подчас бедствующая молодежь. И это — по весьма заниженным официальным статистическим данным государственных комиссий обследования.

Кто же они?¹⁷ Безусловно, речь идет о студентах — выходцах из разночинного слоя, которые в XIX веке были детьми священников, лиц мещанского происхождения, купцов, свободных крестьян.

К середине 1850-х годов социальный термин «разночинство» превратился в понятие нового общественного течения. В него включали не только собственно разночинцев, но прежде всего тех, кто решительно протестовал против своей среды и существующих порядков: дворянин, ушедший из дворянской среды и презиравший ее; поповский сын, не пожелавший надеть рясу; купец, не захотевший торговать; мужик, бросивший соху; чиновничий сын, насмехающийся над бюрократией. У обедневшего дворянства нет выбора: их дети в университете сливаются с выходцами из всех сословий и рангов, чтобы образовать новый феномен — русское студенчество.

¹⁶ См.: Орлов В.И. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М., 1934. С. 219.

¹⁷ См.: Выдрин Р. Основные моменты студенческого движения в России. М., 1908. С. 69.

Как ни странно, свою руку к проникновению разночинцев в учебные заведения приложил император Николай I. Упорно насаждая политику недоверия и репрессий, враждебно относясь к общей культуре и гуманитарному образованию, особенно к философии и словесности, он всячески поощрял профессиональное образование. Он считал, что следует примеру своего великого предка — Петра I, и последовательно проводил политику подготовки профессиональных кадров во многих специальных областях и в первую очередь в медицине, хирургии, педагогике. И в этом, безусловно, его большая заслуга.

Потребность в массовой подготовке врачей, учителей, инженеров повлекла за собой новый приток молодежи в университеты, что обусловило и более свободный допуск к образованию низших классов, в результате большинство военных врачей вышло из разночинцев или крещеных нерусских (например, евреев).

Отбросим в сторону многочисленную историографию, рисующую царствование Николая I только в черных тонах, и вспомним, что при нем были основаны учебные заведения, дававшие юридическое, медицинское и технологическое образование для многих специальных отраслей. Создание по немецкому образцу общеобразовательных школ-гимназий и средних школ (реальных училищ) потребовало невиданного для России увеличения числа преподавателей по всем профессиональным дисциплинам. Выполнением прежде всего этой задачи и занялся университет.

Что же касалось детей духовенства, то они проторили довольно широкую дорогу в университет после реформ М.Сперанского, поднявшего на высокий уровень преподавание в семинариях, которые теперь успешно готовили к дальнейшему высшему образованию, к научной карьере. Необходимо было только открыть для этих детей доступ в университеты.

Упорных семинаристов не отвращали от учебы ни тяжелые материальные условия, ни строгая дисциплина, ни сухая педагогика. Отцовское духовное призвание, сан священника их не прельщали, их манил университет, только он мог удовлетворить их жажду высшего образования, он сулил им выход в мир, работу, благосостояние.

Безусловно, только наиболее способные и трудоспособные доходили до стен высших учебных заведений, заполняли научные аудито-

рии, лаборатории, библиотеки. Как наглядно свидетельствует список видных представителей науки, медицины, техники России, многие из них были «поповского» происхождения. В 1870-х годах выходцы из духовенства составляли около 50% на историко-филологическом факультете Петербургского университета, в 1875/76 учебном году на этом факультете их обучалось уже 58%, на естественном отделении 50%. В 1916 году из 7780 студентов 443 были духовного звания¹⁸.

Чиновничья власть опасалась психологического и социального настроения семинаристов, их влияния на умы студенчества, время от времени приоткрывая или закрывая для них двери высших учебных заведений. Князь М.Т. Лорис-Меликов, человек умный и дальновидный, в письме к министру народного просвещения Д.А. Толстому представил психологический портрет воспитанника духовной семинарии. Он отмечал: у этой молодежи постоянное присутствие оскорбленного молодого самолюбия, отчуждение от общества, при этом — навязчивое стремление рисоваться этим отчуждением, привлекать к себе внимание своеобразной внешностью и одеждой, намеренно шокируя этим общество. Они постоянно борются с бедностью, ожесточались, протестуя против установленных норм поведения и приличий, пребывали в темных местах, в дешевых пивных, общались с подозрительными личностями, охотно усваивали «противоправительственные и противогосударственные учения»¹⁹.

Статистика свидетельствовала, что учебные заведения и факультеты, рассчитанные на массовую подготовку специалистов и, следовательно, дающие в будущем низкооплачиваемые профессии, были более доступны низам. В университетах такими факультетами являлись медицинский, математический и филологический. Они в основном готовили учителей средних школ и медиков. На этих факультетах и обучалось более половины малообеспеченных студентов²⁰. Эта молодежь

¹⁸ См.: Щетинина Г.И. Студенчество и революционное движение в России, последняя четверть XIX века. М., 1987. С. 30. См. также: Отчет о состоянии и деятельности Императорского Петроградского университета. С. 76.

¹⁹ См.: Щетинина Г.И. Указ. соч. С. 33.

²⁰ С 1896 по 1911 годы число учителей начальных школ увеличилось примерно на 70%, числа врачей — на 61%. См.: Ерман Л.К. Состав интеллигенции в России... С. 164.

создавала напряженную обстановку недовольства политикой самодержавия в цитаделях науки.

Попробуем представить себе дореволюционного студента, в том числе и студента Императорского Санкт-Петербургского университета.

Опросы и социологические обследования свидетельствуют, что основная масса студенчества была в возрасте от 19 до 21 года, студентов от 21 года до 26 лет — только 3%. В анкетах студенты отмечали, что хотя их семейный круг достаточно интеллигентный, образованный (это признавало 71%), но к моменту поступления в университет они отторгались от семьи и не имели уже духовной и нравственной близости с родителями (37%)²¹.

Уже отмечалось, что время меняло социальный состав русского студенчества. Со скрипом, медленно он демократизировался. По старинке, молодежь из привилегированных сословий, преимущественно из дворян, составляла большую, статистическую, часть студенчества, но, в основном, аристократов по титулам. Не так уж много среди этих студентов было молодых людей из так называемых именитых кланов.

Основная масса молодежи была одета в изрядно поношенную форму, такова была мода. Тужурка — нараспашку, из-под нее виднеется косоворотка, она появилась уже в начале XX века как дань народу. Лохматые головы венчали бесформенные, затертые фуражки, а из обвислых карманов торчала помятая книжка крамольного содержания. Эти юноши с враждебным недоверием смотрели на самоуверенных аристократиков, как их презрительно называли. Держали они себя с ними гордо и отстраненно. Моветоны отвечали взаимностью и со светской холодностью сторонились и избегали контактов.

Это был совсем другой, страшно далекий от студенческого, мир со своими светскими похождениями, интригами, шумными аристократическими скандалами. «Белоподкладочниками» окрестили эту блестящую молодежь студенты. Термин стал нарицательным и широко распространился по всей России. Позднее так стали называть всех монархистски-реакционно настроенных студентов.

²¹ См.: Членов М.А. Половая перепись Московского студенчества и ее общественное значение. М., 1909. С. 30.

Лощеный «белоподкладочник» одевался в щегольской мундир из тонкого английского сукна на белой подкладке, с белым кантом — отсюда и прозвище. В свое время обязательными для них были чрезвычайно высокие, твердые воротнички, способствующие надменной посадке головы, шпага на боку и непременно белые перчатки. Все это подчеркивало аристократизм и избранность. Завершим портрет: поверх всего этого великолепия — богатые шинели с добротными бобровыми воротниками.

Лихо подкатывали изысканные молодые люди к зданию университета на сытых рысках, позднее на автомобилях. Точности ради отметим, что уже в 1911–1915 годах стал появляться новый тип студента: этаким мускулистый аристократ, спортсмен, спешащий из университета в спортивный клуб. Вне университета этот молодой человек отдавал предпочтение безукоризненному английскому костюму.

Не рано, не торопясь, обычно к 11–12 часам прибывали студенты-аристократы в университет. Соблюдая приличия, посещали одну-две лекции, а в основном собирались для того, чтобы договориться о предстоящих встречах, пирушках, спектаклях, балах и ужинах.

Петербургские моветоны, завсегдатаи Невского проспекта, слыли ярыми поклонниками балетных спектаклей Мариинского театра, после которых они отправлялись в загородные ночные рестораны. Где-нибудь в Новой деревне, от зари до зари, под звон хрустальных бокалов и страстных цыганских романсов чернооких Груш и Лиз, предавались разгулу.

Один из сыновей таких безумно богатых отцов К. Грюнвальд уже в эмиграции в Париже в 1934 году в статье «Воспоминание белоподкладочника», овеянной ностальгической грустью по утраченной студенческой молодости, откровенно и с болью признавался, что у этой молодежи, к ней он принадлежал, совершенно отсутствовало чувство гражданской ответственности перед обществом и государством. «Самодержавие, жандармы, нагайки, Сибирь — были нам бесконечно чужды». Они имели свой девиз: «Истинно культурный человек не попадает под удары нагаек полиции». На роли как охранителей устоев, так и ниспровергателей их они не хотели идти да и негодились²².

²² См.: Памяти русского студенчества... С. 194.

Сама студенческая форма, даже на плечах студента-аристократа, воспринималась в русском обществе как нечто вызывающее, подобно «каинову знаку». У обывателя форма порождала тревогу, подозрение, как некий символ ожидаемых социальных потрясений. Тот же самый белоподкладочник К.Грюнвальд вспоминал, что появление в богатом доме на обеде студента в форме порождало ожесточенные споры вплоть до кофе и ликеров. Светские беседы резко затухали, все принималось возбужденно говорить о каком-то мифическом и символическом студенте. Он представлялся им то «внутренним врагом», то «выразителем народных чаяний».

В придворных кругах ужас вызывала даже сама студенческая форма, особенно «неблагонадежного студента».

К.Грюнвальд с сарказмом вспоминал об одном забавном эпизоде с графом Олсуфьевым, который воспитывался вместе с великим князем Михаилом Александровичем. Его часто приглашала к обеду вдовствующая императрица Мария Федоровна. Однажды на простом извозчике, в скромной студенческой форме, в этом так же был своеобразный пик, молодой граф въезжал в ограду Гатчинского дворца. Началась паника, слуги под свистки охраны схватили «крамольника» чуть ли не за шиворот и поволокли в караульное помещение. Только после выяснения личности молодого человека с извинениями допустили к обеду...²³

На улице, в саду или концерте появление лощенных белоподкладочников собирало толпу лохматых возбужденных студентов. В стенах университетов они молча терпели молодых аристократов, но вне их они презрительно скандировали: «Долой белоподкладочников!», «Долой самодержавие!», «Долой полицию!».

Любопытно, что форменная одежда русского студента не была только знаком корпоративного отличия. Она воспринималась как некий весьма многозначительный символ особого общественного состояния студенческого «микрокосмоса», русскому обществу она говорила о многом.

Мелькнула в толпе фигура в студенческой форме — и один вид ее настораживал обывателя, вызывая недоверие и страх у квартирных «хозяек»; настораживал дворников, они начинали следить за студентами;

²³ См. Там же. С. 201.

благовоспитанные девицы опасливо сторонились: студенты слыли распутниками; гимназистов вид формы завораживал, они страстно завидовали господам студентам.

Студенческая фуражка — тревожный сигнал для полиции. В 1905 году за студенческую фуражку можно было поплатиться жизнью.

«Университет — барометр общества. Студент — застрельщик общественных движений, надежда России», — восклицал, погружаясь в трогательные воспоминания о днях университетской жизни, в эмиграции писатель Михаил Осоргин в 30-е годы XX в. И отсюда единодушный приговор русского мира: студент — возмутитель спокойствия, опасный член общества.

Сами молодые люди чтили свое форменное платье и придавали ему общественную и даже метафизическую значимость. Форма была не во все времена обязательна, но большинство ходило в форме. Задолго, еще только предвкушая университетскую жизнь, молодой человек мечтал о форме, спешил заказать ее или заблаговременно приобрести. Те, кто победнее, покупали по дешевке, подчас не думая о размере. Если не везло и в Университет не попадали, то форму можно было всегда продать и при этом даже подзаработать. На заборах, в газетах, на стенах студенческой столовой часто мелькали объявления: «Дешево продается студенческая форма». Сюртук было покупать необязательно, его имели далеко не все, большинство студентов ходило в форменных тужурках.

Тужурка студента Императорского Санкт-Петербургского университета была черного цвета с синим кантом и петлицами, золотыми пуговицами с орлом. Шинель черная, двубортная; фуражка с синим околышем и темно-зеленой тульей. Массу полезной информации для молодых людей, желающих приобрести форму, содержал ежегодный «Спутник студента-петербуржца». «Выбор большой, цены дешевые, гг. студентам скидка 10%», — сообщал журнал, указывая места распродажи.

«Идейные юноши» предпочитали прочей одежде студенческую форму, причем желательно поношенную, необязательно из-за бедности; носили они ее умышленно небрежно. Модно было отпускать волосы до плеч, иметь кудлатую бороду и усы, большие очки с синими стеклами завершали портрет такого умственного студента «передовых

взглядов». И даже если молодой человек не становился студентом, а только выдавал себя за него или был «вечным студентом», то все равно он многие годы с гордостью носил студенческую одежду. В бороде появлялась проседь, годы давали знать о себе, он даже мог стать дедушкой, но он все продолжал носить студенческую фуражку, прикрывая плешь и седые волосы.

Дорисуем к этому печать мирового недовольства и тоску по идеалу на бледном лице юноши, и получится традиционный портрет «идейного» русского студента. Жадное любопытство и страх обывателя вызывал подобный тип, на что тайно и рассчитывал обладатель студенческого обличия. Что же касалось гимназиста, мечтающего об университете, то, впервые надев студенческую форму, он погружался в безбрежный океан романтических мечтаний. Ему грезилось приближение новой, неизвестной, но такой желанной, свободной, может быть, даже опасной жизни.

Современному молодому человеку трудно вообразить, что момент первого облачения в студенческую форму можно сохранить на всю жизнь. А между тем именно эти трогательные мгновения всплывали в памяти писателя-универсанта Михаила Осоргина. Он вспоминал, что до получения уведомления о принятии в Университет были заказаны и давно готовы форма и фуражка, но решил он их надеть впервые только после радостного сообщения о зачислении в Университет. Необъяснимое чувство охватило его; он почувствовал, что теперь все можно, и хотя он безус и очень молод, но теперь наконец стал взрослым и может курить, жениться, написать прекрасный роман, прославиться и кончить жизнь на баррикадах²⁴.

Был и другой, достаточно распространенный тип студента, этакого бесшабашного, распутного шалопаю. Таким молодым людям море по колено. По знаменитому петербургскому университетскому коридору они, отместим, во время лекций ходили шумной толпой, страшно кричали, все это поражало новичка, ведь в гимназии была строгая дисциплина. А тут, в университет, на лекцию хочешь — иди, хочешь — не иди.

Подобные вольности на многих действовали пагубно, прилежные вчерашние гимназисты начинали небрежно относиться к учению. Отсюда — отсев или превращение в «вечного студента».

²⁴ См.: Памяти русского студенчества... С. 12.

Многие молодые шалопаи безобразно кутили, играли все ночи напролет в карты, часто проигрывали последние крохи, голодали, напились, устраивали шумные скандалы. Была даже в 70-х годах поговорка: «Пьян, как филолог». В результате дебоширы иногда попадали под арест. И хотя зачастую «идеи» арестованного ограничивались пивной, картами и бильярдом, он вдруг начинал изображать страдальца за дело народа, лицо политическое и неблагонадежное.

Едва на улицах раздавались тревожные крики: «Дорогу! Едет шалопай!», обыватели в панике разбегались в разные стороны. Действительно, зрелище было устрашающее. С большой скоростью мчалось несколько фаэтонов, в каждом — по два стоявших в рост студента, в штатском или в студенческой форме, иногда в корпоративных фуражках (это были немецкие студенты). Все они разгоряченные, пьяные, с бутылками пива в руках и безобразно орущие.

Подобная отталкивающая лохматая физиономия скандального, шумного и крикливого студента-разгильдяя, скрывающая в себе некую своеобразную смесь беспробудного пьянства, разврата и... фразерства о несчастном народе, подчас всецело заслоняла фигуру добросовестного русского студента, с увлечением грызущего гранит науки и готового самоотверженно служить прогрессу. Эти студенты на лекции любимых профессоров шли, как к обедне, университет для них был священным храмом, а синий околышек фуражки — эмблемой посвященности. Они распевали свои студенческие песни:

Ради славного труда,
Ради вольности веселой
Собралися мы сюда...

«Девиз мой, — писал в анкете студент университета, — меньше работай, больше веселись. В настоящем, дай Бог, получить бумажку об окончании университета, а в будущем... побольше денег, орденов, чинов при возможно наименьшей затрате труда»²⁵.

К сожалению, наличие многочисленных фразерствующих неучей позволило известному публицисту, одному из авторов «Вех», А.С.Изгоеву вынести достаточно суровый приговор всему русскому

²⁵ Радин Е.П. Душевное настроение современной учащейся молодежи, по данным Петербургской общестуденческой анкеты 1912 года. СПб., 1913. С. 49.

студенчеству: «Русская молодежь мало и плохо учится», и причины этого, по его мнению, скрывались в слабой культуре ума, нравственном разгильдяйстве и в повальном увлечении молодежи модой на «политику». Безобразничая, в разгаре пьяного веселья, перевортыывая городские вывески и разбивая уличные фонари, этот студент-дебошир воображал, что протестует против современного строя. Зло иронизируя, публицист отмечал, что в кабаках и местах похуже «передовые студенты» с особой любовью распевали бунтарские, по их мнению, «Дубинушку» и «Укажи мне такую обитель»²⁶. Сами о себе они дружно пели:

От зари до зари, чуть зажгут фонари,
Вереницей студенты шатаются.
Они пьют и поют, разговоры ведут
И еще кое-чем занимаются...

Обратимся к анонимным студенческим переписям и анкетированием. (Кстати, отметим, что они проводились официально самими студентами под руководством преподавателей.) Сделаем это для того, чтобы не сложилось впечатление, что все русские студенты, этикие «молодые бычки», особенно, как подчеркивал А.С.Изгоев, «передовые студенты», были по большей части пьяницами и все время проводили в попойках и публичных домах. Перепись 1904 года свидетельствует о том, что, действительно, спиртные напитки довольно часто распивались в студенческих компаниях, но пили, по признанию самих студентов, постоянно только 1,8%. Основная масса употребляла алкоголь случайно, с товарищами — утверждали 95% студентов, и, как они сами признавались, «напивались редко». Большинство пьющих, указывая причину пьянства, выделяло влияние компании, почти половина студентов отметила алкоголизм наследственным, русско-традиционным, других толкали к спиртному тоска, одиночество, разочарованность. Анкетирование обнаружило сильную склонность к пьянству у бывших семинаристов, выходцев из духовной среды, людей бедных и морально надломленных.

Что же касалось посещения публичных домов, то в этом грехе призналось только 7,3% опрошенных студентов, 34% студентов воз-

²⁶ См.: Вехи. М., 1990. С. 107, 109.

держивалось от опасных связей с проститутками по «нравственным» мотивам²⁷.

Знаменательно, что некоторая часть студентов в анкетах указала основной причиной воздержания от половой жизни деятельное участие в общественной и революционной деятельности, в партийной работе. Любопытно, в заключении комиссии половой переписи студенчества также подчеркивалось, что в бурные предреволюционные времена наблюдалось падение половых излишеств у молодежи, а это ограничивало в свою очередь почву венерических заболеваний.

Сделаем вывод, к нему пришли и авторы опросов²⁸. В описываемую эпоху обычный русский студент, отдавая долг кутежам, пьянству, картам, никогда не отгораживался от общественной жизни.

Быть или не быть студентом? Для многих молодых людей это означало вступление в орден нищенствующих. Материальные условия жизни значительной части студенчества были чрезвычайно тяжелыми. Это признавали даже официальные комиссии обследования. По их материалам — в начале века в университетах на филологических факультетах нуждающихся было более 60%, на математических — свыше 50%, на медицинских около 70%. Это по весьма заниженным данным инспекции. В ветеринарных и сельскохозяйственных институтах, учительских семинариях, фельдшерских школах процент бедствующих студентов был еще выше.

Для русского студента, по выражению Г.В.Плеханова, спокойный умственный труд считался роскошью²⁹. «Лето — в отъезде на каком-либо «выгодном» уроке (обычно со столом); зима — в беготне с работы на лекции и обратно или по урокам; сплошь и рядом суровая необходимость помогать родителям или братьям и сестрам», — описывал свои студенческие годы Михаил Воронков³⁰.

Н.К.Крупская, вспоминая об аскетическом образе жизни В.И.Ленина в Петербурге в 1894–1895 годах, особо подчеркивала, что

²⁷ См.: Членов М.А. Половая перепись московского студенчества... С. 31.

²⁸ См. Там же. С. 58, 74.

²⁹ См.: Плеханов Г.В. Соч.: В 12 т. Т. XII. М.; Л., 1923–1927. С. 138.

³⁰ Воронков Мих. Из жизни дореволюционного студенчества. М., 1947. С. 7.

он «жил тогда как студент, в небольшой комнатухе, тратил на себя гроши»³¹.

«Если весь мир — тюрьма, — как говорят пессимисты, то... студенческая комната — неблагоустроенный карцер в этой тюрьме»³², — писала газета «Речь» в 1908 году по поводу обследования жилищных условий студентов. Отдельные квартиры занимали только 3% всех студентов, остальные вынуждены были довольствоваться частью комнаты. 51,8% всех комнат снимались двумя лицами и 11,3% — тремя. Санитарное состояние этих жилищ было ужасное. Одна треть из них не отапливалась, пятая часть — сырых, 16,2% — темных, 7,5% — проходных³³. При этом «обеспеченность теплым и особенно меховым платьем была самая ничтожная». Комиссия профессоров Казанского университета в 1901 году была вынуждена констатировать, что студенты в своей массе — это круглые бедняки³⁴. Нищета приводила молодых людей к тяжелым заболеваниям.

Для многих бедных студентов, особенно бывших провинциалов, Петербург являл собой некий психологический и метафизический пресс. Для них Петербург был парадоксален. Путь из университета с величественной набережной с ее монументальными дворцами и простором лежал в другой город — в студенческое жалкое жилье, в полу-подвал, в каморку-гроб, с грязной скользкой лестницей, в безликий серый дом с двором-колодцем, канавами и вонью. Тут на многочисленных Подъяческих, Мещанских, Прачечных, Столярных ютились мелкие чиновники, торговцы, ремесленники, безвестные художники и бсызыманные поэты. Жизнь в этом городе, казалось бы, не имела ничего общего с горделивым, свободным пространством университета, здесь в тесных мрачных петербургских трущобах возникали трагические, типично петербургские ситуации, достойные пера Достоевского, здесь люди страдали... И это уже не Северная Пальмира Петра Великого, не амипирный барин Петербург!

³¹ См.: Ленин: Петербургские годы: По воспоминания современников и документам. М., 1972. С. 252.

³² См.: Речь. СПб., 1908. Декабрь.

³³ См.: Студенчество в цифрах. СПб., 1909. С. 50.

³⁴ См.: Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. С. 30.

Студенческая комната — это еще целый мир студенческой жизни. Болтливые хозяйки каморок, завлекая возможных жильцов-студентов, пряча глаза, горячо убеждали их, что в комнате клопов отроду не бывало, правда, немного темновато, и окно — щель, но ведь днем не ученье, а вечером будет хозяйская лампа, но керосин ваш, жгите, сколько хотите... Кроме того, полагалось и два кипящих самовара в день. Ну, а клоп, если и забежит, то можно, убеждала находчивая владелица жилья, ножки кровати поставить в баночки с водой. Но, главное, женщин не водить!

Как было общеизвестно, студент в законный брак предпочитал не вступать. А если какой нетерпеливый и подумывал, то сделать это было весьма затруднительно. Одно время Устав университета категорически запрещал студенческие браки. Правда, со временем было сделано послабление, но с какими препятствиями! Студент был обязан просить разрешения на вступление в брак у своего учебного начальства и не получал его до тех пор, пока в канцелярию не приходил ответ от генерал-губернатора на запрос о нравственном и политическом поведении невесты.

Вот как брачный вопрос освещает студенческая перепись 1904 года, на основе которой был сделан вывод: ничтожен процент женатых студентов — их около 7%. В студенческих приписках к ответам сквозила горечь материальной неустроенности: «Жениться на деньгах не хочу, а содержать семью не в состоянии», — примерно так объясняло свою холостяцкую жизнь 37% студентов³⁵.

У русского передового студента — вечные идеальные устремления и даже идеологические, для них традиционны поиски жены-друга. Неслучайно более половины опрошенных студентов заявили, что в брачном союзе хотят обрести «идейное сближение», совместное участие в общественной жизни.

Но были и такие молодые люди, которые, протестуя против государственной системы, выступали против института брака, одни мечтали, а другие осуществляли «свободный союз» полов, основанный на «взаимном соглашении». Вот таких-то «свободомыслящих» молодых людей и опасались «добропорядочные» мамы и «благовоспитанные»

³⁵ См.: Членов М.А. Половая перепись московского студенчества... С. 58.

девицы, мечтающие сделать выгодные партии. Особый ужас внушали студенты, считавшие себя анархистами. Они проповедовали абсолютную свободу в брачном вопросе, отличались, как было отмечено в выводах переписи, «нечистоплотностью и беспорядочностью» в половой жизни.

Комната-гроб обрекала на одиночество, уныние. Не случайно 57% петербургской учащейся молодежи в анкете, исследующей душевное состояние, ответили, что они разочарованы в жизни, одиноки и им приходила мысль о самоубийстве³⁶.

Но были и такие энергичные, деятельные молодые люди, которые преодолевали одиночество страстными поисками жизненных ценностей, идеалов, рецептов к спасению человечества. Комнаты их служили местом бурных молодежных сборищ единомышленников. Их объединял жгучий интерес к общественным проблемам, к политике, к власти.

В воспоминаниях универсантов сохранились живые описания подобных собраний: вечерами в маленьких, душных, прокуренных комнатухах шумно, царит задорное оживление. Благополучно миновав дворников-доносчиков, все молодые люди разместились за столом. Самовар, водка, колбаса. Читают реферат. Страстно спорят, до одури. Каждому не терпится поделиться своими мыслями, чувствами, ибо он считает, что они необычайно ценны для человечества. Некоторые студенты, особенно «идейного вида», крайность своей экстремальной позиции выражали тем, что на глазах удивленных друзей пили чистый спирт.

Студенты из обеспеченных семей или снимали отдельные квартиры в аристократических районах, или жили с родителями в собственных домах. Но и на них подчас действовал общий аскетический стиль студеской жизни. Случалось, в роскошном столичном особняке универсанты встречались в нарочито скромной комнате хозяина-студента, обстановку ее составляла лишь простая железная кровать с жестким тюфяком, деревянные стулья да лампа в простом жестяном кошике. Опять парадокс! Слыть богатым в студенческой среде некоторым было зазорно!

³⁶ См.: *Радин Е.П.* Душевное настроение современной учащейся молодежи. С. 1.

Современные психологи особое внимание уделяют феномену одиночества, особенно духовному. Политическая психология интерпретирует его в область политики. Корни оппозиционности значительной части русского студенчества глубоко уходят в почву российской действительности. Но, быть может, страх отторжения от жизни юного студента, его бедность, одиночество, комната-гроб толкали молодого человека на поиски идеалов, круга единомышленников, объединяющей идеи. И тогда «человек одинокий» превращался в «человека политического»³⁷.

Задавленность одиночеством, минутами — близость к отчаянию, недоедание, вечные поиски заработка приводили молодых людей к разочарованию в жизни. Даже по официальным данным инспекции нуждающиеся студенты в Петербургском университете в 1899 году составили 40%, а в 1899/1900 учебном году — 53,2% от всего числа обучающихся³⁸.

В Москве и Петербурге квартирная плата была особо высокой, за плохую комнату просили 10–15 руб., за сносную 20–25 руб. в месяц, к этому необходимо присоединить плату за обучение.

Правительство систематически повышало плату за образование. Эта мера проводилась последовательно с целью оградить университет от выходцев из неимущих классов. С 1887 до 1897 года плата за обучение возросла с 10 до 50 руб. в год, а накануне революции 1905 года — до 100 руб. в год³⁹. В то же время из года в год сокращались ассигнования на стипендии. Если в 1889 году в Казанском университете 6,1% состава студентов были «обязательными стипендиатами», то в 1904 году они составили 4,3% от общего числа⁴⁰, это при увеличении численности студенчества.

³⁷ См.: Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. СПб., 1992. С. 70.

³⁸ См.: Образование. 1899. № 12. С. 47; Материалы по истории студенческого движения в России. Вып. 2. Лондон, СПб., 1906. С. 13.

³⁹ См.: Исторические очерки деятельности Министерства народного просвещения. 1882–1902 гг. / Сост. С.В. Рождественский. СПб., 1902. С. 15. См. также: Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. С. 29.

⁴⁰ См.: Элерт А.А. Очерк студенческого движения в Казани накануне революции 1905–1907 гг. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1961. С. 14.

Кроме того, при распределении стипендий администрация высших учебных заведений обычно учитывала не материальную обеспеченность студента, а его политическую благонадежность. Позиция правительства относительно стипендий разъяснялась в секретном циркуляре по высшей школе: «Правительство не обязано давать дарственно желающим высшее образование, тем более оно против освобождения от платы за обучение, ибо это составит «искусственное средство к приплечению в высшие учебные заведения таких лиц, которые только удаляются от той среды, к которой принадлежат»⁴¹.

«Не являлись ли у вас мысли о самоубийстве и как вы относитесь к этим мыслям в настоящее время?» — на такой вопрос анкеты 1912 года петербургские студенты, а среди них были кандидаты в самоубийцы, отвечали, например, в университете, что 54% из них приходила мысль о подобном конце жизни. Разочарованность поражала все возрасты, но трагическое решение покончить с жизнью чаще всего появлялось к 23 годам⁴².

Усталость от жизни приводила к поискам более сильных, острых ощущений. Вот как писал один универснт: «Увидеть в цирке, как соприется акробат или дрессированный лев откусит голову укротителю... Отсюда — посещение цирка. Теряю веру в себя. Жизнь надоедает...»⁴³.

В России слово студент было тождественно слову *нищий*. В русской литературе, искусстве сложился традиционный облик студента — безденежный мытарь, худой, туберкулезный и обязательно в очках. И это не лишено основания. В результате обследования студентов Варшавского университета (подобная картина была характерна для всех университетов) было выяснено: 33% студентов жалуются на болезни горла, груди, легких; 41% учащихся носят очки; 57% страдают нервными расстройствами; 59,67% испытывают постоянные головные боли⁴⁴. М.Горький в 1912 году писал, что рабочие и студенты «дают наи-

⁴¹ Былое. 1907. № 9/21. С. 220.

⁴² См.: Радин Е.П. Душевное настроение современной учащейся молодежи. С. 30.

⁴³ Там же. С. 32.

⁴⁴ См.: Фромметт Б. Очерки по истории студенчества в России. М., 1912.

больший процент туберкулезных»⁴⁵. Частые заболевания нередко вели к нервным срывам, смертельным исходам. Процент смертности, например, среди томских студентов университета был довольно высок: за период с 1901 по 1905 год он колебался от 0,5 до 1%⁴⁶. Полутолодный студент постоянно был озабочен поисками заработка.

На воротах домов, подъездов, в вокзалах, на конках пестрели объявления: «Студент ищет уроки», «Серьезную подготовку дает студент», «Отсталых подготовляет». Были и весьма оригинальные, в студенческом духе объявления: «Закоренелых лентяев подготовляет, двойки быстро исправляет», «Копейка в минуту — дает урок студент».

Существовали посреднические конторы, они за 1 рубль подыскивали работу студентам. Студенты занимались страхованием, собирали разного рода объявления, работали на подготовительных курсах, репетировали поступающих в высшие учебные заведения. Изворотливым студентам удавалось прилично заработать, правда, зачастую в ущерб учебе. Они ходили по домам, интеллигентный вид их должен был вызывать доверие, и предлагали товары различных фирм, русских и иностранных: книги, швейные и пишущие машинки, велосипеды, сигареты, белье.

ШВЕДСКАЯ ГИМНАСТИКА И ОБЕД НА ДВОИХ

О многотрудности жизни малоимущего студента мы говорили много. Напомним, что типичный петербургский студент не особенно был и здоров, плоскогоруд, легко утомлялся, и в этом надо винить не только петербургский климат, дождь, слякоть, туманы. Студент пренебрежительно относился к спорту, мало внимания уделял своему физическому развитию.

Могло ли быть иначе! В Петербургском университете с момента его основания вплоть до Первой мировой войны, впрочем, как и в других русских учебных заведениях, предмет «физическое воспитание» не

⁴⁵ Горький М. Об организации общественной помощи студенчеству // Советское студенчество. 1936. № 1. С. 4.

⁴⁶ См.: Матвеев М. Студенты Сибири в революционном движении. Томск, 1966. С. 33.

входил в учебные программы, государственных средств на спортивные занятия студентов не отпускалось.

И в то же время хочется напомнить, что приоритет в организации физического воспитания студентов в стенах высших учебных заведений России по праву был завоеван Санкт-Петербургским университетом.

Известный ученый П.Ф.Лесгафт, основатель отечественной системы физического воспитания, обладавший огромной силой убеждения, в своих лекциях на естественном факультете Петербургского университета горячо настаивал на необходимости внедрения спортивных программ в студенческое образование, а самих студентов уговаривал внимательнее относиться к своему физическому состоянию. По его почину в манеже в Адмиралтействе для студентов были организованы спортивные занятия.

Но регулярные занятия спортом в Петербургском университете связаны с именем легендарного И.В.Лебедева, в то время студента историко-филологического факультета, а затем юридического, который не закончил; в дальнейшем с 1905 года он стал профессионалом, организатором чемпионатов борьбы в цирках России, где и завоевал широкую популярность арбитра под именем «дяди Вани».

Летом 1901 года, будучи студентом, И.В.Лебедев имел смелость подать на имя ректора прошение об организации кружка атлетического спорта в Петербургском университете. К изумлению студента, его проект был передан в Министерство и утвержден министром народного просвещения Ванновским, а сам Лебедев назначен заведующим и преподавателем⁴⁷.

Приходило ли в голову студенту-энтузиасту, что день 1 ноября 1901 года, когда были впервые открыты при Петербургском университете курсы шведской гимнастики и атлетики, будет принято считать началом физического воспитания в высших учебных заведениях России и датой возникновения вузовского спорта⁴⁸.

Начались занятия скромно, в одной из шинельных университета, в небольшой комнате, без вентиляции, где только со временем удалось организовать душ. В течение первого года занималось около 200 чело-

⁴⁷ См.: Лебедев И.В. Записки счастливица // Урал. 1964. № 9. С. 137.

⁴⁸ См.: Смирнов В.Н. У истоков студенческого спорта // Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. V. Л., 1984. С. 134.

век. Весной в хорошую погоду занятия проходили на свежем воздухе в Ботаническом саду университета, они привлекали массу любопытной молодежи, которая тут же загоралась желанием немедленно записаться на курсы.

Особое внимание уделялось созданию красивой фигуры и статности, увеличению мышечной массы. В ежедневную программу входили гимнастика, атлетика, шведская гимнастика с резиновыми и другими аппаратами, бокс, фехтование. В дальнейшем круг участников расширился, стали проводиться соревнования по поднятию тяжестей и победителям вручаться серебряные и золотые жетоны и медали.

Сам преподаватель, И.В.Лебедев, был увлечен делом, мечтал увеличить базу для занятий спортом и получить манеж Первого кадетского корпуса, расположенный вблизи университета.

Известность «малой кафедры физического воспитания» росла, желающих заниматься становилось все больше, теперь уже на кафедре работало 3 преподавателя, но материальная база оставалась слабой и плату за обучение получал только один студент — «профессор атлетики» — Лебедев. По указанию Министерства народного просвещения за работой курсов был установлен тщательный полицейский досмотр. И это не удивительно — курсы работали в сложное предреволюционное и революционное время (1901–1905 годы).

Бедность, внедрение осведомителей — все это не останавливало молодого «профессора», и он и его ученики помогали открыть и наладить работу спортивных кружков в Политехническом институте. В Лесотехнической и Военно-медицинской академиях Лебедев организовал новую форму спортивного обучения — «заочную школу физического воспитания». Студенты с увлечением занимались спортом.

Однажды ректор обратился к одному из студентов, посетителю спортивных курсов:

— Пользу или вред приносят вам занятия у Лебедева?

— Вред, — ответил студент.

— Как так?

— Да каждую неделю приходится переставлять пуговицы на тужурке, все шире становлюсь.

В отчете Санкт-Петербургского университета за 1903 год о физическом состоянии занимающихся спортом отмечено, что у 10 обследо-

дуемых за весьма короткий срок от 2 до 9 месяцев объем грудной клетки увеличился в среднем на 3–10 см⁴⁹.

И все-таки особой достопримечательностью университета, без которой невозможно полностью представить жизнь студента, была знаменитая студенческая столовая. Она была торжественно открыта 1 октября 1902 года и получила имя тогда уже покойного профессора О.Ф.Миллера. До этого дня столовая кочевала, занимая различные помещения на 10-й линии Васильевского острова. Существовала она на средства общества Вспомоществования недостаточным студентам Санкт-Петербургского университета, детища профессора Миллера.

До сих пор красуется на Биржевой линии великолепное здание столовой, построенное на земле, пожертвованной княгиней З.Н.Юсуповой, архитектором И.Н.Коковцевым. Стоимость здания определялась в 135000 руб. без учета расходов на оборудование кухни, приобретение посуды, мебели и прочего.

Стоит вспомнить с почтением и о самом профессоре О.Ф.Миллере — известном фольклористе, литературоведе и «друге студенчества». Уже при жизни он слыл личностью легендарной и славился необычайной добротой, дверь его дома всегда была открыта для нуждающейся учащейся молодежи. Иногда у него не оказывалось денег, и тогда он глубоко страдал. Ходила легенда, что однажды, не зная, чем оказать помощь просителю, он дал ему для заклада свой собственный профессорский фрак⁵⁰.

Идеальная доброта профессора поражала, его «евангельская душа», безусловно, искренне страдала от вида голодного студента, приехавшего из провинции и имевшего гроши на пропитание. И он приложил все усилия и создал себе «памятник» — студенческую столовую! Но он не мог вообразить себе, что его детище будет не только дешево кормить голодную молодежь, но и превратится в популярнейший политический клуб студенчества.

Во времена общественных брожений столовая становилась идейной штаб-квартирой различных общественных организаций, политических партий и секций. Новичкам-студентам рассказывали, что будто

⁴⁹ См.: Там же. С. 134.

⁵⁰ См.: Нива. 1902. № 42. С. 823.

бы в помещении столовой в 1905 году хранилось оружие и его раздавали для предполагаемых выступлений. На стенах столовой висели многочисленные объявления об ученых собраниях различных обществ, встречах, концертах или даже балах, проводимых столовой в пользу неимущих студентов. За столовой был установлен полицейский надзор, студентам было известно, что здесь «обедали» и шпионы, время от времени столовую закрывали, начинались студенческие протесты, и ее вновь открывали...

Столовая имела три этажа, помещения ее были обширны. При столовой была библиотека-читальня, в теплом помещении которой можно было провести весь день. В залах столовой можно было обогреться, встретиться с товарищами, горячо поспорить, сыграть в шахматы и вместе дружно спеть недозволенные песни. Идейные споры иногда доходили до рукопашной, особенно если вмешивались студенты — члены кавказского землячества. Для организации деятельности этого многогранного студенческого клуба из студентов избиралось Правление столовой, члены его пользовались различными привилегиями.

По тем временам столовая обладала «грандиозной питательной способностью», она могла отпускать в день до 2000 обедов и при этом в течение дня без всякого стеснения могла обслужить одновременно до 400 человек. Обеды выдавались по порционной системе с отдельной платой за каждое блюдо, что было весьма удобно для малоимущих студентов. Цены были вполне «студенческие», и качество еды приличное.

Обстановка столовой была скромной: в обеденных залах стояли длинные столы, покрытые затертой клеенкой, но главная приманка на них — огромные корзины с черным и серым хлебом, за который не надо было платить, — ешь сколько угодно. Голодающие молодые люди иногда ограничивались бесплатным хлебом и чаем, несколько кусков можно было открыто положить в карман. Это не вызывало осуждения. Зачастую можно было услышать, как один студент говорил другому: «Коллега, я Вам куплю обед, у меня денег хватит на двоих». Богатых студентов тут встретить было невозможно. Внешний вид молодых посетителей говорил об их бедности и недоедании.

Обедающих с самого утра было много, шум стоял несусветный, в клубах табачного дыма трудно было разглядеть лица. Некоторые мо-

лодые завсегдатаи проводили в столовой весь день, предпочитая ее лекциям. Можно было рассчитывать и на то, что администрация предложит бесплатную тарелку щей, правда, без мяса, да и пиво здесь было дешевое.

Большинство студентов довольствовалось только одним блюдом. Порция супа стоила 6 копеек, обед с мясом — 12 копеек, стакан чая — 1 копейку, бутылка пива — 9 копеек. Были обеды и более дорогие, студенты побогаче могли пользоваться буфетом, где продавались молоко, кисели, простокваша, пиво и даже шоколад. Чтобы представить дешевизну столовой, напомним, что билет в Михайловский театр, его любили посещать студенты-аристократы, стоил от 42 копеек до 20 рублей.

Сколько значительное место в жизни студентов занимала университетская столовая, может показать ответ студента: на вопрос переписи «чем вы занимаетесь?» он категорически ответил: «Обедаю в студенческой столовой».

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

Студенческая жизнь была и есть весьма многообразна. Для нее во все времена характерны быстрая смена радости и огорчений, смеха и слез, и... необходимы шумные, яркие праздники.

Бесшабашно русские студенты распевали:

Так смотри ж — торопись,
Да живей сторонись:
«Веселись да бесись!»
Мой всегдашний девиз.
Сторонись, берегись
Поскорей предо мной,
До земли поклонись:
Я студент молодой.⁵¹

«Татьянушка» — так ласково называла вся образованная Россия общестуденческий праздник. Что же касалось вчерашних студентов, бывших, то для них воспоминания о многотрудной студенческой молодости, хотя бы в день праздника, делали ее в их глазах лучше, светлее, чем она была на самом деле.

⁵¹ Стихотворения Авенариуса. СПб., 1860. С. 6.

И такой праздник у студентов был. «Татьянин день», «Татьяна», годовщина основания Московского университета, — день, ставший общестуденческим, отмечаемый шумно и весело во всех университетских городах 25 января, был чрезвычайно популярен у всей образованной России. Без «Татьяны» невозможно полностью представить облик русского студенчества, а в истории студенческого движения без этого праздника воистину возник бы глубокий пробел.

В свои времена щепетильные строгие моралисты, вспоминая о «Татьяне» — празднике безудержного молодого разгула, делали многозначительную гримасу и начинали судачить о пьянстве молодежи, битье зеркал в ресторанах, уличных фонарей и о прочих проделках и безобразиях студентов.

Да, было и пьянство, и разгул, бывали и безобразия. Но был и ежегодный, так ожидаемый студентами и бывшими студентами, полный юношеского веселья и острой ностальгии университетский праздник. Русскому сердцу были так близки его устоявшиеся годами традиции, а главное — возможность за товарищеским столом, прилюдно, сообщая, так по-русски под хмельком потолковать, горячо поспорить о судьбах матушки-России.

Задолго формировались комитеты, инициативные группы как из местных профессоров, благообразных старцев — бывших студентов, так и самих энергичных молодых людей для подготовки, организации праздника и формирования делегации из профессоров и студентов в различные университеты России. Особой заботой организаторов были готовящиеся банкеты, банкетки, студенческие пирушки.

Центральным событием среди многочисленных сборищ, несомненно, представлялся грандиозный банкет бывших студентов, его обычно устраивало Общество вспомоществования студентам. Для всех обедов, банкетов избирались распорядители, готовились праздничные оригинальные билеты, изысканные меню, благотворительные базары и балы, для них специально приглашали знаменитых актеров, певцов с либеральным «душком». Они должны были обеспечить успех благотворительных лотерей. Но с особой тщательностью намечались ораторы из известных профессоров и общественных деятелей, так как все понимали, что ужинать будут на «политические темы».

По этому поводу профессор Н.И.Кареев вспоминал, что ему в Татьянин день в 1905 году на огромном банкете предлагалось огласить декларацию политического характера, в ней содержались требования народного представительства и протест против реакции в высшей школе и вообще говорилось о том, «что так дальше жить нельзя»⁵².

Из всех концов России в день «Татьяны» неслись телеграфные приветствия в адрес Московского университета и обратно в адреса всех университетов, но Московский университет в этот день становился сердцем интеллектуальной России.

Праздник в университетских городах начинался чинным богослужением в университетской церкви, за которым следовал торжественный университетский акт. Официальная часть была довольно утомительной, почетные гости и именитые старцы должны были принести немалую жертву науке, ибо им приходилось выслушать очень длинную и очень ученую речь ректора. Но все могли быть вознаграждены и довольны, если меткая ядовитая стрела речи ректора пускалась в адрес охранительной публицистики или правительства. Остроумная реплика на следующий день будет переходить из уст в уста и служить поводом для многих застольных остроумных речей.

В своих воспоминаниях профессор А.А.Кизеветтер, описывая «Татьяну», с теплой иронией подметил, что это был день всеобщего радостного возбуждения. Юнцы и пожилые старцы — все чувствовали себя студентами, одни — праздную праздник молодости, другие молодели душой от воспоминаний о светлых минувших годах бурной молодости. Тогда еще житейское море забот не поглотило безжалостно светлые идеалы тепер уже «усталых», «тоскующих» интеллигентов:

Истомила идея бесплодных интрижек,
По углам паутина ленивой тоски,
На полу вороха неизрезанных книжек
И разбитых скрижалей куски...

писал Саша Черный.

Подобный «тоскующий» бывший студент в день «Татьяны» прощался внезапно, с оптимизмом и с радостью ощущал, что принадле-

⁵² См.: Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 225.

жит к некому весьма важному интеллектуальному сообществу людей, связанных единством воспоминаний, мыслей, настроений.

В этот день отбрасывались в сторону всякие перегородки — служебные, партийные, возрастные, вспоминал проф. А.А.Кизеветтер, и какой-нибудь ученый, уже близкий к концу земного поприща, хотел быть в этот день таким же веселым, возбужденным, даже таким же легкомысленным, как иной птенец, только что перелетевший с гимназической скамьи в университет⁵³.

Да, это был поистине праздник юности. Весь день и всю ночь в честь «Татьяны» шумные, многолюдные обеды справлялись в различных компаниях, но всех объединяло одно — интеллектуальная общность. Пускали в залы только тех, кто читал «Татьяну», везде мелькали знакомые лица своих профессоров — в этот день они сбрасывали всю свою ученую спесь, обнимались со студентами, те переходили на «ты» со вчерашними грозными преподавателями. Иногородние гости — профессора и студенты, посланники других университетов — под шумные аплодисменты зачитывали свои послания, здравицы. Седовласые старцы бодрились и с юношеской пылкостью читали свои стихи и поэмы, посвященные этому дню. Много страстных речей, объятий, лобызаний, один оратор, под звон хрустальных бокалов и бурю аплодисментов, сменял другого, звучали студенческие песни, старые и новые, но непременно *Gaudeamus*.

К вечеру речи становились все более смелыми, пылкими и шутовскими, голоса громкими, остроты откровенными, споры студентов отнюдь не миролюбивыми... Все смешалось: говор, чокание, бряцание гитары, смех...

— Татьянушка! Выноси, святая угодница!

Студенты под конец переходили к обязательному ритуалу — начинали качать с азартом профессоров, подбрасывая их в воздух, возбужденные, просили их сказать несколько слов, не слушая, целовали, жаловались...⁵⁴

⁵³ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914 гг. М., 1997. С. 222.

⁵⁴ Боборыкин П. Китай-город. СПб., М., 1883. С. 402–412.

Все это безбрежное веселье ярко отобразил писатель П.Боборыкин в своем романе «Китай-город».

Вино, веселье, разгул, воспоминание и все! Нет, каждый образованный русский был глубоко убежден, что над будничными серыми днями и распрями всегда горит яркое негаснущее пламя их общей сопричастности — *alma mater*!

БЕСТУЖЕВКИ — «БЕССТЫЖЕВКИ»

Семь всевластных бесов овладели русской молодой женщиной конца XIX—начала XX веков — утверждала клерикально-реакционная пресса. Это — бес обожествленного образования, бес политической агитации, бес «свободной любви», бес внешнего «опрошения», бес обязательного безбрачия, бес «экономического материализма», бес эстетического декаденства.

Вина русской женщины заключалась в ее страстном стремлении подняться до высоко духовной жизни, обрести внутреннюю свободу, быть полезной обществу; путь к этим вершинам ей грезился через образование.

Петербургский университет может гордиться тем, что он явился одним из первых учебных заведений, порог которых решительно и мужественно переступила женщина.

1857 год стал особенно знаменательным для Петербургского университета. В двери храма науки, приоткрытые по разрешению правительства для посторонней публики, вместе с чиновниками, офицерами, священниками смело вошли и женщины. Студенты сразу отнеслись к этому событию с большим сочувствием, встретили слушательниц дружелюбно, не как «барышень», а как равноправных товарищей. К сожалению, не все профессора приветствовали вторжение девушек в учебные аудитории. Так, один из мракобесов, желая отвести их от своих лекций по естественным наукам, нарочно прибегал к откровенно «циничным» выражениям, объясняя простейшие явления природы. Другие категорически отказывались дать разрешение на посещение своих лекций, мотивируя это несовместимостью с достоинством ученого учреждения, к которому они имеют честь принадлежать.

Посещение университета превратилось в своеобразное повальное увлечение. Публика была самая разношерстная, и кроме умных деву-

шек, желавших серьезно заниматься, были разряженные барышни, приезжавшие ради моды, развлечения и знакомств, можно было встретить и маменек, и гувернанток, сопровождавших подростков, встречались полубразованные девушки, провинциалки, равнявшиеся к знаниям, но с трудом улавливавшие смысл лекций. Среди мужской посторонней публики, кроме людей, жаждавших просвещения, мелькали и франты, выискивавшие «хорошеньких» и мечтавшие завести модный романчик с «нигилисточкой».

Уже в 60-х годах XIX века в России появился новый общественный тип женщины с высокоразвитым чувством собственного достоинства, независимости, яркой индивидуальности, со страстным стремлением к образованию. Это были женщины сильные, мужественные, не желавшие быть, по словам П.Кропоткина, куклами в кукольном домике, их не могли прельстить ни туалеты, ни брак по расчету. Женщины решительно ломали старые традиции и представления о взаимоотношениях полов, которые утверждались из поколения в поколение.

В 70-х годах в первых рядах борцов за высшее образование шли представительницы привилегированных сословий, кающиеся дворянки; вместе с дворянским платьем они скидывали привилегии «белой кости» и благородно устремлялись к просвещению, с тем чтобы вернуть «долг» народу. Их тяжелую эстафету подхватили бесстрашные девушки-разночинки, они не только вели ожесточенную борьбу за образование, но и гордо шли в ссылку и на каторгу за дело народа.

Отмечено, что духовный мир женщин и характер их весьма своеобразно соотносятся с культурой эпохи. В силу природной напряженной эмоциональности женщина своеобразно и живо реагирует на особенности своего времени, быстро впитывает их и — в определенные переломные исторические моменты — обгоняет «свое» время, влияет на облик эпохи. Именно поэтому женщины, наряду с молодежью, представляют собой самые чуткие барометры общества⁵⁵.

Пощечиной, смелым вызовом, брошенным старому миру условностей, замкнутому «мужскому обществу» стал их лозунг не только общественной полезности, но и призыв к естественному внешнему «опрощению». Вид шокирующий, резко бьющий в глаза, без дамских

⁵⁵ См.: Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 46.

кокетливых выкрутасов: коротко остриженные в кружок волосы, синие очки, небрежный полумужской костюм, некий балахон черно-серых тонов, простая обувь, отсутствие косметики, простое товарищеское обращение с мужчинами и даже курение. Так спешил оповестить о себе мир женщины нового поколения, новых взглядов и убеждений. Они претендовали на выполнение «мужских» ролей в обществе. «Идейным» студентам такой тип раскрепощенной передовой девушки импонировал, и они его приветствовали.

Добиваясь полной личной независимости, некоторые девушки действительно доходили до крайностей и цинизма, особенно в одежде и манерах поведения, что давало богатый материал реакционно-монархистским кругам для грязных нападок на стремление к высшему образованию в целом всех прогрессивных женщин:

Ты отрезала чуждую косу,
Косу, роскошь заветную прочь...
И очки ты приставила к носу,
Как мартышка Крылова точь-в-точь!

Интересно, что в 60-х годах первых женщин в университете привлекали лекции профессоров К.Д.Кавелина и Н.И.Костомарова. И это неслучайно, ибо они первыми смело заговорили в своих научных трудах и в педагогической деятельности о необходимости освобождения женщины от семейного и общественного угнетения, о допуске ее к высшему образованию, о необходимости создания высшего учебного заведения для женщин.

1 марта 1871 года петербургский обер-полицеймейстер Трепов представил записку министру внутренних дел, в ней он предупреждал о появлении нового политического рассадника нигилизма. Он утверждал, что высшие курсы, об устройстве которых усердно хлопочут руководительницы так называемого «женского движения», могут превратиться в женский университет с корпоративным духом, а внешний облик девушек, желающих стать ученицами, говорит о принадлежности их к петербургскому обществу нигилистов. Отсюда и главная опасность — «нигилистическое направление может распространиться неудержимо».

Генерал был не единственным человеком, находившим образование для женщин вредным и политически опасным. Ему вторил князь Менцерский в квазиреакционном «Гражданине». Он грозно предупреж-

дал, что, давая девушке дорогу к образованию, Россия будет иметь женщин-ученых и женщин-деятелей, но это будут женщины без пола, без отечества, без отца и матери, без братьев и сестер, без мужа и детей. Спасибо же скажет Россия за таких женщин!

Потоки грязи обрушила реакционная пресса на «ученых женщин», обвиняя их в «модной прихоти», которая в конце концов изуродует русскую девушку и приведет ее к нравственному развращению.

Смелой, интеллектуальной русской девушке, бунтующей в тесном домостроевском домике и рвущейся к образованию, в 60-е годы XIX века прежде всего протянули руку помощи выдающиеся преподаватели, профессора Петербургского университета: Д.И.Менделеев, А.Н.Бекетов, И.И.Мечников, И.М.Сеченов, М.М.Ковалевский, Л.И.Петражицкий и другие. Они вместе со своими единомышленниками, профессорами Медико-хирургической академии и известными общественными представительницами женского движения Н.В.Стасовой, М.В.Трубицкой, А.П.Философовой, А.Н.Евреиновой и другими, в результате упорной борьбы с мракобесием добились от правительства разрешения на учреждение высших женских курсов.

Толчком к решению послужил пристальный интерес к русской женщине, появившийся в университетах Европы, и, естественно, к ее униженному положению в России.

Сор выносился из избы, и это доставляло много беспокойства царским чиновникам. В свою очередь девушки, рвущиеся к образованию, попадая в Европу, переживали умственное возбуждение: очень быстро погружались в запретную для них ранее атмосферу политических идей и течений, многие из них оставляли университеты и бросались в пучину политической деятельности. Особенно привлекателен для них был Цюрихский университет.

21 мая 1873 года «Правительственный вестник» был вынужден сделать официальное заявление. В нем сообщалось, что возрастающий поток русских девушек в Цюрихский университет используют в своих интересах предводители самых крайних политических оттенков. Девушки из России под их влиянием увлекаются политикой. Они читают только революционную литературу, слушают лекции исключительно бунтарского содержания: «Пугачевский бунт», «Французская революция 1870 года» и т.д., посещают сходки рабочих, политические собра-

ния. Возвращаясь на родину, они привозят с собой «политический багаж». Таков был вывод чиновников, вынужденных искать пути, преграды для прекращения «прискорбного отлива» русских девушек в университеты Европы.

28 сентября 1873 года была учреждена Высочайшим повелением Комиссия для составления проекта устава высших женских курсов первоначально в Санкт-Петербурге и Москве.

Отметим, что к работе Комиссии не был привлечен никто из профессоров, читавших лекции для женщин, и никто из лиц, занимавшихся организацией этих лекций. Вокруг Комиссии ходили неопределенные слухи и противоречивые домыслы, их с издевкой множила реакционная пресса. Достоверно было известно только, что высшие женские курсы хотя и могут быть разрешены в университетских городах и при содействии профессоров, но «без прибавления слов: состоящими или учрежденными при Императорском или местном университете».

Что же касалось Санкт-Петербурга, то Комиссия находила «нежелательным, чтобы из провинции в столицу съезжалось много девушек» по причинам материальным, но главное — из опасения массового скопления свободомыслящих женщин.

20 сентября 1878 года в 6 часов вечера чрезвычайно торжественно курсы были открыты при Санкт-Петербургском университете, на них читали лекции профессора университета, но при этом присутствовал некий парадокс, ибо «высочайше» было запрещено упоминать о связях университета и курсов. На молебне по этому поводу присутствовали почетный учебный округ и ректор университета А.Н.Бекетов, персон: которого явно свидетельствовала о патронаже университета.

В день открытия женского университета оказалось, что на курсы записалось постоянных слушательниц 468, вольнослушательниц 346, всего 814⁵⁶. После прочувствованной речи профессора Бестужева-Рюмина слушательницы разошлись по аудиториям, первую лекцию по древней истории прочел в большом зале проф. В.В.Бауэр — известный

⁵⁶ См.: С.-Петербургские Высшие Женские Курсы за 25 лет. 1878–1903: Очерки и материалы. СПб., 1903. С. 75; Тишкин Г.А. Ленинградский университет и высшее женское образование: К 160-летию университета и 100-летию Бестужевских курсов // Вестн. Ленингр. ун-та. История, язык, лит. 1979. Вып. 1. № 2. С. 5–9.

историк, профессор Петербургского университета, надежный для властей. Выбор первооткрывателя лекций был не случаен: в свое время профессор был преподавателем истории цесаревича Александра Александровича (будущего императора Александра III).

Циркуляр тогдашнего министра просвещения Д.А.Толстого специально оговаривал условия: курсы должны быть учреждены как частное учебное заведение и обязательно на «имя» одного из профессоров, способного обеспечить надлежащее, т.е. в русле правительственного курса, направление и нести за него полную ответственность. Выбор Д.А.Толстого пал на профессора университета — известного историка К.Н.Бестужева-Рюмина. Общественная позиция последнего представлялась Толстому достаточно гибкой, ибо племянник казненного декабриста имел авторитет видного ученого-либерала, далекого от «политических увлечений» студентов, но в то же время горячего сторонника широких знаний и просвещения. Внушал доверие и тот факт, что К.Н.Бестужев-Рюмин успешно сумел заменить на кафедре русской истории Петербургского университета известного профессора Н.И.Костомарова, «снискать успех у самой взыскательной аудитории глубиной своих знаний и искренним отношением к студентам». И это было непросто. Лекции Костомарова всегда имели громадный успех, аудитории ломились от слушателей, в том числе и от слушательниц, но симпатии студентов резко переменчивы, и когда Костомаров отказался поддержать протест студентов против полицейских репрессий, они устроили ему шумную обструкцию, в результате он ушел в отставку.

Главные деятели дамского попечительного комитета того времени А.П.Философова, Н.В.Стасова, В.П.Тарновская, М.В.Трубникова, О.А.Мордвинова продолжали работать в пользу Высших женских курсов с той же энергией, с какой работали в пользу публичных лекций для женщин и организации высшего женского образования. Близкое участие в курсах этого комитета дало основание доносить шефу жандармов генералу Дрентельну самому Государю, что профессор Бестужев-Рюмин является только исполнителем дела, инициатива и руководство принадлежат лицам дамского кружка, а сам профессор легко поддается постороннему влиянию⁵⁷.

⁵⁷ См.: С.-Петербургские Высшие Женские Курсы за 25 лет... С. 83.

Четыре года (1878–1882), в эти годы К.Н.Бестужев-Рюмин умело поставил дело курсов и руководил ими, стали его звездным часом; курсы увековечили его имя и вписали в историю, ибо сразу же неофициально стали называться его именем — Бестужевские, а курсистки — бестужевками. Эти названия сохранились, и русской интеллигенции они говорили о многом⁵⁸. В свою очередь циники и мракобесы прозвали бестужевок «бесстыжесками», унижительное прозвище подхватила и довольно охотно использовала консервативная пресса.

К.Н.Бестужев-Рюмин отдавал все свои силы, энергию и увлеченность делу организации курсов, он был их подлинным архитектором, разработал методики и систему преподавания, обеспечил высокий профессиональный уровень курсов, привлек к чтению лекций известных университетских профессоров, таких, как Д.И.Менделеев, И.М.Сеченов, А.Н.Бекетов, А.М.Бутлеров, И.И.Мечников, А.Е.Ферсман, Д.Д.Гримм, Л.И.Петражицкий, Е.В.Тарле, М.М.Ковалевский и другие.

Высшие женские курсы сразу же стали чрезвычайно популярны, и их жизнь привлекала внимание всей передовой интеллектуальной общественности.

Со временем «ядро» слушательниц, а их было большинство, составили девушки из семей петербургской интеллигенции, многие из преподавательской среды. Девушки, горящие жаждой знаний, в скромных костюмах, с манерами изысканной простоты и достоинством в поведении совсем не напоминали внешний образ девицы-«бабушки» Высших женских курсов. У них ничего не было общего с тем пугалом «бестужевки», «безбожницы», «курильщицы», «неряхи», которым так любила пугать обывателя черная пресса.

Состав слушательниц, даже при количественных колебаниях, почти не подвергался изменениям. К семьям дворян православного вероисповедания принадлежало 75–89% девиц, девушек из семей чиновников и лиц свободных профессий — 60%. Преобладающее большинство (от 66–70%) составляли приезжие из провинции⁵⁹.

⁵⁸ Высшие женские курсы просуществовали до 1918 года, когда они были преобразованы в Третий Петроградский университет, а в 1919 году вошли в состав Университета.

⁵⁹ См.: С.-Петербургские Высшие Женские Курсы за 25 лет... С. 220.

Тем не менее, всякого рода слухи и нарекания по поводу состава слушательниц проникали в правительственные сферы и доводились до самого Государя. Так, шеф жандармов генерал Дрентельн в докладе сообщал: «Происхождение и общественное положение слушательниц курсов весьма разнообразно, из числа их не малую долю составляют еврейки, не живущие с мужьями, женщины, известные своей политической неблагонадежностью»⁶⁰.

Министерство внутренних дел решило положить конец притоку девушек-евреек и приняло постановление, согласно которому еврейки, не имеющие права на жительство в Петербурге, не могут быть принимаемы на Высшие женские курсы.

Вообще отношение правящих кругов к высшему женскому образованию в целом напоминало их отношение к высшему образованию евреев. Процентная норма для лиц иудейского вероисповедания, семинаристов, женщин была неотъемлемой составной частью правительственной политики в области образования.

Большинство слушательниц, особенно из провинции, были безысходно материально не обеспечены. Наивные, с романтическими грезами о высшем образовании, приезжая в Петербург и совершенно не представляя жизнь в столице, они сталкивались с неимоверными трудностями и страданиями. Бесконечные поиски приработка, а если он найден, то неизбежно каждодневно надрываться на работе, а затем учиться — какая чудовищная трата сил! Сколько ломалось в России юных жизней на пути к высшему образованию!

И все-таки многие русские девушки, почувствовав тяготение к высшему образованию, ценили его выше жизни. А на пути к светлой мечте их ожидали сырые и холодные квартирные углы, где ютились по три-четыре слушательницы (общежитие не могло вместить всех желающих). Нередко одна постель на троих, ею пользовались по очереди — и в трескучий мороз, и в сырую непогоду. Обеды в грошовых кухнях, бессонные ночи над книгами, конспектами и перепиской для заработка, оплачиваемой жалкими грошами.

Битва с нищетой и голодом во имя ученья иногда оканчивалась трагедией. В книге «Санкт-Петербургские Высшие Женские Курсы за 25 лет», вы-

⁶⁰ Там же. С. 82.

шедшей в 1903 году, описывается голодная смерть одной из слушательниц. Молоденькая девушка из провинции, бедная, не сумевшая найти заработка, — гордость ей мешала обратиться за помощью — несколько дней не появлялась в аудиториях. И вдруг пришло известие, что она найдена у себя в комнате мертвой, — врач констатировал смерть от голода! Подруги ранее замечали ее бледный истомленный вид, но не придали этому значения, — на курсах было немало таких изнуренных, голодных лиц⁶¹.

Может быть, именно поэтому столь часто в воспоминаниях бывших курсисток появляется описание дешевой столовой при курсах, теплой и чистой, с длинными столами (девушки предпочитали коллективное застолье), круглыми корзиночками с хлебом, его можно было есть сколько угодно, и копеечными обедами. Баснословно дешевый обед: 2 блюда — 11 копеек, половина тарелки супа с небольшим куском мяса — 4 копейки. А если уж совсем туго, то на помощь приходило землячество, оно могло выдать в долг 1 рубль в неделю⁶².

Меню было очень разнообразным, составлялось вперед на 10 дней и приближалось к режиму семей среднего достатка. Число ежедневно отпускаемых обедов доходило до 500. Можно было понизить стоимость обеда, для этого девушки должны были помогать по кухне. И они охотно работали. Слушательницам предоставлялось право присутствовать при приеме провизии от поставщиков и отпуске порций обеда.

Попутно отметим, что великое «нашествие» разночинной молодежи меняло кодекс поведения студентов и слушательниц. Ранее студенческие нравы не все позволяли, студенты, в данном случае девушки, были бы просто шокированы, если бы им предложили служить на кухне или за столом, лучше умереть с голода, чем быть прислугой!

Авторитет курсов рос, и девушки, желавшие обучаться, буквально осаждали Константина Николаевича Бестужева-Рюмина, он писал: «девицы чуть не каждый день осаждают меня и обижаются, когда я не дома; а то за них ходят братья, знакомые; в университете прохода нет от вопросов и т.п.»; «у меня голова идет кругом от барынь и курсов»; «но горло занят курсами»⁶³. Несмотря на все чиновничьи препоны,

⁶¹ См.: Там же. С. 114.

⁶² См.: Наша дань Бестужевским курсам. Париж, 1971. С. 27.

⁶³ См.: Киреева Р.А. К.Н.Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX века. М., 1990. С. 212.

число курсисток росло: если в 1879/80 учебном году их было около 800, то в 1914/15 учебном году — уже 6670⁶⁴. Возраст их — от 17 до 24 лет. Обучение на курсах было 3-летним, затем 4-летним. С 1906 года на курсах девушки обучались уже на трех факультетах: словесно-историческом, физико-математическом и юридическом. С 1913 года сбылась мечта бестужевок, свидетельства об окончании курсов стали приравниваться к университетским выпускным свидетельствам. С момента образования курсы предъявляли высочайшие требования к слушательницам, экзамены показывали глубокие знания девушек, высокую степень их образованности, это позволило шутить Константину Николаевичу: «Женщины устыдят у нас мужчин. Пора!»⁶⁵.

Жизнь вторгалась и в университет, и на Высшие женские курсы, конфликты правительства и студенчества становились все острее и неизбежнее. Полиция постоянно следила за курсами. К.Н.Бестужев-Рюмин, как типичный представитель либеральной профессуры, не поддерживал требования курсисток, стремился успокоить их, повернуть интересы в сторону науки, найти приемлемый путь компромисса.

При каких-либо известиях о студенческих выступлениях Бестужев-Рюмин, начинал волноваться и его мучил главный для него вопрос: «Были ли девицы?»

Политика и общественные проблемы, несмотря на все усилия либеральной профессуры, уверенно вошли в Бестужевские курсы, и многие бестужевки решительно окунулись с головой в общественную и политическую деятельность. И на этом пути Университет тесно связал бестужевок и студентов, складывалась их единая благотворительная, общественная и революционная деятельность. Общественная активность слушательниц привела к тому, что появился новый для того времени термин «студентка» — понятие, ассоциировавшееся с оппозиционной деятельностью студенчества вообще. Проправительственная печать стала усердно пугать общество появлением нового крамольника, почти политического преступника — девушки-студентки. Какие

⁶⁴ См.: Тишкин Г.А. Петербургский университет и начало высшего женского образования в России // Очерки по истории Ленинградского университета. Т. V. Л., 1984. С. 158.

⁶⁵ См.: Киреева Р.А. Указ. соч. С. 216.

только циничные обвинения, насмешки ни обрушивались на головы курсисток. Якобы они с определенной целью посещают общественные собрания, кружки, после вечерних сборищ расходятся вместе с юношами, затем напиваются пьяными.

Между тем возможности для контактов девушек и юношей были разнообразны: сходки и собрания, научные кружки, библиотека, землячества, столовая, театр, благотворительные балы и даже совместные места проживания. Но цель этого общения была иная.

На углу 11 линии и Малого проспекта Васильевского острова был знаменитый огромный шумный дом «Пекин», его заселяли многочисленные курсистки и студенты. Дом своим названием был обязан большому чайному магазину в первом этаже, именно там встречались юноши и девушки, устраивались собрания, диспуты, политические лекции, занятия различных кружков, или просто молодежь пела под гитару.

Студенческий и ученый мир Бестужевских курсов ярко отражал весь спектр социальных настроений передовых слоев России, и зачастую общественная позиция курсов была авторитетна, и к голосу ее прислушивалась интеллектуальная прогрессивная элита. Именно поэтому курсы достаточно щедро финансировались, при этом жертвователи представляли различные политические направления. Они материально поддерживали «Общество для доставления средств Высшим женским (Бестужевским) курсам», созданное в 1878 году и являвшееся, по сути, владельцем этих курсов. Добровольные пожертвования делали представители либеральных, демократических слоев, профессора, меценаты, такие, как Д.И.Менделеев, С.В.Панина, И.К.Айвазовский, О.Н.Руквишникова, барон Г.О.Гинцбург, А.М.Бутлеров, М.К.Цебрикова.

Суммы пожертвований на курсы, на постройку здания стекались со всех концов империи, как отметил профессор А.Н.Бекетов: «с берегов Амура, из Восточной и Западной Сибири, из средней Азии, с Кавказа, из всех почти европейских губерний и даже от русских, живущих в Пекине»⁶⁶.

В пользу курсов шли средства и от концертов и спектаклей знаменитых писателей и артистов: Ф.М.Достоевского, М.Горького, А.Блока,

⁶⁶ См.: С.-Петербургские Высшие Женские Курсы за 25 лет... С. 135.

огромные деньги на студенчество. Ее глубоко почитала и любила молодежь — и за талант, и за щедрость.

А.А.Иностранцева пригласили ей «ассистировать». «Мы с ней были знакомы давно, а потому на вечере много болтали», — вспоминал профессор с гордостью. Но главной сенсацией бала стала мазурка, ее исполнили профессор и великая актриса. Примечательно, что Савина, отказав какому-то навязчивому франту, решительно заявила, что мазурку танцует только с профессором. Иностранцев был в неподдельном ужасе от этого предложения, так как со времен гимназии никогда не танцевал, не говоря уже о публичном выступлении!

Появление в центре зала этой пары произвело среди молодежи сенсацию и бурные аплодисменты. «Наш танец, — вспоминал профессор, — впрочем, сошел настолько гладко, что вызвал общие аплодисменты. Конечно, эта овация была устроена не по поводу нашего танца, а потому, что на таких вечерах главная публика — студентки и курсистки, из которых некоторые знали меня, и, увидав М.Г. [Савину. — *Н.О.*], вообще прекрасно танцующую и общую любимицу, они нашей комбинации и аплодировали»⁶⁷.

С начала 1885–1886 годов Высшие женские курсы переехали в свой собственный дом (10-я линия, дом 39), построенный на частные средства, «со всех концов Империи», до этого курсы кочевали, меняя различные арендованные помещения.

22 сентября 1885 года после торжественного открытия и освящения нового дома профессор А.Н.Бекетов произнес речь, в ней он приоткрывал «многозначительность» этого события для всей России. Остановившись на краткой истории Высших женских курсов, он указал на настойчивую тенденцию в русском обществе «доставлять женщинам блага высшего образования», при «неослабном стремлении нашей женской молодежи воспользоваться этими благами». Смело отменяя все вековые предрассудки в отношении женщин, профессор упорно отстаивал необходимость для женской молодежи именно широкого университетского образования: «Итак, цель Высших женских курсов, так же, как и цель университетов, не в том, чтобы образовывать учительниц или ученых, или вообще каких-то специалистов, а в том, чтобы дать России женщин, в возможно широком смысле образованных»⁶⁸.

⁶⁷ См.: *Иностранцев А.А. Воспоминания: (Автобиография)*. СПб., 1998. С. 198–199.

⁶⁸ См.: *С.-Петербургские Высшие Женские Курсы за 25 лет...* С. 135–136.

Великий русский естествоиспытатель, философ, мыслитель, академик И.М.Сеченов, работавший преподавателем в течение многих лет на Бестужевских курсах, подтверждал: в России создано истинно благородное учреждение — женский университет. Он писал, «что это был университет, доказательством служит систематичность четырехлетнего курса, читавшегося профессорами, доцентами университета и даже некоторыми академиками. Я читал на курсах то же самое и в том же объеме, что и в университете...»⁶⁹.

Курсы привлекли международное внимание. Это произошло в 1897 году на Международной выставке в Стокгольме. «Обществу для доставления средств» были вручены Диплом и Серебряная медаль, и в 1900 году в Париже на Всемирной выставке — Золотая медаль за экспозицию невиданных в России женских курсов, с планами здания, фотографиями аудиторий, учебных кабинетов, столовой, библиотеки и самых первых бестужевок.

Санкт-Петербургскому университету Россия обязана не только прорывом в сфере женского высшего образования, но и рождением еще одного замечательного, невиданного яркого типа русских женщин — бестужевки. Они, эти дочери из бедных и богатых интеллигентных семей, были разными, неодинаковы были и их судьбы, их жизненные пути. Одни настойчиво шли в науку, культуру, просвещение, другие становились отчаянными террористками, смело принимали смертную казнь и каторгу, уходили по призванию в революцию... Но всех их объединяло звание *бестужевка*, оно звучало в России громко и гордо, стало синонимом высококультурной, широко образованной, передовой женщины, личности с ярко выраженным стремлением к общественной деятельности. С этой женщиной считались, ее и боялись...

Сами бестужевки постоянно ощущали свою неразрывную кровную связь с «Большим» университетом, на чьей плодотворной почве вырос их женский университет. Он питал его и был связан с ним многочисленными нитями.

В трогательных, безусловно ностальгических воспоминаниях, вышедших в Париже уже в 1971 году, бывшие бестужевки, отдавая свою сердечную дань Высшим курсам, писали, что особенно на память им

⁶⁹ Сеченов И.М. Автобиографические записки. М., 1952. С. 239.

приходят картины водных пространств Невы, открывающиеся от стен университета: зимой — необыкновенный игольчатый голубой лед Невы, в морозное петербургское утро — белесоватые туманы, таинственный свет над водой, архитектурное кружево дворцов. И все-таки главным в их петербургской жизни были те духовные богатства, которые им дали Город и Университет⁷⁰.

ЖЕРТВЕННИК НЕВЕДОМОМУ БОГУ

Русское студенчество поражало и пугало обывателя своим неверием в Царство Божие. По замечанию графа С.Ю. Витте, в основе движения русской молодежи был атеизм⁷¹. Достаточно откровенная оценка всемогущего государственного деятеля конца XIX—начала XX века, убежденного монархиста и реформатора.

По данным студенческой переписи, из каждых 100 православных студентов только 33 признавали существование Бога. Казалось бы, можно вынести суровый приговор — почти половина русского студенчества исповедовала атеизм.

Особенно нигилизм и атеизм были распространены в Петербурге, где «вольнодумная» молодежь с готовностью принимала передовые идеи и жадно следила за европейскими идеологическими и философскими исканиями, а в своей общественной жизни следовала «догматам» материализма и атеизма.

На деле не все было так просто с русским секуляризмом студенческой молодежи. При более пристальном рассмотрении обнаруживалось, что даже фанатически настроенные молодые атеисты включались в борьбу с насилием с чисто религиозным энтузиазмом и в их радикальных учениях, решительно утверждавших материализм, слишком уж явно выступали религиозные устремления и русские христианско-народные традиции.

Невозможно не обратить внимание, что сам город Петербург — гнило «безбожников», с его собственной философией бытия, был уже одной из причин, побуждающих юных интеллектуалов пускаться в внашивые поиски мировоззрения вне церкви.

⁷⁰ См.: Наша дань Бестужевским курсам. С. 33–34.

⁷¹ См.: Витте С.Ю. Воспоминания. Т. I. М., 1960. С. 68.

Свободная церковная веротерпимость молодой столицы, столь резко отличавшаяся от старомосковских традиций и дедовских обычаев, смелая европеизация церковного обихода весьма импонировали молодежи.

Над юными неистребимо довлел дух Петра I, он не только «сотворил» чудо-город, но и утвердил дерзкий взгляд на церковь с явным влиянием протестантизма: Церковь не есть божественное установление, а возникшая из общественного договора коллегия в государстве. Отсюда, действуя орудием тотального насилия, Петр, отменяя патриаршество, учреждает наряду с другими коллегиями духовную — Синод, что и означало превращение церкви в государственный институт. Вся эта цепь событий привела к трагическому разлому, а именно к разрыву с предшествующей церковной историей и культурой, ее заветами и традициями.

Исторически сложилось — культ апостола, чье имя носит город, не получил столь широкого распространения у жителей столицы. В сознании их город Святого Петра стал неизменно городом Петра Великого-преобразователя, а для многих, верных православной старине, — Петра-Антихриста. Церковный неподвижный православный строй был взорван. По почину Петра многонациональный и международный открытый Санкт-Петербург мощно притягивал к себе жителей различных стран, различных вероисповеданий. К началу XX века город стал удивительным для России центром взаимодействия конфессий, щедро представлял все мировые религии.

Не будем здесь судить, плохо это или хорошо, но студенчество на пороге своих мировоззренческих исканий погружалось в уникальную духовную атмосферу города — имперского, европейского, петербургского, своеобразного устойчивого климата, который царил целый исторический период, вплоть до 1917 года.

Главная магистраль Петербурга — Невский проспект — столь любимый променады молодежи, в дни волнений — улица шествий, демонстраций протестующего студенчества, уже с середины XVIII века способствовала формированию европеизированного взгляда на религию, настраивая на лояльную веротерпимость. Здесь, неподалеку друг от друга, в мирном соседстве стояли храмы: лютеранский немецкий, гугенотский французский, реформатский голландский, католический,

лютеранские — шведский и финский. Добавим, что к началу XX века конфессионное многообразие достигло своего пика, в столице построены буддийский храм, великолепная экзотическая мечеть — символ магометанской России, Поморский храм для старообрядцев, Синагога. Происходило как бы своевольное смешение религий, смешение архитектурных стилей, что создавало парадоксальную, законченную красоту Петербурга, столь необычную для русского православного глаза, привыкшего к грузу традиций «вечной», «цельной» самобытности русской культуры.

Блестящая столица сумела уникально соединить светский и религиозный праздники. А молодежь любит светлые праздники.

И что было более впечатляющим: церковный благовест или светское развлечение?

Вспомним об одном таком ярком празднике. О нем, кстати, так часто упоминают бывшие универсанты в своих воспоминаниях.

С нетерпением молодежь ожидала 6 января — ежегодную торжественную церемонию водосвятия. Вблизи от университета, напротив Зимнего дворца, на льду Невы строилась у проруби особая часовня — Иордань. Вдоль набережной, на особняках, дворцах и правительственных зданиях вспыхивали газовые вензеля из букв членов царствующей фамилии с коронами (со временем эти газовые горелки были заменены электрическими лампочками). Праздник был жизнерадостный, яркий: на сверкающем льду переливались золотые и серебряные одеяния духовенства, пестрели красочные цепи гвардейских полков, взоры манили изысканные туалеты аристократических дам и придворных. Умиротворяюще пел церковный хор, но главное — ожидаемый молодежью с таким нетерпением, с криками и смехом взрывался многоцветный, сверкающий фейерверк, под оглушительные взрывы орудий с Петропавловской крепости и Адмиралтейства. Поистине городской праздник — совершенно невозможный ни в одном другом городе. И на него традиционно приглашались верховные служители всех многонациональных храмов, представлявшие весь пестрый спектр религий столицы.

С легкой руки Петра I некоторые православные храмы весьма отличались от церквей других русских городов не только архитектурой, но и внутренним убранством. На первый взгляд, они были довольно странными и напоминали скорее музеи боевой славы. Стены их украшали военные трофеи, шведские знамена с гербами, турецкие бунчуки и мусульманской символикой, многочисленное оружие.

Военные парады, проходившие у стен храмов под бравурную музыку оркестров, усиливали светский характер религиозных праздников. Музыка оркестров, оружейные салюты, гуляния с танцами — все это жизнерадостное народное многоголосье привлекало молодежь, и праздник становился ярким событием, его долго помнили и обсуждали.

Однако все это религиозное многоголосье не могло уже подчинить себе духовную жизнь студенчества, всецело претендовать на личность молодого человека. Верховным принципом морали становится вера в личность, в силу человека, в его творчество.

Радикальная молодежь в 60-х годах зачитывалась произведениями Н.Г.Чернышевского, А.И.Герцена, Н.А.Добролюбова, В.Г.Белинского, они становятся их идейными и духовными кумирами, под их влиянием с необычайной быстротой складывается мировоззрение юных: вера в человека-героя и нового идола-народа, вера в его творческие силы.

С юношеским пылом, мечтая взять культурно-нравственное руководство народом в свои руки, молодежь неизбежно усиливала свой конфликт с властью и официальной религией. И даже та часть молодежи, которая не в силах была порвать с религией, враждебно относясь к правительству, решительно отделяла свою внутреннюю Церковь от государства. «Мое исповедание веры в трех словах: истина, любовь, красота», — так ответил один студент на вопрос анкеты о религиозных взглядах⁷². Справедливости ради добавим, что в студенческой среде, особенно в столичной, отрицание Бога было зачастую признаком хорошего тона, своеобразной студенческой модой.

«Студенческая толпа была безрелигиозна», — констатировал известный историк И.М.Гревс⁷³. Отсюда понятно и горькое сетование одного из авторов «Вех» С.Н.Булгакова, отмечавшего, что «сигнатурой исторической полосы» и всего душевного уклада интеллигентского героизма «остается прочно укоренившееся утверждение, что в России идеал христианского святого, подвижника... сменился образом революционного студента»⁷⁴.

⁷² См.: Членов М.А. Половая перепись московского студенчества... С. 75.

⁷³ Былое. 1918. № 13. С. 65.

⁷⁴ Вехи. С. 44.

Но нельзя грешить против истины — были и глубоко верующие студенты. Один из них в анкете студенческого опроса написал: «Я думаю, что если бы почему-либо стал атеистом, я застрелился бы»⁷⁵.

Почти во всех учебных заведениях были храмы, иногда большие церкви (например, в Петербурге — в Университете, в Политехническом институте, в Академии Художеств). В некоторых учебных заведениях молились просто в Актовом зале, где иконостас закрывался раздвижным занавесом (так чаще всего было в гимназиях).

Торжественным молебном знаменовали: начало учебного года, все святые праздники, исторические памятные юбилеи, «царские дни», отмечали юбилеи профессуры.

Богословие было обязательной дисциплиной и читалось одновременно для всех факультетов. Как вспоминал проф. А.А.Кизеветтер, на первые три-четыре лекции «стечение» первокурсников было громадно. Затем аудитория быстро пустела и «являла собой настоящую пустыню»⁷⁶. «Никто к экзамену богословия не готовился» — писал в своих воспоминаниях граф С.Ю.Витте, виднейший государственный деятель, вспоминая свои студенческие годы. Он же констатировал, что вообще преподавание богословия было поставлено в университетах «весьма и весьма неудовлетворительно» и «прямо постыдно»⁷⁷.

Что только ни делали профессора богословия, чтобы привлечь студентов: устраивали спектакли, режиссировали целые «импозантные представления» с «внешними эффектами».

«Настоящим театральным действием» сопровождалось появление профессора богословия и издателя журнала «Православное обозрение» А.А.Сергиевского. «В щегольской темно-фиолетовой рясе и в ослепительно белых манжетах, похожий скорее на величественного кардинала, нежели на православного батюшку», важно и плавно он шествовал к аудитории. Перед ним двигался швейцар, несший в руках большое мягкое кресло. При общей тишине в аудитории, не садясь, он медленно отнекивался три поясных поклона, затем водружался в кресло и таинственным голосом начинал лекцию с фраз, бывших на эффект, подобных следующей: «Поставим паровоз на рельсы фи-

⁷⁵ См.: *Радин Е.П.* Душевное настроение современной учащейся молодежи. С. 75.

⁷⁶ См.: *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. С. 38.

⁷⁷ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. I. С. 81.

лософии, и первая наша станция будет Бог»⁷⁸. Откликнулся он только на обращение «господин профессор», а на обращение «батюшка» вежливо отвечал: «г. студент, я совсем не имел чести знать вашей матушки»⁷⁹.

Будучи умным человеком, профессор богословия А.А.Сергиевский прекрасно понимал, что молодежь не имеет влечения к богословским наукам, поэтому на экзаменах не признавал других отметок, кроме «пять», в вопиющих случаях — «пять» с минусом.

Но все-таки были и блестящие профессора богословия. С.Ю.Витте вспоминал, что в конце 90-х годов в Петербургском университете пользовался необычайной популярностью у студентов профессор богословия Петров. Когда он читал свою лекцию, то студенты, бросив все другие лекции, сбегались его слушать. И не только они, но и профессора — все были покорены его необычной манерой чтения, как, впрочем, и сам, в то время всесильный, граф С.Ю.Витте: «Это положительно одна из лучших лекций, которую я когда-нибудь в жизни слушал». В личном докладе царю, выразив удовлетворение лекцией, он заявил, что если бы во всех высших учебных заведениях были такие профессора, то юношество увлекалось бы богословием.

Правда, с огорчением в своих «Воспоминаниях» министр был вынужден отметить, что позднее профессор Петров был расстрижен, увлекся политикой и начал талантливо писать для «Русского слова»⁸⁰.

Подрыв религиозных устоев, как правило, начинался в отрочестве, с гимназической скамьи. Гимназия, особенно с 70-х годов, славилась формализмом, казенщиной, своим «избиением младенцев», как горько тогда шутили. Вполне понятно, что чаще всего отход от религий был своеобразной внутренней реакцией на насилие над личностью. Напомним, исповедь и причастие были строго обязательными актами для учащихся, необходимо было представлять официальное удостоверение гимназическому начальству об исполнении этих религиозных ритуалов.

Неминуемое приближение 1905 года и его предощущение — «революция в умах» — резко отбросили «старшую» часть интеллигенции на правый фланг общественной мысли.

⁷⁸ См.: Указ. соч. С. 38.

⁷⁹ См.: Там же. С. 38.

⁸⁰ См.: *Vitte С.Ю.* Указ. соч. С. 82.

Современники отмечали, что многие высокие посты директоров или инспекторов гимназий, особенно в столице, занимали черносотенцы — «хоругвеносцы» — защитники монархизма, национализма. Некоторые из них прославились крайним мракобесием. По поводу одного черносотенного профессора с жалобой к министру народного просвещения был вынужден обратиться ректор Казанского университета. Профессор-мракобес с жаром доказывал в своих лекциях по философии «умственное убожество Спинозы и Гейне»⁸¹.

Крепко доставалось Петру I от монархистски настроенных профессоров и публицистов. Особенно за его своеволие в отношении Церкви, ибо он приказал Империи «забыть самобытные Русские предания, бросился в погоню за европейскими обычаями и убеждениями безо всякого разбора»⁸². Эти идеи принадлежали известному идеологу черносотенства, монархисту В.А.Грингмуту. Странник самого ожесточенного черносотенства, он, кстати, был первоклассным преподавателем греческого языка и директором лицея цесаревича Николая. Как реакционный публицист он прославился трудом, обращенным и к юным: «Руководство монархисту-черносотенцу».

Будем справедливы, среди сторонников православной «самобытности» России — вождей черной сотни, были и по-настоящему крупные ученые, искренне преданные монархии. Среди них — известный филолог А.И.Соболевский, основатель исторического изучения русского языка, член Петербургской Академии наук с 1900 года, член Главного совета «союза Русского народа».

Сказывалось на молодежи и вольнодумное влияние интеллигентной родительской среды, а как отмечалось, нет интеллигенции более атеистической, чем русская⁸³. Любопытно, что молодые люди подчеркивали благотворное влияние прежде всего матери в духовном климате семьи: «семья отличалась нравственной чистотой до смерти матери».

Представим себе, что четвертая часть студенчества не скрывала, что вообще окончательно порвала с семьей. Задумываясь о причине

⁸¹ См.: Степанов С.А. Черная сотня в России (1905–1907 гг.). М., 1992. С. 112.

⁸² Грингмут В.А. Руководство монархиста-черносотенца // Собр. статей: В 4 т. М., 1910. С. 156.

⁸³ См.: Вехи. С. 30.

этого, более половины студентов признались, что в их семьях применялись телесные наказания и господствовало ханжеское отношение к религии⁸⁴.

И все-таки, пытаясь защитить подлинно культурные интеллигентные семьи, напомним, что при вольнодумном отношении к религии сохранилось чувство традиционного глубокого уважения к ней, с устойчивыми настроениями религиозной жертвенности во имя народа. Именно это имел в виду профессор Кареев, когда вспоминал о своем постепенном отходе от религии.

Отец для подростка был идеалом мужчины. Что же касалось религии, то отношение отца к ней было равнодушным, а иногда и вольнодумным. Отказ завершился в гимназии, где будущий профессор с жаром зачитывался, как, впрочем, и многие думающие юноши, Некрасовым, Писаревым, Добролюбовым, Чернышевским. От детской религиозности у профессора Кареева «сохранилось уважение к религии» как к культурному явлению, а также к «религиозному чувству других, к свободе человеческой совести»⁸⁵.

Но, обратившись снова к Петербургскому университету, отметим, что в крупнейшем университете страны в многонациональном городе с широкой веротерпимостью никогда не было значительных столкновений студенчества на национальной и религиозной почве. И это вопреки попыткам регулирования процентными нормами национального состава студенчества.

Размышляя над этим, напомним, что по циркуляру от 10 июля 1887 года устанавливалась процентная норма в численности студентов для евреев — 10% в черте оседлости, 5% вне ее, 3% в столицах. Но, вопреки всем усилиям, правительственные меры в значительной степени оказались несостоятельными, в учебных заведениях упорно сохранялся высокий процент интеллигентных евреев-студентов. Студенты православного вероисповедания преобладали во всех университетах России, кроме Дерптского (60% — лютеране) и Варшавского (более 50% — католики).

Перед нами распределение петербургского студенчества по вероисповеданию на 1 января 1916 года: из 5 964 студентов, обучающихся

⁸⁴ См.: Членов М.А. Половая перепись московского студенчества... С. 33.

⁸⁵ См.: Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 106, 107.

в университете, православных — 4058, сектантов — 52, армяно-григориян — 131, католиков — 446, лютеран — 362, реформат — 76, англикан — 5, кальвинистов — 1, магометян — 37, караимов — 27, иудеев — 765, буддистов — 3, конфуциан — 1⁸⁶.

Эти данные наглядно свидетельствуют о широком религиозном, скорее национальном спектре студенчества петербургского университета. Безусловно, студенты формально причисляли себя к определенной религии (вспомним, что только 10% православных признавали Бога, а иудеи свою религию — из 90 студентов только один).

В русской студенческой жизни религиозные традиции и воинствующий атеизм подчас приобретали оригинальные формы взаимодействия. Обратимся к некоторым из них.

Студенты Петербургского, Московского, Киевского университетов заказывали церковные панихиды по убиенным царскими войсками в Варшаве католикам-полякам (март 1861 года), при этом панихиды сопровождалась студенческими гражданскими демонстрациями-протестами, митингами. Так было и во время панихиды по расстрелянным крестьянам села Бездны Казанской губернии.

Так было в 1897 году в связи с «ветровской демонстрацией». Многочисленные панихиды заказывались студентами в храмах после того, как молодежь узнала о трагедии: в одной из камер Петропавловской крепости покончила с жизнью, в страшных мучениях, облив себя керосином и превратившись в пламя, слушательница Бестужевских курсов М.Ф.Ветрова. Она не вынесла нравственных и физических издевательств тюремного начальства.

В октябре 1905 года похороны в Москве князя Сергея Николаевича Трубецкого, кадета, либерала, талантливого философа, известного профессора, общественного деятеля, борца за университетскую автономию, ректора, глубоко верующего человека, превратились, благодаря студентам, в гражданскую политическую демонстрацию, затем в митинг. Во время похорон студенческий хор с особым энтузиазмом пел перемешку то «Святыи Боже», то «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Хотя им было доподлинно известно, что все Трубецкие сверхре-

⁸⁶ См.: Отчет о состоянии и деятельности Императорского Петроградского университета... С. 75–76.

лигиозны, и семья покойного несколько раз обращалась к студентам с просьбой не соединять революционные песни с церковными песнопениями⁸⁷.

Иллюстраций подобных выражений «религиозных» чувств можно много обнаружить в студенческой истории.

В те времена отрицание религии было тесно связано с революционной, общественной деятельностью студенчества, с работой в какой-либо политической партии. Марксисты, как правило, были безбожниками, материалистами. Отрицая свою религию, евреи-студенты состояли (77,66%) в различных партиях, молодые атеисты представители кавказской национальности (88,23%) вели партийную работу. Студенты, примыкающие к левым партиям (68,7%), были материалистами.

К правым течениям (4,7%) относились студенты, рьяно исполнявшие религиозные обряды, один из них в анкете, распространенной среди петербургского студенчества в 1912 году, писал: «к политике отношусь индифферентно, но к равноправию женщин, других национальностей, особенно евреев, отношусь безусловно отрицательно; поэтому я всеми силами в настоящем и будущем буду стремиться препятствовать этому. С этим я согласен с г. Пуришкевичем»⁸⁸. Откровенная солидарность этого студента со скандально известным реакционером-монархистом не была единичной случайностью.

Безусловно, в пестрой среде студенчества, среди игнорирующих политику, отрицающих религию или формально придерживающихся ее норм, были и откровенные циники, эгоисты, нравственно распущенные. Личные желания для них превыше всех общественных нужд, народных страданий, бед ближних. Каждодневное наслаждение жизнью, сексуальные запросы, самовыражение и самолюбование стояли для них на первом плане. Откровенно шокирующее их поведение было также своеобразным протестом и ответом на презираемую ими политическую реакцию, церковь, диктат традиционных этических норм, властвующих над интеллигенцией. Они утверждали: их страсти и желания, помыслы должны удовлетворяться в земной жизни.

⁸⁷ См.: Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий... С. 276.

⁸⁸ См.: Радин Е.П. Душевное настроение современной учащейся молодежи... С. 61.

Пренебрежительно попирая мораль дедов и их религиозные устои, эти циники не менее презрительно смотрели свысока и на радикально настроенных товарищей, страстно горящих желанием служить будущему России.

Для радикалов нравственность — догмат общественной жизни, морально то, что способствует особому предназначению Родины. Религия утратила свое нравственное влияние на общественную жизнь, на молодежь и поэтому пришла в упадок, таков был суровый приговор прогрессивного студенчества. Для одних либеральная альтернатива была рассчитана на длительное эволюционное развитие России. При этом они верили, что религиозный диктат — результат невежества и единственным средством завоевания свободы в обществе является наука, образование, просвещение, прогресс.

Для других нетерпеливых экстремистов наикратчайший путь к идеальному обществу шел через кровавый террор, насилие, революцию. Они создавали себе идеал «героя», «обновителя человечества», некоего апостола, сверхчеловека, так импонирующего психике молодости. Для героя неприемлемы апатичность, бесцветность, слабость воли, пассивность, уход в личное «я».

Экстремистски настроенные студенты отчаянно и решительно бросались в единоборство с господствующей системой, их борьба ярко окрашивалась идеей народа и энергией отчаяния. С религиозным испуганием они приносили в жертву свои молодые души и жизни.

ГОСПОДА ПРОФЕССОРА
МЕЖДУ МОЛОТОМ И НАКОВАЛЬНЕЙ

Трепетный ритуал вступления юноши в студенческий «микрокосмос» начинался с порога университета.

В многочисленных мемуарах универсантов с упорным постоянством появляется симпатичный, на первый взгляд такой незначительный, но представлявший как бы неотъемлемую традиционную часть образ университета. Его облик настойчиво всплывал, когда в далекой эмиграции теплая волна ностальгических воспоминаний уносила бывших выпускников на берега Невы. Они перелистывали свои роскошные выпускные альбомы, где непременно на первом листе ему было отведено почетное место.

Фигура простая, незатейливая, но как бы соединяющая два мира: студенческий и преподавательский. Представьте себе это — университетский и факультетские швейцары, многочисленные Митричи, Савельичи, Васильичи и т.д. Пожилые, важные в своей форменной livree, как генералы, импозантные, они вызывали невольный трепет и уважение у новеньких студентиков.

Всегда находившиеся у главного входа университета или факультета, они всем своим видом давали понять, что охраняют особо значительное учреждение, куда вход не всем доступен.

С представления этой важной персоне, проводшей полжизни в университете, и начинался путь новичка. У себя в каморке или просто на подоконнике, с чувством собственного достоинства принимал подобный Митрич господ студентов за самоваром с бутербродами для подкрепления.

Все свежие университетские новости можно было получить в каморке швейцара. Несторопливо и важно, он, разливая чай, любопытно-му новичку отечески давал советы, как вести себя в университете. Предостерегал от доносчиков и шпионов. Втолковывал, каковы повадки каждого профессора, как держать экзамены. Одному профессору, внушал он, достаточно согласно поддакивать, другому только показать конспект, а некоторые любят лесть, важно вовремя похвалить «умность» их лекций. Господа профессора, поучал он, больше страшат, а вообще-то моргайте больше глазами, будто думаете, оно и сойдет...⁸⁹

По приказу швейцара, как правило, отставной солдат подавал своим колоколом сигнал (прежде всего у порога комнаты для профессоров — своеобразного университетского Олимпа, недосягаемого для студентов), колоколам начинали вторить дребезжащие звонки, возвещавшие о начале или конце лекций.

В конце 60-х годов в Университете существовал обычай представлять прошения о приеме в число студентов лично ректору, ибо он желал знать в лицо всех первокурсников. Для новичков это было, безусловно, волнительное и запоминающееся событие.

⁸⁹ Памяти русского студенчества... С. 31.

Профессор А.А.Иностранцев вспоминал, как с трепетом и радостью, с пропением в кармане, отправился в Университет, на который привык смотреть как на храм науки. «Страшная робость напала на меня, когда меня вывели к ректору. В то время ректором был Э.Х.Ленц... он весьма приветливо поздоровался со мной, подал руку и стал расспрашивать о моих стремлениях. В короткое время у меня совершенно прошел страх и робость, ибо мне крайне приятно было такое человеческое отношение ко мне почтенного профессора»⁹⁰.

Больше всего новичка волновала встреча с профессором. Университетская жизнь неотделима от личностных взаимосвязей профессора и студента, это обязательный фон, вне которого делается непонятной вся система образования в дореволюционной России.

В России взаимоотношения студентов и профессуры были весьма сложными, напряженными, а подчас и драматическими. Они не ограничивались замкнутым миром академической умственной жизни в стенах храмов науки. Русский студент придирчиво оценивал, «отгадывал», т.е. определял, кто из преподавателей — покорный ставленник правительства, а кто — «независимый». Он придирчиво оценивал их не только по уму и научным достижениям, но он хотел видеть гражданское и общественное лицо профессора.

Вспоминая строки А.Блока, воссоздающие атмосферу трагического разрыва между властью и народом, мы можем уверенно сказать, что между «волей царской» и студенческими устремлениями профессура также испытывала «боль нередко от обеих волей». Неловкое промежуточное положение профессуры между правительством и вечно недовольным студенчеством было для нее тягостным, преподаватели были недовольны и вмешательством правительственных чиновников, и вторжением студенчества как в их корпоративный мир, так и в дела университетские.

Отеческое разумное руководство студенчеством при непременном условии «профессорской автономии», по мнению лидера кадетской партии П.Милокова, привело бы к успокоению бунтующего студенчества и к решению наболевшего университетского вопроса. Но, увы, как воочию продемонстрировала история, о подлинной университетской автономии господ профессора могли только мечтать!

⁹⁰ Иностранцев А.А. Воспоминания: (Автобиография). С. 57.

Но не все профессора искали путей для достижения мира и согласия с непокорными студентами. Некоторые весьма почтенные «жрецы науки» считали, что вопрос можно решить просто — исключить из университета всех необеспеченных, а следовательно, подозреваемых в неблагонадежности молодых людей.

Охваченный этой идеей, особенно отличился профессор Петербургского университета М.И.Владиславлев, будущий ректор. Он составил свой особый проект искоренения вольнодумства студенчества. Любопытно, что, воплотив свой проект в «Записке», представленной Министру народного просвещения, профессор сумел превратить ее как бы в диссертацию на получение звания «ректора по назначению», что и произошло в 1887 году⁹¹.

Не покушаясь на научные регалии профессора, отметим его чиновничью проницательность. В своей замечательной «Записке» Владиславлев отметил особую притягательность Петербургского университета для бедного провинциального юношества. Попав в Петербург, по мнению профессора, такой студент оглушен шумом большого города, выбит из колеи привычной жизни, одинок, и тут его и начинает ловить крамола: в читальне, в университетском буфете, в сквере, в землячестве и в других местах скопления молодежи. В итоге он оказывается в руках «радетелей о благе народном». Именно этого-то «никому не нужного» студента, но потенциально неблагонадежного, он предполагал искоренить, изъять из университета путем повышения платы за обучение, лишением стипендии, исключением за разного рода проступки. Подметив характерную черту «никому не нужного» студента-бедняка, будущего революционера, врага правительства, профессор всячески унижал интеллектуальные и моральные достоинства бедняка, при этом исходил из своей научной теории — пропорционально богатству растут положительные чувства субъекта.

Со своей стороны, радикально настроенное студенчество с юношеским максимализмом гневно обвиняло профессуру в том, что она превратила университеты в застенки науки:

⁹¹ См.: Выдрин Р. Основные моменты студенческого движения в России. С. 36.

В темнице там науки служат,
Там звуку полицейских шпор,
Юристов⁹² вторит громкий хор,

— распевали петербургские универсанты в 1899 году.

Профессоров в дореволюционной России было не так много, молодежь знала их в лицо, боготворила или ненавидела. По данным Большой энциклопедии С.Н.Южакова во всех университетах страны в 1902 году трудилось около 830 преподавателей-профессоров и приват-доцентов, в 1912 году в 10 университетах насчитывалось 2300 профессоров и приват-доцентов⁹³. Учебная государственная служба давала ученым чины, вплоть до высших рангов, оклады за заслуги, ордена, высокие пенсии, престиж.

По своему материальному положению профессура выделялась из среды интеллигенции. Она была вполне прилично обеспечена. Верхушка ученого мира имела дворянские титулы, имения, доходные дома, дачи. Согласно штатам университетов, в 1884 году были установлены следующие ставки: экстраординарный профессор — 2000 руб. в год, ординарный — 3000, декан факультета — профессорский оклад плюс 1500 руб. Тем не менее, в оплате был существенный разбой. Он усугублялся сложной системой гонораров, взимавшихся за слушание лекций и зависевших от числа студентов.

Сливки общества — верхние слои образованного общества — стремились создать и создавали свое ученое сообщество, уникальный мир русской профессуры. Он имел свой неповторимый образ жизни и свои духовные ценности. Этот мир был обособлен в университетских городах даже топографически. Профессора в Петербурге обычно селились на Васильевском острове, вблизи друг от друга, Университета, Академии наук и Зимнего дворца. Весьма престижной и притягательной эта интеллектуальная «сердцевина» города стала для состоятельной ученой публики сразу после приказа императора Николая I о перемещении Университета в здание 12 Коллегий.

⁹² Традиционно, студенты-юристы были наиболее лояльно настроены к власти.

⁹³ См.: Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. М., 1981. С. 96.

Великолепнейшая часть города, тяготевшая к Университету, была истинным парадизом Петербурга. Действительно, она вполне удовлетворяла тонким эстетическим вкусам профессуры. Невозможно было не подчиниться уникальному пейзажному обаянию: сады, палисадники, обширный зеленый луг на Стрелке, и главное — Нева, оживленно скользящие по ней многочисленные баржи, мерцающие шпили Петропавловского собора и Адмиралтейства, изысканное кружево Зимнего дворца. Кстати, зеленый убор Университета, т.е. сад за оградой здания 12 Коллегий, получивший название Николаевский, появился после одного из посещений императора Николая I, по-хозяйски указавшего на необходимость его разбивки.

Гостиный двор, Биржевой сквер и «Площадь 12 Коллегий», затем переименованная в «Университетскую», были всегда многолюдными. (В настоящее время сквер и площадь исчезли.) По площади сновали крикливые разносчики, продававшие с лотков «свежие» апельсины, сладости или финики «душистые». По вечерам гуляющая публика, среди нее было много студентов, любовалась панорамой Невы, закатом солнца, сверкающими в небе иллюминациями и фейерверками, их часто устраивали напротив Зимнего дворца.

Русская профессура стремилась не ограничивать свою жизнь узким семейным кругом. Особенно на исходе XIX века оживились всевозможные личные, научные и общественные контакты на всякого рода встречах: литературных вечерах, заседаниях научных обществ, банкетах. В определенные дни, по «вторникам» или «четвергам», встречались в домах профессоров, на семейных журфиксах, сюда приглашались известные общественные деятели, литераторы, земцы, прогрессивные чиновники, молодежь. В интеллектуальных петербургских салонах с 60-х годов утвердилась одна особенность: считалось хорошим тоном, чтобы на домашних приемах непременно царил атмосфера вольности, простоты, непринужденности общения, а главное — присутствовала университетская молодежь.

Многочисленные жгучие российские «вопросы» сплачивали либеральную профессуру. Профессор Н.И.Кареев вспоминал, что в его время существовал даже либеральный кружок общественно настроенных профессоров, «ежемесячно обедающих», собиравшихся непременно в ресторане Донона на Мойке, 9/24.

Особенно торжественно отмечался день 19 февраля (юбилей падения крепостного права), устраивался грандиозный банкет, звучали смелые речи, блистали ораторы. Бывали и экстренные банкеты по случаю различных юбилеев, из которых профессору Карееву более всего запомнилось чествование 50-й годовщины смерти Белинского. Без церемоний, по-домашнему встречались в частных домах на своих днях рождения или на различных литературных именинах. Неизменно поднимались серьезные политические проблемы, не прекращались жаркие споры, рождались идейные разногласия. По-русски «в вине недостатка обыкновенно не было», и в то же время профессор Кареев с удовлетворением заключал, что часто устраивавшиеся всякого рода встречи в узком семейном кругу постоянно привлекали многих посетителей, особенно из учащейся молодежи⁹⁴.

Особенно славились среди прогрессивной профессуры знаменитые «Менделеевские среды», на которых с 1878 года собирались известные люди: ученые, художники, литераторы. Существовала забавная традиция: постоянные участники «Сред» оставляли свои автографы на особой скатерти (в настоящее время она находится в экспозиции Музея Д.И.Менделеева при С.-Петербургском университете).

В квартире знаменитого химика можно было увидеть уже тогда известных художников: И.И.Шишкина, И.Н.Крамского, И.Е.Репина, Н.А.Ярошенко, Г.Г.Мясоедова, барона М.К.Клодта и многих других. Из профессоров Петербургского университета постоянными гостями были Ф.Ф.Петрушевский, А.Н.Бекетов, А.А.Иностранцев.

Весьма забавно хозяин знакомил между собой гостей. Профессор А.А.Иностранцев вспоминал, что Менделеев был совершенно неспособен запомнить имена своих гостей, поэтому, представляя их друг другу, часто говаривал: «А ну, как Вас зовут, а впрочем, знакомьтесь сами». За стаканом чая начинались разнообразные разговоры, они особенно оживлялись, когда ближе к вечеру подавали дешевое русское вино и бутерброды⁹⁵.

На приемах у профессоров всегда было много учащейся молодежи. За ужином обычно молодежь была отделена от взрослых, но среди

⁹⁴ См.: *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. С. 190, 191.

⁹⁵ См.: *Иностранцев А.А.* Воспоминания. С. 196.

тех и других царили оживление и веселье, все кончалось всеобщим соединением и общей застольной песней, начинавшейся со знаменитой «Чарочка моя» и т.д. Уехать до ужина возбранялось — это значило нанести смертельную обиду гостеприимному хозяину.

На службе, в университете, атмосфера человеческих взаимоотношений была иная, русские профессора были вынуждены считаться с тем, что академическая и гражданская свобода их ограничена, ибо в отличие от университетов Западной Европы, строго хранивших с феодальных времен свои университетские свободы, в России университеты были государственными, императорскими.

Беззастенчиво царские чиновники вмешивались в научную жизнь, настойчиво пытались вербовать из ученых мужей своих идейных союзников, послушных помощников. По циничному замечанию одного из столпов официальной политики, министра просвещения, кстати, европейски образованного человека, С.С.Уварова, в русских университетах время от времени необходимо возводить так называемые «умственные плотины», «системы очищения» для контроля за умами не только студентов, но и преподавателей. Покорность, смирение, послушание, вот что требовалось властям.

В том храме профессор Молчалин царит,
Сменивший на орден Сократа,

— горько острили о верноподданной профессуре студенты в одном из своих стихотворений.

Со времени появления университета повелось, что Царский двор, да и сам император как нельзя лучше были осведомлены об университетских делах. Накануне коронации, в 1826 году, Николай I удостоил университет своим посещением. Университетская молодежь вызывала у него подозрения. Как рачительного хозяина, его привлекли студенческие комнаты, он повелел под его личным надзором перевернуть все тюфяки на кроватях. Под одним из них была обнаружена тетрадь стихов студента — поэта Полежаева. Студент угодил в солдаты, ректор — в отставку.

В России чтут
Царя и кнут...
Он им живет,
И ест, и пьет...

— так горько писал о рабской покорности России рано погибший студент-поэт.

Слепое угодничество и подобиострастие бюрократии, проявлявшиеся в назначении на высшие университетские должности близких к трону особ, доходили до анекдотов. Любили вспоминать, что А.Лабзин, вице-президент Академии художеств, крупнейший сановник Александровской эпохи, позволил себе еще в 1822 году публично сослать, что если надлежит кого-либо избирать на должность, то следует выбрать царского кучера, по признаку его близости к царю. Незамедлительно последовала расплата — отставка и ссылка сановника. Но остроуту запомнили надолго...

С введением Устава 1884 года над жизнью университета нависла мрачная туча реакции. Сотрудники университетской инспекции, субинспекторы и всякого рода доносчики, совершенно не таясь, насаждали в стенах учебных заведений жандармские порядки, внедряли сети шпионажа. «Полицейский ошейник» все туже затягивался как на студенчестве, так и на профессуре. Господа профессора оказались между молотом и наковальней.

Субинспекторы распоясались, они могли позволить себе даже такую наглость, как войти без предупреждения в аудиторию во время профессорской лекции, с тем, чтобы удостовериться, как студенты реагируют на особу лектора и на содержание самой лекции.

Недалекие, необразованные, а зачастую просто мстительные субинспекторы из-за пустяков или даже из-за злых подшучиваний над ними студентов раздували целые шумные истории, кончавшиеся для молодых людей иногда очень печально — исключением или даже высылкой. Существовала некоторое время в Петербургском университете некая секретная комната, где видели фотографические карточки студентов (таковые прикладывались в трех экземплярах к прошению о приеме), по этим карточкам педагог сдавали своеобразный экзамен, соревнуясь в скорости сопоставления фамилии с физиономией.

Не раз можно было видеть, как плохо одетый студентик, в сильно потрёпанной форме, робко пробирался в аудиторию и, проходя мимо зрителя, находящегося на службе полиции, — педагог, почтительно кланялся ему в пояс с заискивающей улыбкой на лице, а тот удостоивал его в ответ высокомерным олимпийским кивком головы.

Были хитрецы, желавшие прогулять занятия и избежать педельского контроля, они пускались на хитрость: товарищу поручалось занести в университет пальто и повесить в раздевалке. Педель тщательно осматривал вешалки с фамилиями, отмечая по ним присутствующих, а хозяин пальто отдыхал дома. Разумеется, к таким уловкам не прибегали те студенты, у которых было достаточно ранимо чувство собственного достоинства.

Трудно представить, но в середине 90-х годов в университете существовало такое наказание, как карцер. Студент-интеллектуал мог попасть в карцер совсем не по идеологическим мотивам, но за то, что бурно аплодировал любимому профессору в конце лекции или входил в здание университета в партикулярном платье, или небрежно приветствовал начальство, подшучивал над полицейскими чинами и т.д. Кстати, именно с 1885 года, когда началось частичное введение нового университетского устава, студенты уже были строго обязаны носить форменную одежду. Что касалось профессоров, то они появлялись на кафедре не иначе как либо в синем форменном фраке, либо в черном фраке и белом галстуке. В 90-х годах от этой университетской чопорности не осталось и следа, и лекторы стали читать лекции в повседневных пиджаках.

У каждого студента в шинельной было свое место на вешалке верхнего платья, таким образом, педеля могли дотошно проверить, кто ходит на лекции, а кто — нет. Университетские власти, вынужденные отдать на откуп досмотр за поведением студентов полицейским чинам, зачастую решали судьбы молодых людей, руководствуясь только отзывами мстительных педелей, а те чаще всего сводили личные счеты с ненавистными, не понятными им, но такими насмешниками господами студентами. Горько шутили, что в России «Вольтера можно высечь розгами».

Постоянное внимание полиции было неприятно прогрессивной профессуре. Н.И.Кареев, профессор-либерал, вспоминал, что в течение нескольких лет его настойчиво преследовал тайный агент, шпион, и страха ради было необходимо конспирироваться в самых невинных поступках.

В университете было известно, что в студенческой среде уважаемый профессор мог легко прослыть доносчиком. Достаточно было в

молодежной массе посеять слух, не без помощи шпионов, о каких-либо доносах преподавателя в министерство или на другого профессора за «некоторые места в его лекции», как авторитет профессора резко свергался с пьедестала любимого и почитаемого.

Молодежь была заражена бациллой подозрительности и пыталась вычислить доносчиков из своей массы, что же касалось шпииков, т.е. переодетых полицейских, то их нетрудно было отличить от студентов уже по обличку.

Студенты издевались над полицейскими чинами, разоблачая, устраивали публичный злой экзамен. Обращаясь к шпику, называвшему себя юристом, потешаясь спрашивали:

— А вы в самом деле юрист? Так вам, конечно, знакома логика. В таком случае, скажите, пожалуйста, в чем ошибка силлогизма: «Все гуси — двуноги. Вы тоже двуногий. Значит, и вы тоже гусь?»

Пойманный «гусь», красный, обливаясь холодным потом, как на пытке, под гомерический хохот озорных экзаменаторов обращался в позорное бегство.

Одной из примитивных, носивших на себе печать дворянских традиций, оригинальных форм демонстративных протестов студенчества были шумные публичные оскорбления университетских реакционных должностных лиц.

В стенах Петербургского университета министр народного просвещения, видный государственный деятель А.А.Сабуров получил звонкую пощечину от студента на годичном торжественном акте 8 февраля 1881 года. Это произошло в актовом зале в присутствии 4000 студентов после прочтения ректором годового отчета. Студенты-монархисты бросились на защиту, началась потасовка: «Вся Зала моментально превратилась в крутящийся вихрь: крик, рев, смятение...»⁹⁶. «Благомыслящие» студенты в коридоре выстроились в два ряда, для того чтобы защитить министра и ректора, и в ответ на крики радикалов «Долой Сабурова!», «Позор!» подобострастно аплодировали начальству. После этой истории Сабуров вынужден был уйти в отставку.

В зале Московского Дворянского собрания, во время традиционного студенческого концерта, под звуки блестящего вальса-фантазии Глинки 22 ноября 1877 года студент-юрист Синявский, выполняя выпавшую ему по жребию задачу, ударил по щеке инспектора университета А.А.Брызгалова, известного

⁹⁶ См.: *Щетинина Г.И.* Студенчество и революционное движение в России... С. 69.

молодежи как яростного организатора шпионажа среди студентов через педелей и завербованных им студентов, рьяного защитника карцера.

Подобные «университетские истории» (ходячий термин тех времен) становились широко известны и долго будоражили умы молодежи.

Было бы несправедливо не упомянуть, что были и честно монархически настроенные студенты. Они вполне искренне чтили монархию, гордились тем, что среди почетных членов их родных императорских университетов был сам император и члены царской фамилии, и оправдывали полицейские меры в университете.

К примеру, на 1 января 1905 года среди почетных членов императорского Петербургского университета находились Николай II и 9 членов царской семьи.

В 80-х годах студенты-монархисты с гордостью носили неофициальную эмблему — жетон с изображением ландышей на серебряном поле. История появления его такова: Московский университет посетила императорская чета — Александр III и его супруга Мария Федоровна. В тот день в ее руках был букет свежих ландышей, на прощание она раздала растроганным студентам свои цветы. Эти студенты-белоподкладочники уживались с мощным идеологическим прессом, постоянно довлевшим над профессурой и студенчеством.

Белоподкладочники своими монархистскими настроениями не могли повлиять на студенческую массу. П.Н.Милюков вспоминал, что после 1 марта 1881 года «правые элементы» в Московском университете «открыли подписку на венок на могилу государя». «Их было мало, сбор шел вяло», в результате белоподкладочники были освистаны⁹⁷.

Еще со времен Уварова, надолго печально знаменитого своей реакционностью, повелось в университетах, что профессора обязаны в своих лекциях выражать преданность самодержавию, церкви и лично царю.

В ответ появлялись во всех учебных заведениях России карикатуры, подобные помещенной в рукописном студенческом журнале «Забастовка». На ней изображен профессор, читающий лекцию под диктовку жандарма. Профессор послушно насвистывает на дудочке свой излюбленный мотив: Самодержавие, православие, народность.

⁹⁷ См.: Милюков П.Н. Воспоминания: В 2 т. Т. I. М., 1990. С. 120–121.

Перед ним покорно пляшет наука в образе женщины. «Пляши, душенька, пляши, тебе ничего, а нам ведь кормиться надо», — оправдывается профессор.

Случалось и такое, что правительственным наказаниям подвергали известных профессоров, не имевших даже ничего общего с революционными веяниями. Профессорская деятельность раз и навсегда закончилась для Владимира Соловьева после прочтения им публичной лекции 28 марта 1881 года. В ней он в верноподданических тонах призывал царя к христианскому всепрощению, просил помиловать убийц Александра II.

Сын крупнейшего русского историка, бывшего ректора Московского университета, выдающийся русский философ-идеалист XIX века, любимец студентов, аскетически верующий человек, Владимир Соловьев руководствовался искренними и честными убеждениями, веруя, что только духовная сила Христовой истины может победить зло и разрушения. И вот такой профессор, по доносу фискала III отделения, по «высочайшей» воле Александра III, был вынужден покинуть университет. В России так уж повелось — пусть лучше читает вахмистр, а только не возбудительный ум.

Известно, что Россия — издавна страна парадоксов. Романовы сами всячески препятствовали проникновению с Запада новых либерально-политических идей и распространению критического духа в среде образованной публики. Отечески заботясь о том, чтобы их дети получали хорошее образование, не уступающее европейскому, они приглашали в царскую семью наиболее талантливых и известных русских профессоров. Приходилось при этом закрывать глаза, в собственном «доме», на их мировоззрение и общественную деятельность.

Так, известный профессор Петербургского университета К.И. Арсеньев, историк, географ, статистик, экономист, был приглашен по высочайшему соизволению Николая I прочитать великому князю Александру Николаевичу, будущему императору-реформатору, курс статистики. Примечательно, что суровый отец, общепризнанный реакционер, решительный душитель просвещения император Николай I был, бесспорно, осведомлен о либерализме К.И. Арсеньева и о том, что он привлекался по «Делу» о неблагонадежных профессорах Петербургского университета.

«Дело» 1821 года было весьма шумным и скандальным. Нам оно может чрезвычайно ярко проиллюстрировать все возрастающий разрыв между властью и ученым миром, конфликт, вызывающий все более трагическое мироощущение у наиболее мыслящей части профессуры.

Обратимся к «Делу». Суть его заключалась в следующем: к изумлению ученых Петербургского университета известные профессора К.И.Арсеньев, А.И.Галич, Э.С.Раупах, К.Ф.Герман обвинялись в безбожии, в маратизме и робеспьеризме и в «жуле» в адрес правительства в своих лекциях.

Само обвинение было не новостью. Но процедура разбирательства на Советах университета привела, как свидетельствуют архивы, в «ужас» и «содрогание» весь преподавательский состав. «Расследование» вел обскурант и мракобес, попечитель Петербургского учебного округа Д.П.Рунич. После одного Совета 3 ноября, длившегося 11 часов без перерывов и без еды, профессура не выдержала лавины грубых оскорбительных криков, одергиваний и потеряла самообладание. Некоторые ученые плакали, умоляя дать возможность обвиняемым оправдаться в законном порядке, один профессор потерял сознание и упал с кресла. Другие в изумлении были не в силах вымолвить и слово. Студенты в этот день были заперты в общежитии. «Изнуренные телом и духом» профессора уныло разошлись по домам.

Утром стало известно, что профессор Соловьев «впал в полное расслабление чувств и сознания», домой на 6-ю линию Васильевского острова не пришел, а был найден где-то в Коломне под водосточной трубой сердобольными матросами⁹⁸.

В итоге всех разбирательств в Комитете министров, с согласия министра духовных дел и народного просвещения князя А.Н.Голицына, крамольным профессорам было запрещено преподавать, а студентам — их книгами пользоваться. Рунич был всячески обласкан и «награжден за открытие», и только в 1827 году «Дело» профессоров по «высочайшей воле» было предано забвению.

Правда, в силу этих обстоятельств профессор Арсеньев продолжал находиться под бдительным надзором полиции даже в то время, когда он преподавал наследнику. Император ценил профессора как талантливого преподавателя. По августейшему повелению К.И.Арсеньев был

⁹⁸ См.: Давидович Я.И. «Дело» Санкт-Петербургского университета 1821 года // Вестник Ленингр. ун-та. 1947. № 3. С. 150.

отправлен в поездку по России для сбора новых материалов по отечественной статистике, составляемой специально для углубленного обучения наследника.

Некоторые профессора вполне искренне расценивали высочайшее приглашение преподавать особам царской семьи как дело почетное и свидетельствующее о бесспорном признании их высоких заслуг. Но, главное, они руководствовались благородными убеждениями, полагая, что будут способствовать не только получению хорошего образования членами царской семьи, но и духовному развитию лиц, призванных иметь в будущем важное воздействие на судьбы России.

Примерно так размышлял профессор Петербургского университета К.Н.Бестужев-Рюмин, приглашенный в 1864 году читать лекции по русской истории в царскую семью. В течение 18 лет Бестужев-Рюмин давал уроки одиннадцати высочайшим персонам, среди них были будущий император Александр III, его братья, поэт и переводчик классической всемирной литературы великий князь Константин Константинович.

И все-таки даже самые лояльные профессора вызывали чувство опасения, недоверия у обитателей Зимнего дворца, «домашняя образованность» которых носила все же ограниченный характер.

Так, известный профессор Петербургского университета С.Ф.Платонов, с 1900 по 1905 годы декан историко-филологического факультета, человек вполне лояльный, читавший курс в рамках официальной историографии, приглашенный Александром III преподавать историю великим князьям, заслужил «неблагоприятные отзывы в высоких сферах». Уже в 1917 году, после отречения императора Николая II, в его бумагах С.Ф.Платонов прочел: «Вполне приличен также профессор Платонов, обладающий огромной эрудицией, но он сух и уже, несомненно, весьма мало сочувствует культу русских героев; конечно, изучение его произведений не может вызвать ни чувства любви к отечеству, ни народной гордости»⁹⁹.

Как же радикальное студенчество оценивало преподавательскую деятельность своей профессуры в царских покоех?

В сентябре 1894 году студенты освистали своего любимого и высокопочитаемого профессора В.О.Ключевского. В их глазах его пре-

⁹⁹ Историки России XVIII–начала XX века. М., 1996. С. 549.

ступление заключалось в том, что в своей лекции он хвалил покойного государя Александра III. Радикальная молодежь не могла ему простить, что в 1893–1894 годы он читал курс лекций больному наследнику престола великому князю Георгию Александровичу. Студенты негодовали, утверждая, что ранее профессор придерживался других взглядов на власть¹⁰⁰. Ненависть к имперской власти застилала глаза легковерной молодежи.

А ведь еще при жизни имя Ключевского было и оставалось гордостью и символом новой России, оно ассоциировалось с лучшими умами человечества: Пушкиным, Шекспиром, Гоголем, Л.Толстым, Гюго.

Действительно, у Ключевского было свое личное отношение к династии Романовых. В его произведениях содержались ошеломляющие пророчества, кстати, и об Александре III: «С Александра III, с его детей вырождение нравственное сопровождается физическим... она, эта династия, не доживет до своей политической смерти. Вымрет раньше, чем перестанет быть нужной и будет прогнана»¹⁰¹.

Как уже упоминалось, студенчеству были не безразличны мастерство, главная научная концепция профессора, в то же время молодежь придиристо относилась к его гражданской и политической позиции.

Были и такие казусы. Ректор Санкт-Петербургского университета (1897–1899) В.И.Сергеевич, профессор, известный историк, вызывал уважение как преподаватель, но студенты не могли ему простить его реакционную позицию во время студенческих волнений 1899 года. В ответ на заявление в 1900 году умеренных студентов: «Сергеевич хорошо читает свой курс», разгневанные молодые радикалы в листовке издания «Кассы взаимопомощи» напомнили о существующей между студентами и профессорами своеобразной этике, а она не позволяет почитать господина Сергеевича, сыгравшего «грязную роль» прошлой весной. Что же касалось студентов, не соблюдающих эту этику и аплодирующих подобному профессору, то они, по приговору решительных радикалов, превращаются в «бессловесное стадо»¹⁰².

Отдельные профессора, серьезно побаиваясь дерзких смутьянов, на всякий случай афишировали свой напускной «либеральный душок». Уже в эмиг-

¹⁰⁰ См.: Страницы из жизни Московского университета. М., 1911. С. 1.

¹⁰¹ Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. IX. С. 442, 443.

¹⁰² См.: Щетинина Г.И. Идеиная жизнь русской интеллигенции. М., 1995. С. 186.

рации припоминался бывшими универсантами эпизод с князем Сергеем Волконским, студентом Петербургского университета, отец которого был попечителем Петербургского учебного округа. Дело было на экзамене у профессора Минаева, поставившего за очень хороший ответ студенту-князю оценку «3». При этом профессор с апломбом объяснил: «Я ему за титул сбавил единицу». Вот тебе и «поборник равенства», чутко уловивший «отрицательное отношение» молодежи к титулованному студенту¹⁰³.

Как во все времена, особенно студенты презирали преподавателей равнодушных к жизни, формалистов в науке. Они негодовали, когда видели, как из года в год нудно читают эти старцы по желтым старым записям свои давно устаревшие лекции. О таких профессорах ходили анекдоты, подобные лекции их студенты предпочитали пропускать, а экзамены сдавать по литографированным записям.

Об одном профессоре, особенно презираемом за схоластику и реакционность, рассказывали анекдот. Профессор этот на лекциях имел обыкновение кричать, а не говорить, и обязательно из года в год рассказывал анекдот о собственной теще, естественно, в текст литографированных лекций не попадавший. «Расскажите анекдот о моей теще», — вопрошал профессор студента-прогульщика. Студент молчит. «А вот и видно, что вы на мои лекции не ходили», — заключал экзаменатор. И однажды какой-то находчивый дерзила ответил, что знает анекдот: «Вы так громко читаете, что я слышу с лестницы»¹⁰⁴.

Но чаще всего дело анекдотами не ограничивалось. В начале XX века, с ростом студенческой активности, профессора более решительно подвергались критике. Радикальное студенчество в своих листовках приковывало их «к позорному столбу».

Убежденный легальный марксист, профессор политэкономии Санкт-Петербургского университета И.А.Исаев, не согласившийся с тактикой студенческой обструкции, на следующий день после нее в очередном студенческом листке безжалостно получил «подлеца»¹⁰⁵. Не одними «протестами», «бунтами» и распространением листовок занимались студенты. Они поворачивались к «политике», когда она на гранях общественных переломов вторгалась в стены университетов. Тогда

¹⁰³ См.: Памяти русского студенчества... С. 129.

¹⁰⁴ См.: Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). С. 451.

¹⁰⁵ См.: Щетинина Г.И. Указ. соч. С. 191.

чутким молодым людям становилось невольно, на путях чистого познания вырастала темная и раздражающая стена казенщины, полицейского насилия.

«Науку мы любили с той же пламенностью, с какой любили жизнь, и в будний день, как к обеду, шли на лекцию любимого профессора», — писал бывший в эмиграции Михаил Осоргин.

«И как же было не пойти на лекцию, если в своей обширной VII аудитории читает Менделеев, не читает, а священнодействует, высокий, с гривой падавших на плечи седых волос, казавшийся студентам таинственным алхимиком», — вспоминал профессор Е.В.Аничков. Знаменитый Периодический закон Менделеева гремел и отзывался в сердцах студентов, наполняя их гордостью, льстил национальному чувству широким признанием русской науки на Западе¹⁰⁶.

Если в современном сознании контакты студентов и профессоров ассоциируются прежде всего с лекцией, учебными занятиями в стенах университета, то в те далекие времена прилежный и способный студент мечтал и стремился к личным взаимоотношениям с почитаемым профессором. Этика этих личностных отношений требовала от молодого человека не только таланта, но и усердного труда. Такой студент-счастливчик мог попасть в дом профессора на его семинар, домашнее чаепитие, семейные праздники, мог иметь честь быть приглашенным на заседания различных научных обществ и кружков.

«Со студенчеством отношения у меня были хорошие. В университетские годовщины, 8 февраля, я был в числе сравнительно немногих, в том числе и писателей, приглашавшихся на студенческие “чаепития”, которые проходили в кухминстерских и сопровождалась речами на высокие темы. Разумеется, каждое сказанное здесь слово делалось известным властью предрежащим»¹⁰⁷, — с гордостью вспоминал профессор Кареев.

По «вторникам» избранные студенты получали приглашение профессора Бестужева-Рюмина на его домашние приемы. Как они гордились этим приглашением, сколько было страхов, разговоров и восторженных воспоминаний об этих вечерах, и было чему радоваться! На этих приемах они могли увидеть весь ученый и литературный петер-

¹⁰⁶ См.: Памяти русского студенчества... С. 15.

¹⁰⁷ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 194.

бургский мир. Дом профессора был притягательным интеллектуальным центром Петербурга. Здесь с удовольствием бывали П.И.Мельников-Печерский, поэт Аполлон Майков, но наиболее почетным гостем считался Ф.М.Достоевский. Любимчикам-студентам позволялось брать книги из огромной библиотеки профессора Бестужева-Рюмина, ее он кропотливо собирал всю свою жизнь и завещал университету¹⁰⁸.

Как уже отмечалось, было принято, что некоторые профессора вели свой «семинарий» дома. У приглашенных студентов появлялась не только возможность ближе узнать любимого профессора, но главное — совместно, творчески поработать над научной проблемой.

«Но вот час семинария кончился, — вспоминал П.Милюков о занятиях с профессором Ключевским, — а мы не уходили. Наш выпуск присвоил себе, после семинария, привилегию непринужденной личной беседы. Анизя Михайловна, жена Ключевского, приносила чай, мы поднимали политические вопросы... и осаждали Василия Осиповича, желая знать его мнение»¹⁰⁹.

В университете было известно, что профессор А.С.Лаппо-Данилевский, лидер историографической науки конца XIX–начала XX века проявлял весьма настороженное отношение к «революционерству» молодежи. И все-таки его научный кружок на историко-филологическом факультете как магнит притягивал все творческое юношество. Бессменно руководя этим кружком с начала и до конца своей педагогической деятельности, профессор выступил новатором в организации студенческой научной работы. Ибо исторический студенческий кружок и профессорский семинарий, связанные воедино, представляли новую организацию студенческого научного труда, при которой вокруг научного руководителя складывался тесный исследовательский молодежный коллектив. Вполне естественно, что из этого кружка вышли многие будущие крупные ученые.

С теплой признательностью в декабре 1903 года Р.В.Иванов-Разумник вспоминал о бесценности именно личных контактов с ученым-учителем А.С.Лаппо-Данилевским: «Эти беседы дали мне (да и, вероятно, не одному мне) наиболее светлые и неизгладимые впечатления: когда я вспоминаю их,

¹⁰⁸ См.: Историки России... С. 362–363.

¹⁰⁹ Милюков П.Н. Воспоминания. Т. I. С. 116.

мне чувствуется “дыхание жизни” на общем довольно сером фоне обычной университетской жизни»¹¹⁰.

Можно бесконечно вспоминать о бесчисленных научных, культурных, личных контактах молодежи с преподавателями, но плодотворность их, польза науке, безусловно, возвращались на университетских традициях лучшей части русской профессуры, для которой, по словам Г. Уэллса, «знания дороже хлеба»¹¹¹. Это впечатление сложилось у него после посещения России и встречи с учеными Петрограда уже суровой осенью 1920 года.

Когда же традиции рушатся, как это было в грозном 1917 году, катастрофа становится гибельной и для науки, и для ученых университета. Вот как подвел трагический итог историк А.Е. Пресняков, ученик Н.И. Кареева, С.Ф. Платонова, А.С. Лаппо-Данилевского, по случаю кончины 7 февраля 1919 года своего учителя и старшего коллеги академика Лаппо-Данилевского: «У близко его знавших осталось смутное чувство связи этой безвременной кончины с историческим моментом»¹¹². Носитель глубоких культурных традиций не перенес трагической ломки, распада той культуры, которая его вскормила.

Вернемся к студенческим научным традициям, к тем «абсолютным» ценностям, носителем которых был университет. Для многих молодых людей, посвятивших себя науке, нормой существования был университетский образ жизни, связанный с неустанным научным трудом.

«Политика», время от времени резко выносившая студенчество на гребень волны во время общественно-социальных бурь, не могла приостановить научный прогресс. Весьма интересен в этом плане кружок, называемый неофициально Ольденбургским — научно-литературное общество, душой которого были братья Федор и Сергей Ольденбург¹¹³. По вечерам, в определенные дни, будущие профессора и акаде-

¹¹⁰ Щетинина Г.И. Идеиная жизнь русской интеллигенции... С. 180.

¹¹¹ См.: Герберт У. Россия во мгле. М., 1958. С. 25.

¹¹² См.: Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. С. 44–45.

¹¹³ Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) — русский востоковед, один из основателей русской индологической школы. Окончил восточный

мики, талантливые выпускники, оставленные при университете и готовящиеся к «профессорскому званию», студенты старших курсов, мечтающие о научной карьере, и просто любопытные собирались в физическом кабинете. Они приходили послушать рефераты, поспорить, выдвинуть на обсуждение свои новые идеи и смело «отвергнуть» уставшие. Кружок настолько славился «заумностью» и «ученостью», что его не посещали субинспекторы. Уникальный аскетический монашеский научный орден представляло это юношеское содружество, молодежь свято верила в науку и ей служила. Утрата профессионального научного труда ими понималась как залог деградации личности. Ученые аскеты-юноши, они не позволяли себе излишеств, роскоши, вели поистине монашеский образ жизни, соблюдали строгую выдержку, дисциплину. Эта часть студенчества исповедовала либеральные идеи, верила, что университетские «беспорядки» «вредоносны» и «нецелесообразны» и мешают развитию науки. В дальнейшем это общество дало не только крупных ученых, но и деятелей кадетской партии¹¹⁴.

В свою очередь либеральная профессорская корпорация поддерживала различные формы студенческой научной жизни, учитывала упорное стремление русской молодежи к общению и при этом стремилась создавать организации чисто академические, провозглашая «объединение» во имя высшей цели, т.е. для лучшей подготовки к общему служению России.

Между тем, настроения «так дальше нельзя», «перемена нужна, необходима, неизбежна» все чаще посещали либеральные профессорские круги. Будучи сторонниками университетской реформы, осуществленной мирным путем, не революцией, они мучительно искали и свои действенные формы протеста против «жандармокрации».

Поэтому так остро в начале XX века обсуждался в профессорской корпорации вопрос о такой форме протеста, как коллективный уход в отставку. Этот свой протест они расценивали как мирный способ борь-

факультет Санкт-Петербургского университета. С 1883 года преподавал в нем. С 1900 года академик, секретарь Академии наук. В 1917 году избран в состав ЦК кадетской партии, с июля по сентябрь занимал пост министра народного просвещения во Временном правительстве. В 1930–1934 годах — директор института востоковедения АН СССР.

¹¹⁴ См.: Памяти русского студенчества... С. 51.

бы с наступлением реакционных сил. «Поступая так, они не разрушают, а спасают университет, — писали «Русские ведомости» 8 февраля 1911 года. — Они считают такую жертву обязательной с их стороны»¹¹⁵. В ходе описания общественной истории студенчества мы в дальнейшем остановимся на конкретных эпизодах протестов профессоров, но здесь следует отметить, что подобные акты всегда вызывали в России широкую волну сочувствия и поддержки как у студентов, так и в обществе: устраивались митинги, чествования, шли потоки адресов от студентов, университетов, обществ городов и зарубежных ученых и научных корпораций.

Знаменательно, что некоторая часть либеральной профессуры, так чутко улавливающая у своего студенчества чувство коллективизма, содружества, сообщества, осуждала единоличное желание своих коллег протестовать уходом.

Профессор А.Ф.Браун в ответ А.А.Шахматову, поделившемуся с ним своим желанием уйти из университета в знак протеста, назвал его решение «анархической, эгоистической» точкой зрения, потому что ему (Шахматову) якобы одному «лично» слишком тяжело. Что же тогда остальные? Им скажут: «А вы — трусы... что только облизываетесь, когда вам плюют в глаза»¹¹⁶. Рождалась путаная дилемма для профессуры — одно из двух — протестовать вместе или оставаться. Ведь если университет покинут лучшие умы, то он примет тот вид, к которому стремится правительство, «на кафедрах будут сидеть хамы, — возмущался профессор Браун, — в лучшем случае, люди слабые и карьеристы, приносящие науку в жертву политике министерства». Университет ждет медленная смерть. Это затяжная агония будет бесславна и жалка¹¹⁷, пророчествовал профессор. На извечный русский вопрос «что делать?» служители науки ответ не нашли.

И тем не менее, вне всякого сомнения, научные их достижения обеспечивали университету уникальную специфику его жизнедеятельности, а она направляла воспитанников на поиски путей развития и процветания России.

¹¹⁵ Русские ведомости. № 30. 1911. 8 февр.

¹¹⁶ Лейкина-Свицкая В.Р. Из истории борьбы Петербургского университета с министерством Кассо // Вестник Ленингр. ун-та. 1947. № 4. С.158.

¹¹⁷ Там же. С. 158.

Санкт-Петербургский университет дал миру такую впечатляющую когорту противоречивых, полюсных политических деятелей и теоретиков, как П.А.Кропоткин, П.А.Столыпин, А.И.Гучков, П.Б.Струве, В.И.Ленин, Н.Г.Чернышевский, Б.Савинков, А.Ф.Керенский.

В Санкт-Петербургском университете трудились такие ученые, открытия которых, каждого в своей узкой области, предопределили развитие России, ее науки и сделали вклад в общую всемирную историю: Д.И.Менделеев, В.И.Вернадский, П.Л.Чебышев, И.А.Бодуэн де Куртене, Н.О.Лосский, С.Ф.Платонов, К.Н.Бестужев-Рюмин, А.С.Попов, П.П.Семенов-Тяньшанский, П.А.Павлов, И.И.Мечников.

В стенах Санкт-Петербургского университета учились и работали создатели образа России, его гражданских, нравственных, эстетических и культурных основ: А.А.Блок, И.С.Тургенев, Л.Н.Андреев, Д.Н.Мамин-Сибиряк, Е.А.Мравинский, Г.И.Успенский, А.К.Глазунов, В.В.Вересаев, М.И.Глинка, И.Ф.Стравинский, М.А.Врубель, Н.К.Рерих, В.И.Качалов, А.С.Серафимович.

Сотрудники Музея истории университета в 1982 году составили список известных деятелей российской культуры — он включил 232 фамилии.

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ВОПРОС: РЕФОРМЫ ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ?

Среди множества «вопросов», волновавших русское образованное общество, был один, занимавший не последнее место, — университетский.

Возможен ли в России свободный университет?

Действительно, всякий думающий интеллигент пытался по-своему ответить на этот мучительный вопрос. Но, вопреки теоретическим спорам и уже готовым проектам лучших умов России, бесконечным протестам и жарким баталиям студентов, он никогда не был решен. Более того, на фоне общего кризиса власти он перерос в политический и не снимался вплоть до февраля 1917 года.

Всякий раз зримо всплывал на поверхность «университетский вопрос», и было это тогда, когда узел неразрешимых противоречий между властью и просвещением затягивался чрезвычайно туго. Власть и университет, профессора и студенты признавали этот «проклятый во-

прос» очень серьезным, они понимали, что за решением его скрывались значительные общественные перемены. Всякая сторона по-своему искала свои рецепты решения этого мучительного вопроса.

Нет сомнения, что сама проблема появилась на свет вместе с рождением русской системы образования.

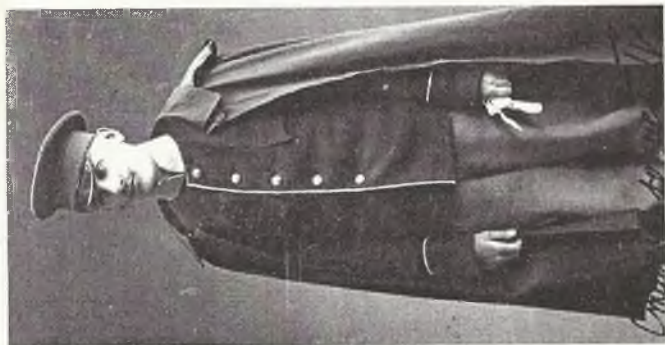
Обратимся к истории. Во времена мечтаний о политических свободах и конституционных преобразованиях Александр I в 1802 году учредил министерства вместо ранее существовавших коллегий, в том числе и министерство народного образования. Так появился первый правительственный орган, которому вменялось в обязанность руководить наукой и просвещением в России.

Если в Западной Европе университеты возникали, как правило, под эгидой церкви и хранили с феодальных времен свою университетскую неприкосновенность, то русские университеты были императорскими и государственными. В силу этого они законодательно всецело подчинялись самодержавию, его политическим и практическим интересам. Это и определило устойчивое противостояние университета монархии, которое на некоторых исторических поворотах приобретало форму ожесточенной схватки правительства с передовой интеллектуальной молодежью.

В России весь строй жизни императорских университетов и всех высших учебных заведений жестко регламентировался правительственными Уставами.

Устав 1804 года, слывший самым либеральным, четко определял место университета как одного из винтиков государственного механизма, для которого необходимо готовить образованных, верноподданных чиновников. Однако при этом устав включал в себя элементы демократизма, ибо открывал доступ в университет для всех сословий, исключая крепостных. Но в то же время он оставался сословным, бдительно сохраняя дворянский состав, ибо сам Устав 1804 года и дальнейшие постановления и рескрипты давали право перехода студентов-разночинцев в дворянское сословие после успешного завершения ими университета и получения чинов по службе.

Сами студенты после окончания университета получали чины 14–12 классов (т.е. от коллежского регистратора до губернского секретаря). Образованность стала конкурировать с родовыми титулами.

Студент-белоподкладочник.

Студент-разночинец.

Студент-аристократ.

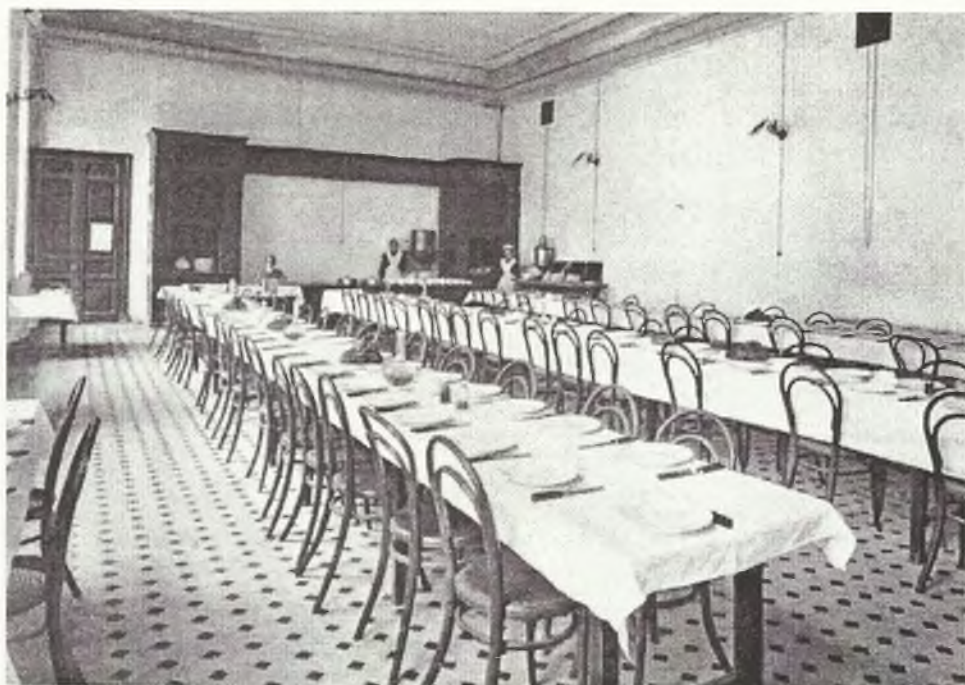
Слушательница Высших женских
(Бестужевских) курсов.

К. Н. Бестужев-Рюмин (1829–1897), историк, с 1865 года — профессор Петербургского университета; в 1878–1882 годах — первый директор Высших женских курсов, названных по его имени Бестужевскими.

А. П. Философова (1837–1912). Одна из видных деятельниц женского движения в России. Участница создания Высших женских (Бестужевских) курсов.

Обеденный зал в столовой Высших женских (Бестужевских) курсов.

Н. И. Кареев (1850–1931), историк нового времени, с 1885 года — профессор Петербургского университета, преподавал на Высших женских курсах.

С. Ф. Платонов (1860–1933), историк, с 1899 года — профессор Петербургского университета, преподавал на Высших женских курсах.

Актовый зал С.-Петербургского университета. 1913 год.

Университетская церковь
История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве
<http://history.museum.spbu.ru/>

ОБЪЕДИНЕНИЕ
1827-1891
ГОДА

ОБЪЕДИНЕНИЕ
БЫВШИХ СТУДЕНТОВ С ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА.

Закуска.

- Уха из Намана.
- Вастагаи и пирожки.
- Филе со пюре капитанами.
- Белая зелень.
- Марков: Угнетки и Дабички.
- Разный салат.
- Молодцы.
- Кофе и Чай.

Тосты по заранее составленной программе.

Ант. Т. Толмачев.

Меню обеда, посвященного годовщине открытия Университета.

Университетская столовая. Биржевая 2.

Преподаватели и студенты в университетском Ботаническом саду.
Январь 1909 года.

История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве
<http://history.museums.spbu.ru/>

Студенты Университета, отданные в солдаты за участие в студенческих беспорядках, под конвоем. 1901 год.

Военный госпиталь в коридоре Университета в годы первой мировой войны. 1916 год.

Владимир Хлебцевич —
студенческий герой фев-
ральской революции.

Студенты-милиционеры Университета. Февраль 1917 года.

Устав 1804 года давал достаточно широкую автономию университету.

Высшим органом управления и решения всех научных и учебных вопросов являлся Совет университета, он выбирал всех должностных лиц — от ректора до преподавателя, присуждал ученые степени. Немалое значение для развития науки и университетского образования имело создание и факультетов.

Согласно Уставу 1804 года университеты становились не только учебными, но и научно-исследовательскими центрами. Устав давал право создавать в университетах научные общества с участием в них студентов.

К этому добавим, что студенты получили ряд корпоративных свобод, в частности освобождение от воинской повинности.

Для имперской России Устав 1804 года был явно либеральным, именно поэтому в последующие годы к его положениям с ностальгической грустью настойчиво будет обращаться профессура и особенно по мере роста реакции в стенах университетов.

М.М.Сперанский — крупнейший реформатор, стоявший у порога создания первого Министерства народного образования, — чутко уловил прорастание зерен неразрешимых проблем: противоречия между царским правительством и созданной им системой образования. И это в эпоху либеральных идей Александра I, в 1804 году! Тогда русские университеты получили наиболее свободную, либеральную, за всю свою историю, форму самоуправления — автономию, подобия которой они никогда не обрели в позднейшие годы.

М.М.Сперанский, осмелившийся отметить антиинтеллектуальный характер царского правительства, писал в 1808 году: «Какое, впрочем, противоречие: желать наук, коммерции и промышленности, а не допускать самых естественных их последствий; желать, чтобы разум был свободен, а воля в цепях; чтобы страсти двигались и переменялись, а предметы их, желания свободы оставались бы в едином положении; чтобы народ обогащался и не пользовался бы лучшими плодами своего обогащения — свободой. Нет в истории примера, чтобы народ просвещенный и коммерческий мог долго в рабстве оставаться»¹¹⁸.

¹¹⁸ Сперанский М. М. Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 156.

С течением времени, по мере развития в России капитализма, все сильнее затягивался узел противоречивых взаимоотношений: университет, общество, государство. Примерно через сто лет после предупреждения М.М.Сперанского профессор В.И.Вернадский подтвердил тесную историческую связь университетского вопроса с политическим процессом и устремлениями русского общества: «Подобно церковным организациям, они (университеты. — *Н.О.*) могущественно влияют на государство и общество, до известной степени неизбежно отражают происходящие там течения, но в то же время имеют независимую от них вековую жизнь, связанную с созидательным научным вековым трудом»¹¹⁹. Профессор констатировал тот факт, что временами общественное недовольство в университетах принимает чрезвычайно острые формы и в их «внутреннем строе» нормальная жизнь нарушается¹²⁰.

Обнаруживая истоки революционной активности русского студенчества, прежде всего в классовой сущности самого самодержавия, в его реакционной политике в университетском вопросе, ту же самую мысль, но более категорически, утверждал Ленин. Он писал, что школа не может существовать вне политики¹²¹.

Приговор, что именно полицейские репрессивные меры царского правительства в стенах учебных заведений сеют оппозиционные и революционные настроения, выносили как лидеры революционных и либеральных партий, так и сторонники правового буржуазного государства.

С жестокой иронией — «жандармодемократией» — называл князь С.Н.Трубецкой политику царской бюрократии в стенах учебных заведений России. Представитель активного крыла русских либералов, князь искал корень зла в несовместимости университетов — как центров прогресса — с бюрократически-полицейским абсолютизмом. По его мнению, именно полицейский бюрократизм обеспечивал «политическое крещение» молодежи. Принимая радикализм

¹¹⁹ Вернадский В. И. Об основаниях университетской реформы. М., 1901. С. 2.

¹²⁰ Там же. С. 2.

¹²¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 76.

(революционность) за «отрицательный полюс реакции», С.Н.Трубецкой с возмущением замечал, что «самые нелепые и озлобленные бредни, распространяемые революционной пропагандой, прививаются учащейся молодежи не вопреки усилиям полиции, а благодаря ей»¹²².

Но если либеральные профессора видели причину кризиса высшего образования прежде всего в потере академических свобод, в том, что, по выражению В.И.Вернадского, академическая почва «взломана неудачными реформами», то В.И.Ленин и его сторонники усматривали зло в самой классовой сущности самодержавия.

В острой дискуссии по университетскому вопросу в стенах учебных заведений и за их стенами участвовали как сами ученики, так и учителя. Предлагались различные пути решения, но главное — путем реформ или путем революции?

Напомним, что существенной особенностью реформ в России — они обязательно примеривались к умунастроениям монархов — было непереносимое наступление после них контрреформ (они также отвечали воле монархов), и когда, время от времени, в описываемую эпоху роковая пропасть между самодержавием и непокорным студенчеством катастрофически углублялась, в ответ правительство, с целью умиротворения молодежи, начинало жонглировать уставами.

Происходило это в тесной зависимости от социально-политической ситуации в стране или просто от состояния умов молодежи и общества.

Неудивительно, что Устав 1804 года, предусматривающий автономию университетов, выборность ректоров, корпоративные правила для студентов, был в 1835 году заменен новым реакционным. Это случилось в результате политической реакции, учрежденной Священным Союзом европейских монархов, и подъема гражданских настроений, царивших после подавления восстания декабристов и польского восстания 1830–1831 годов.

В Уставе 1835 года от государственного либерализма Александра I не осталось и следа. Правительство по инициативе Николая I при помощи нового устава поставило университет под жестокий дисциплинарный контроль. На нет сводилась автономия, полученная по Уставу 1804 года, значительно усиливалась власть попечителя, резко сократились

¹²² См. : Трубецкой С. Н. Собр. соч. Т. 1. М., 1907. С. 482.

академические полномочия ректора (он теперь подлежал утверждению «высочайшей властью»), куцей стала компетенция Совета университета.

Жесточайший контроль за «нравственной частью» осуществлял инспектор из военных или гражданских чиновников, он постоянно жил при университете и бдительно следил за студентами. Устанавливалась обязательная форма одежды для студентов и строго регламентировались правила их поведения.

Как известно, в России самовластие высшего чиновника значило многое. Что же касалось министров народного просвещения (многие из них не имели к университету и к образованию никакого отношения), то их деятельность наложила свою индивидуальную печать на вверенное им министерство, имена их в свое время стали нарицательными, история их сохранила.

Один из них — вдохновитель, проповедник реакционного антиинтеллектуального Устава 1835 года, главный идеолог времен правления Николая I — С.С.Уваров. Имя его стало чрезвычайно ненавистно студенчеству. А ведь он был человеком незаурядным, европейски образованным, одно время слыл даже сторонником конституционной монархии. С годами Уваров резко повернул на путь реакции и неприкрытого обскурантизма и особо ярко в этом направлении прославился на посту министра народного просвещения. На этой стезе Уваров восстановил против себя все либеральное общество, своей политикой спровоцировал крупные студенческие волнения в 1835 году, результат — закрытие университетов. Что же касалось его знаменитой теоретической триады — православие, самодержавие, народность, — так усиленно им насаждаемой в университетах, то она не имела успеха ни в образованном обществе, ни в студенчестве, ни даже в правящих верхах.

Приведем еще один пример. Своим упорным консерватизмом в университетском вопросе прославился адмирал, князь Е.Путятин: став министром просвещения в эру реформ Александра II, 31 мая 1861 года ввел новые реакционные правила, уничтожившие весь корпоративный быт студенчества, отменивший даже форму как символ единства. «Путятинские» — так называла молодежь ненавистные ей правила.

Студенческое движение протеста — оно вспыхнуло мгновенно в ответ на эти правила — окрестили «Путятинской историей». История длилась недолго, правительство было вынуждено срочно пойти на ус-

тупки. К этому его побудили резко усилившееся студенческое движение по всей России, атмосфера сочувствия и поддержки, окружившая студенческую жизнь со стороны либеральной, передовой общественности, выступления передовых ученых, таких, как Н.И.Пирогов, Д.И.Менделеев, страстные статьи «Колокола» А.И.Герцена. В результате 18 июня 1863 года появился новый устав, восстановивший автономию высшей школы и давший право профессорам самим управлять деятельностью учебных заведений, выбирать ректора; и, что весьма существенно, отменялись сословные ограничения при комплектовании студенческих наборов.

С удовлетворением отметим, что автором демократического Устава 1863 года был весьма достойный человек, новый министр просвещения, сын знаменитого русского мореплавателя, выпускник Александровского лицея, сторонник широкого фронта реформ А.В.Головин.

Именно он первым делом открыл Петербургский университет, который был закрыт в результате «путятинской истории», собрал разбегавшихся профессоров, оживил всю учебную и научную жизнь. Впервые в России введена была широкая гласность, министерство Головина стремилось привлекать образованное общество к обсуждению важнейших нужд образования.

А.В.Головин разработал предложения, проекты о необходимости дальнейшего преобразования системы просвещения¹²³.

Но недолго царила в обществе атмосфера надежды на возможные последующие коренные преобразования и университетские реформы. Грянул 4 апреля 1866 года выстрел студента Каракозова, Головин был отправлен в отставку, мощный вал полицейской реакции буквально обрушился на цитадели науки. Они всецело были отданы под надзор полиции, а она прилагала все усилия к тому, чтобы превратить учебные заведения в «особо охраняемые» зоны с казарменным режимом. Появились новые специальные должности старшего инспектора и субинспектора. За каждым шагом студентов пристально следили и регулярно докладывали о поведении молодежи в охранное отделение. По-

¹²³ *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения: 1882–1902 гг. СПб., 1902. С. 15.

лицейская слежка, доносы, недоверие были возведены в ранг государственной политики.

Осуществлял эту политику человек, которого вкупе с Аракчеевым считали самым знаменитым реакционным деятелем России на протяжении всего XIX века, — Д.А.Толстой, граф, сенатор, обер-прокурор Синода и одновременно с 1866 года министр народного просвещения. Профессор Б.Н.Чичерин, лично знакомый с министром, характеризовал его как человека, лишённого всех нравственных убеждений, лживого, алчного, злого, мстительного, коварного, готового на все для достижения своих карьеристских целей.

Правительству казалось, что подобная фигура должна устрашить учащуюся молодежь! Действительно, величайшую ненависть широких кругов просвещённого общества за свою жестокую борьбу с любым проявлением вольномыслия, демократизма заслужил Толстой, особенно после того, как возглавил Министерство просвещения.

Мрачный этап в развитии высшего образования наступил после принятия Устава 1884 года, определившего основные нормы жизни учебных заведений вплоть до первой русской революции. Реакционный по своей сущности, Устав 1884 года ликвидировал урезанное самоуправление, частично восстановленное Уставом 1863 года, упразднилась выборность ректора и деканов. Ректор назначался по высочайшему повелению, деканы, по представлению попечителя, — министром¹²⁴.

К этому следует добавить, что в 1899 году правительством были приняты особые «Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений». Они узаконили наказание солдатчиной студентов за неповиновение учебным властям и за участие в студенческих волнениях. 11 января 1901 года 183 студента Киевского университета за учинённые «скопом» беспорядки были отданы в солдаты; та же участь постигла 27 студентов Петербургского университета.

Профессора юридического факультета Петербургского университета 30 января 1900 года отправили письмо министру народного про-

¹²⁴ См.: Полное собрание законов Российской империи: В 33 т. Т. 4. СПб., 1887. С. 2404.

свещения. В нем они заверяли министра, что отлично понимают свой долг перед монархом, отечеством и законом. Действительно положение в университете «крайне серьезное», но они сами не могут оказать нравственное «благотворное» воздействие на волнующихся студентов. Им это не позволяет закон Устава 1884 года, ибо он запрещает иметь какие-либо контакты со студентами, кроме учебных, а сами они лишены прав участия в управлении университетом¹²⁵.

Первую русскую революцию студенчество встретило, имея уже грозный авторитет серьезной политической силы. Это заставило царское правительство, вслед за манифестом о созыве Государственной думы, издать 27 августа 1905 года «Временные правила об управлении высшими учебными заведениями». Наконец-то университеты получили автономию, а студенты — право сходки. На учебу стали принимать лиц, окончивших реальные училища, семинарии, и даже женщин в качестве вольнослушательниц. Была упразднена и ненавистная инспекция. После поражения революции реакция вновь стала наступать на университеты, постепенно уничтожая все демократические завоевания революции.

Этот достаточно неполный обзор так называемой реформаторской и контрреформаторской политики царского правительства наглядно свидетельствует, что самодержавие было неспособно провести курс последовательного демократического реформирования.

В начале XX века необходимость реформы образования стала очевидной для всех, и горячее обсуждение ее выявило многообразную палитру мнений и платформ ученых, политиков, литераторов.

Следует отметить, что в начале XX века значительная часть русской интеллигенции находилась под влиянием либеральных идей, вполне искренне полагая, что сами идеи свободы, демократии, равенства в правах могут способствовать обновлению отечества. Особое значение придавая реформам, декларациям, хартиям, они отстаивали мирный эволюционный путь преобразования России, залог успеха его видели в реформировании системы образования.

Значительная роль в идейной жизни студенчества принадлежала прогрессивной либеральной профессуре. Яркие представители либера-

¹²⁵ См.: Щетинина Г. И. Идеиная жизнь русской интеллигенции... С. 154–155.

лизма, видные ученые, такие профессора, как В.И.Вернадский, Е.Н.Трубецкой, А.А.Кизеветтер, П.М.Новгородцев, К.А.Тимирязев, П.Н.Милкоков, В.О.Ключевский, А.С.Фаминцин, А.А.Шахматов и другие, были сами универсантами, и их жизнь, научная и политическая деятельность тесно переплетались. Как не им было знать все перипетии университетской жизни!

Либеральные профессора смело выступали против полицейской системы образования. К.А.Тимирязев в статье «Академические свободы. Мысли вслух старого профессора» и в серии статей «Наука и демократия» высказал категорические требования освобождения университетов от бюрократической опеки, уничтожения полицейского надзора, свободного доступа женщин к университетскому образованию. Жалкое состояние просвещения в России профессор объяснял политикой самодержавия, имеющей полицейский характер¹²⁶.

«Мы порицаем правительство за то, — писал профессор Петербургского университета А.А.Шахматов великому князю Константину Константиновичу, президенту Академии наук, — что оно давно уже, осознав недостатки университетского Устава 1884 года, внесшего в высшие учебные заведения наши разложение», ничего не сделало для восстановления нормального строя университета¹²⁷.

Академик А.С.Фаминцын в адрес того же президента с достоинством и горечью обращал внимание на унижение профессорской коллегии, отстраненной от участия в университетской жизни и от учащихся Уставом 1884 года. Он возмущался бесправием и обезличиванием профессорских Советов, негодовал против увольнения уважаемых профессоров без суда и «расспроса»¹²⁸.

Русским либеральным профессорам было присуще стремление к мирному прогрессу, но честь и хвала им за сокрушающую критику самодержавия в университетском вопросе.

Лекции талантливых профессоров, особенно гуманитарных наук, независимо от их воззрений, сеяли семена оппозиционности и революционности. В одном из политических доносов на В.О.Ключевского со-

¹²⁶ См.: Русские ведомости. № 330. 1904. 27 нояб.

¹²⁷ Щетинина Г.И. Указ. соч. С. 170.

¹²⁸ Там же. С. 107–171.

общалось, что в его лекциях все русские цари изображены или «извергами и безнравственными, или скоморохами». Среди знаменитых афоризмов, широко известных студентам, встречаются и такие: «Русские цари — не механики при машине, а огородные чучела для хищных птиц»¹²⁹.

Как уже было отмечено, для либеральной оппозиционной профессуры были характерны в основном антиреволюционные настроения. В то же время, видя существенную силу в студенческих протестах, либералы стремились использовать их как таран для воздействия на самодержавие, с тем чтобы подтолкнуть его на путь желаемых реформ.

В начале XX века, когда студенчество достаточно четко политически дифференцировалось, позицию либеральной профессуры поддерживали студенты-академисты, сторонники платформы кадетской партии. В программе этой, как ее называли, «профессорской» партии четко прослеживается академическая позиция. Отмечая необходимость демократизации системы образования, в программе фиксировались требования: «Полная автономия и свобода преподавания в университетах и других высших школах. Увеличение их числа. Уменьшение платы за слушание лекций. Организация просветительской работы. Свободная организация студенчества»¹³⁰. Именно студенческие протесты, по мнению либеральной профессуры, ставят остро вопрос о самоуправлении университетов, в рамках самодержавного строя. «...Сплоченная самоуправляющаяся университетская корпорация будет силой, способной оказать нравственное влияние на студентов и защитить порядок»¹³¹, — писали в записке 1899 года десять московских профессоров (В.И.Вернадский, П.Г.Виноградов, Н.А.Зелинский, И.М.Сеченов, Н.И.Стороженко, К.А.Тимирязев, Н.А.Умов, Ф.Ф.Фортунатов, А.И.Чезиров, А.Н.Шварц).

Для В.И.Вернадского, а для него было особенно характерно бережное отношение к личности студента, свобода университета с учетом

¹²⁹ См.: Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества. М., 1974. С. 323–324; Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 395.

¹³⁰ Орлова Н.В. Политические партии России: страницы истории. М., 1994. С. 69.

¹³¹ Щетинина Г.И. Указ. соч. С. 155.

исторических его традиций будет гарантировать ослабление влияний «внешних брожений». Какие же практические меры предусматривал В.И.Вернадский в деле решения университетского кризиса. Называя себя вполне искренне «университетским гражданином», Вернадский прежде всего предлагает внести в реформу идеалы Устава 1804 года: полная автономия университетской профессорской корпорации, ограничение власти попечителя, уничтожение института инспекции, признание студенческой корпорации, снижение платы за обучение, расширение доступа в университет молодежи. Осуществление реформы для Вернадского должно произойти «сверху», расширение самоуправления университетов должно быть «даровано»¹³².

Теоретиком университетской автономии называли современники князя С.Н.Трубецкого, профессора философии Московского университета. Как либерал князь Трубецкой отстаивал самостоятельность университета и как идеалист верил в беспартийность науки и самого университета¹³³. Борьба за идею реформы университета привела князя Трубецкого к трагической кончине.

Во время революции, в 1905 году, он стал первым выборным ректором Московского университета. 21 сентября на трехтысячном митинге в университете новый ректор обратился к молодежи — он призывал ее одуматься: «Университет не может и не должен быть народной площадью, как народная площадь не может быть университетом». С.Н.Трубецкой был дружно освистан студентами. Трагедия профессора, представлявшего цвет мысли и образования России, заключалась в том, что он до конца не сумел оценить масштабы влияния революционных идей на его горячо любимых студентов. После совещания у министра просвещения 29 сентября ректор скончался. Сердце его, писал Ленин в злом памфлете «по поводу смерти Трубецкого», не выдержало «сцены» в передней царского министра, где он получил взбучку за университетские дела¹³⁴.

¹³² См.: *Вернадский В.И.* Об основаниях университетской реформы. М., 1901. С. 2, 16, 17.

¹³³ См.: *Трубецкой С.Н.* Собр. соч. Т. 1. С. 11.

¹³⁴ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 333.

При всем честном и идеалистическом отношении к университету русским либералам не удалось привить свои идеалы широким массам студенчества. По мере приближения революции пути решения университетского кризиса радикальная молодежь связывала с уничтожением самодержавия и установлением демократической республики.

После февраля кадеты, казалось бы, получили возможность реализовать свои идеи реформы образования.

Первым либеральным министром народного просвещения стал А.А.Мануйлов, профессор-экономист, кадет. Его сменил так же кадет, известный востоковед С.Ф.Ольденбург. По его предложению на пост товарища министра был назначен академик В.И.Вернадский. Министерством народного образования при помощи кадетской профессуры было разработано около 40 прогрессивных законопроектов, воплотивших все мечты и идеалы просветителей высшей школы.

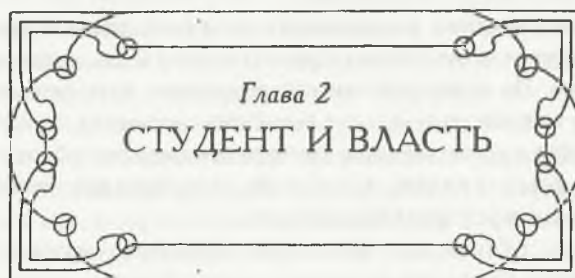
Но мечты остались мечтами... На очередь дня встали проблемы выживания, мира, земли, хлеба. К октябрю многие учебные заведения были закрыты. Голод, нужда и революция окончательно разрушили научную и учебную деятельность.

«Национальное бедствие» — так расценил Академический союз «приостановку и расстройство учебных занятий»¹³⁵.

Теперь уже ни многообещающие ранее либеральные реформы, ни революция не могли спасти университет.

Университетский вопрос в дореволюционной России так и не был решен.

¹³⁵ Вестник воспитания. 1917. № 6–7. С. 91.

*Мы только ласточки, оставившие юг,
Чтоб возвестить природы обновленье.
Мы только весть несем, что кончился недуг
И что врачи сулят выздоровленье.*

(Из студенческой поэзии 1901–1902 гг.)

СТУДЕНЧЕСКИЕ ИСТОРИИ

«Императорский Санкт-Петербургский университет» — гласила необычная вывеска, появившаяся однажды октябрьской ночью 1861 года на воротах Петропавловской крепости.

Новость петербуржцев не поразила. Было известно, что с начала учебного года казематы переполнены смутьянами-студентами и их так много, что часть арестованных пришлось срочным порядком переправить в Кронштадт. Началась очередная «студенческая история».

«Студенческие истории» — при этих словах современному читателю рисуются интригующие сцены студенческих скандалов, захватывающих кровавых любовных драм, шумных молодежных дебоширств.

В свое время в атмосфере серой повседневности, социальной пришибленности, когда обыватель жил помаленьку, потихоньку, оглядываясь, с лозунгом «день да ночь — сутки прочь», студенческие истории становились крупным социальным явлением, казались, вспоминал профессор А.А.Кизеветтер, «своего рода громом в ясном небе»¹. Сознательно или стихийно, молодежь, разыгрывая подобные истории, вы-

¹ См.: Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий... С. 39.

носила на застойную поверхность российской действительности наиболее наболевшие общественные проблемы.

Студенческие истории, приобретая всероссийскую гласность, обеспечивали молодежи общественное сочувствие, студенты становились объектом самого сердечного внимания и заботы во всех интеллигентных сферах, особенно в литературных кругах.

По образному замечанию того же профессора Кизеветтера, в глазах перепуганного правительства университеты превращались в «гнездилища революции», со временем эта репутация упрочилась². Побудителем же этих историй, по мнению академика, профессора Петербургского университета А.С.Фаминцына, становилось само царское правительство, своей политикой провоцировавшее молодежь³.

Обратимся к одной из наиболее ярких студенческих историй, именно ей и обязано появлением на Петропавловской крепости объявление о «переезде» университета.

Началась эта история следующим образом. Не прошло и трех месяцев после отмены крепостного права, как император-освободитель, лавируя под натиском недовольного дворянства, был вынужден удалить из правительства многих чиновников-реформаторов. В их число попал и либерально мыслящий министр народного просвещения Е.П.Ковалевский — первый министр, попытавшийся придать своему ведомству направление, соответствующее эпохе великих реформ.

Сменивший его консерваторской закалки граф Путятин 31 мая 1861 года срочно ввел новые студенческие правила, которые вскоре окрестили «путятинскими». Его задача, как полагал контрреформатор, состояла в наведении строгого порядка и надлежащей дисциплины, как среди учащихся, так и обучающихся. Правилами одним махом уничтожались весь корпоративный дух в университетах, запрещались студенческие сходки, собрания, научные кружки и объединения. Были закрыты студенческие кассы и студенческие библиотеки. Форма — корпоративный знак студенчества — была отменена, вход в учебный корпус — только строго по билетам, лекции профессоров категорически запрещалось литографировать. Было предусмотрено даже такое оскорби-

² См.: Там же. С. 44.

³ См.: *Ольховский Е.* Петербургские истории. СПб., 1998. С. 374.

тельное для личности студента того времени ограничение, как запрет студентам курить табак в здании университета. Но главный сокрушительный удар был нанесен по малоимущим студентам: теперь за слушание лекций необходимо было платить 50 руб. — сумма для бедняка по тем временам непомерная. Свидетельство о бедности отменялось, а с ним уничтожались и все льготы по оплате за обучение. Студент, не сдавший один экзамен, подлежал немедленному исключению. Полицейский надзор был усилен. Факультеты были изолированы друг от друга и разделены охраняемыми кордонами.

По возвращении с летних каникул студенты были буквально ошарашены новыми правилами. Студенчество Петербургского университета объявило войну «путятинским правилам» — началась знаменитая «путятинская» история.

Волнения охватили все университеты, кроме Дерптского. Но если в других университетах они продолжались по несколько дней, то в Петербурге история затянулась на целый месяц и в конце концов привела к закрытию университета и увольнению ненавистного молодежи министра Путятина. Как уже упоминалось, застрельщиком «путятинской» истории был Петербургский университет. Едва с началом учебного года университет был открыт, как сейчас же сформировался негласный студенческий комитет, который и решил вести самую энергичную борьбу против путятинских реакционных нововведений. По его призыву в одной из аудиторий Петербургского университета студенты дружно выразили недовольство новыми правилами. Вдохновленные силой своего коллективного протеста, они выдвинули лозунг объединения студенчества: «нас много, более даже, чем шпионов... Главное, бойтесь разногласий и не трусьте!»⁴ Такой призыв звучал в одной из прокламаций петербургских универсантов.

Это уже были не шаловливые, набедокурившие юноши. И хотя они не имели еще определенных политических идеалов, не говоря уже о программе действий, но решили упорно отстаивать свои академические права. Заразительная идея действовать «скопом», всем вместе, ощущение силы своего единства уже овладели юношеством.

Петербургское студенчество, возмущенное, наэлектризованное до предела, собралось 25 сентября в университетском дворе и после бур-

⁴ Выдрин Р. Основные моменты студенческого движения в России. С. 16.

ных дебатов решило идти колонной через весь город к дому попечителя учебного округа генерала Филиппсона, чтобы лично с ним объясниться. Генерал, храбрый кавказский воин, решил применить свой опыт кавалерийской атаки по отношению к студентам. В результате — расправа по-русски: главные зачинщики-студенты арестованы, что в свою очередь повлекло последующие бурные сходки, личное вмешательство генерал-губернатора Игнатьева, городских, жандармов и даже славного Преображенского полка.

12 октября страсти достигли высшего предела. Многотысячная толпа, собравшаяся перед университетом, была рассеяна военными без сопротивления — разъяренных студентов удалось оттеснить и оцепить, при этом жестоко побив. Около 300 человек было арестовано и переправлено в Петропавловскую крепость, благо дорога не далека.

Весть о закрытии Санкт-Петербургского университета подлила масла в огонь возмущенного студенчества.

Московские студенты провели демонстрации на Тверской и Никитской. Чернь, в основном из лавочников и дворников, предупрежденная полицией и подогреваемая слухами, — мол, господа студенты вместе с помещиками хотят отнять землю у крестьянства, — с большим энтузиазмом и злостью вместе с военными учинила побоище. Московские лавочники с особым усердием избивали господ студентов, в озверении тащили их за волосы в подворотни, люто колошматя, стаскивали с дрожек, сдавали полиции. Любой молодой человек, чем-то напоминавший студента, т.е. имевший длинные волосы, очки, форменную фуражку или просто интеллигентное обличие, вызывал у лавочников звериную ненависть. У современников это побоище получило горько ироническое прозвание: «битва под Дрезденом», ибо сражение происходило у стен ресторана «Дрезден».

В иностранной прессе с удивлением и негодованием об этом событии писали: «... и это могучая Россия?».

Примечательно, что при такой жестокой расправе студенты твердо держались правила избегать открытой схватки с военной силой. Реакционная пресса, напротив, оголтело набросилась на молодежь, утверждая, что она с кинжалами и тростями нападала на жандармов.

Попытку прессы и охранки раздуть «историю», настроить общество против студентов отметил профессор В.О.Ключевский в письме к

П.П.Гвоздеву. Он убеждал коллегу не верить тому, что и студенты дрались с жандармами палками и кинжалами, как это напечатано в «Московских полицейских, — подчеркнул профессор, — ведомостях». «Я слышал, что кинжалы эти куплены полицией же в магазине и объявлены за студенческие, а с палками ходит большая часть студентов. (Я также не в исключении из этого правила)»⁵.

Справедливости ради засвидетельствуем, что впоследствии обнаружилось, что один нож принадлежал зазевавшемуся повару, шедшему за провизией, два кинжала — грузинам как атрибуты их национальной одежды.

«Молодежь — порох, который взрывается от малейшей искры», соглашался профессор Петербургского университета, знаменитый ботаник А.С.Фаминцын, свидетель студенческих волнений. Но он утверждал, что наиболее выдающейся особенностью этих событий было «полнейшее отсутствие сопротивления военной силе студентов, решившихся действовать сообща».

«Я сам был свидетелем этого в 1861 году, когда для устрашения студентов, державших сходку на университетском дворе, три раза направляемы были против них солдаты со штыками; при виде приближающегося войска студенты потребовали, чтобы товарищи их, имевшие при себе случайно трости, их побросали, очевидно ввиду твердой решимости избегать по принципу сопротивление силою — явление, немислимое при уличных беспорядках политического оттенка»⁶.

Сами петербургские студенты, обращаясь к своим собратьям — московским студентам, подтверждали это обстоятельство, они писали: «имейте в голове одно: стрелять в нас не сумеют — из-за университета в Петербурге вспыхнет бунт...».

Боязнь студенчества вступить в открытые военные действия с горьким юмором отметил видный военный теоретик, генерал М.И.Драгомиров. Однажды, получив приказ отправить к университету военные силы, он с присутим

⁵ Ключевский В.О. Московский университет в письмах и записках // Московский университет в воспоминаниях современников. (1755–1917). М., 1989. С. 432.

⁶ Ольховский Е. Указ. соч. С. 380.

ему остроумием так доложил о выполнении задания: «Инфантерия двинута, конница выступает, неприятеля нигде не найдено!»⁷.

Чтобы закончить «путятинскую» историю, вспомним, как реагировал на все эти студенческие события лично император-реформатор Александр II. Получив в Ливадии паническую телеграмму от министра графа Путятина, он ответил: «Поступать по-отечески».

Перепуганный министр вообразил, что император посоветовал поучить молодежь по старинке, т.е. выпороть. Близкие с трудом отговорили его от этой затеи.

Вернувшись в столицу, император положил конец этой истории: милостиво простил участников и выпустил арестованных студентов из тюрьмы. Впрочем, Петербургский университет был закрыт вплоть до пересмотра университетского устава, а главные зачинщики-студенты хотя и были освобождены, но вскоре выдворены из столицы в дальние губернии под строгий надзор полиции.

К чести осторожного и проницательного политика-императора надо отметить, что он понимал: шумная студенческая история — не просто скандальный эпизод. В октябре, в одном из своих писем, Александр II, дальновидный стратег, даже ясновидец, оценил «студенческую историю» как серьезное предупреждение, как первую вспышку общей заразы времени, как первый опыт революционной партии⁸.

Подобных студенческих историй было немало, и, как правило, начинались они во имя каких-либо требований, касавшихся студенческого быта, академической жизни. История могла вспыхнуть молниеносно, стоило только поднести спичку оскорбления к горячему материалу — студенческому достоинству. Достаточно было запретить аплодисменты после лекции почитаемого профессора, беспардонно войти педелью во время лекции в аудиторию, появиться шпиону в студенческой среде и т.д., и огонь протеста молодежи молниеносно разгорался. Иногда и сами студенты становились инициаторами, они публично наносили оскорбления, пощечины ненавистным учебным администра-

⁷ Кизевеитер А.А. Указ.соч. С. 41.

⁸ См.: Киреева Р.А. К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990. С. 100.

показывающая уважение к науке: «их возмутило преграждение пути бедным к образованию»⁹.

В ТЕМНОМ ЛЕСУ РАДИКАЛЬНЫХ ИДЕЙ

На торжественном акте 8 февраля 1880 года в Петербурге разразился скандал. Казалось бы, ничто его не предвещало. Традиционно парадно прошел молебен. Чинно и спокойно был заслушан ежегодный отчет министерства народного просвещения. И как гром среди ясного неба, на него была дана неожиданная отповедь.

Молодой человек, объявивший себя представителем студентов, заявил: «Из отчета ясно: единодушные требования всех университетов оставлены без внимания. Нас выслушали для того, чтобы посмеяться над нами? Вместе с насилием нас хотят подавить хитростью. Но мы понимаем лживую политику правительства, ему не удастся остановить движение русской мысли обманом. Мы не позволим издеваться над собою...»¹⁰.

По мере того, как все решительные студенты выдвигали свои академические требования, — а к ним со временем присоединилось новое: уничтожение полицейского досмотра в стенах университетов, — все настойчивее утверждался престиж студента-борца, все ярче сиял его ореол мученика, спасителя.

Различные революционные кружки, политические и общественные деятели, профессора и само царское правительство придавали, в восхищении или в испуге, преувеличенное значение студенческим протестам. Они обратили свое пристальное внимание на университет, где отыскивали своих политических союзников или политических противников.

Уже под впечатлением событий 1861 года самые популярные профессора на Невском в залах Думы, на литературных вечерах и публичных собраниях читали лекции, отдавая дань уважения протестующему студенчеству. Многие из них за смелость расплачивались университетскими кафедрами. Что же касалось царского правительства, то

⁹ Выдрин Р. Основные моменты студенческого движения в России. С. 16–17.

¹⁰ Там же. С. 26.

его прежде всего пугала возможная связь недовольного студенчества с оппозиционными элементами общества. Как свидетельствуют документы личного архива Александра II, император опасался, что молодежь к выступлениям подстрекают люди, которые вообще хотят уничтожить всякую власть, и что сами выступления студенчества в свою очередь влияют на опасные элементы населения столицы¹¹.

В действительности, массовое профессиональное студенческое движение еще не ставило никаких политических задач, а уже революционные организации 60-х годов поспешили использовать его в интересах своей политической борьбы.

«Мы обращаемся к вам, — говорилось в “Воззвании к молодому поколению”, написанном М.Л.Михайловым и Н.В.Шелгуновым, — потому что считаем вас людьми, более всего способными спасти Россию. Вы — настоящая ее сила, вы вожаки народа, вы должны объяснить народу и войску... все зло, сделанное нам властью». Огарев в «Колоколе» идет дальше и видит в университетской молодежи, которая покинет университет и «рассыпется по России», «соединительный мост для сословий» в их борьбе против насилия: «Пускай закрывают университеты. Устройте кафедры в городских залах и в волостных избах, в своей комнате и на базарной площади»¹².

Свой «рекрутский» набор во время студенческих волнений, пользуясь повышенной общественной возбудимостью молодежи, проводили народники. Они льстили юношеству в своих листках, называли студенческую молодежь главной «представительницей общественного протеста».

На Невском в книжных магазинах и читальнях, которые охотно посещались студенческой молодежью, шла напряженная пропагандистская работа. Особенно славилась среди молодежи читальня у Аничкова моста в доме Туляковых. Это был своеобразный клуб-магазин, где студенты и всякого рода нигилисты могли получить не только книги по сниженной цене, но и материальную помощь. Но главное — здесь интересовались жизнью молодежи, ее проблемами, выражали глубокое уважение к личности господина студента. Одним из его хозя-

¹¹ См.: Киреева Р.А. К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука... С. 99.

¹² Выдрин Р. Указ. соч. С. 18–19.

ев в 60-х годах был известный демократ, народник Н.А.Серно-Соловьевич. Он же был и инициатором создания Шахматного клуба в доме Елисея у Полицейского моста. Этот клуб, как и магазин, были широко известны среди демократических столичных слоев, их весьма усердно посещал и имел в шахматном клубе свой столик Чернышевский. Фактически клуб был также политическим центром народников, в нем организовывались встречи студентов с Чернышевским, вела пропаганду «Народная воля». В читальне студенты хранили пресс для печатания нелегальных прокламаций.

В какой степени и надолго ли Н.Г.Чернышевский был властителем дум молодого поколения? Радикальная молодежь, рвущаяся к решительным действиям, не довольствовалась теоретическими проповедями, она настойчиво искала ответа на так глубоко волновавший ее вопрос «Что делать?»

Н.Г.Чернышевский явно предвидел такой вопрос. Не случайно так он назвал роман, написанный в тюрьме и ставший учебником жизни нескольких поколений революционеров. Это воспитательный роман, направляющий молодого человека в новую жизнь и порождающий у него стремление стать новым человеком. Для нас знаменательно, что, строя свою литературную модель, Чернышевский не смог обойтись без героя своего времени — студента.

Чернышевский предложил молодежи свое решение нравственной проблемы. Писатель отдавал себе отчет в том, что в его время молодые люди воспитываются в духе покорности царизму и православию. Как преодолеть рабство внутри себя, непосильное чувство вины? Как действовать во имя общественного идеала, не спотыкаясь о внутренние личностные преграды? Чернышевский отвечает по-своему на эти вопросы, создавая индивидуальную этику революции. Что же касалось политической программы Чернышевского, она была туманна и эклектична.

Весьма знаменательно, что революционно настроенная молодежь хотела видеть в Чернышевском не только кабинетного ученого, так как предполагала, что он был осужден не только за литературную деятельность. Современник Чернышевского, близко с ним знакомый, участник революционных событий 60-х годов А.Ф.Пантелеев в своих мемуарах приводит любопытную иллюстрацию возможных связей Чернышевского со студенческими вожаками петербургского университета.

В один прекрасный день к М.П.Покровскому, студенту-естественнику четвертого курса, одному из самых влиятельных деятелей студенческого кружка Петербургского университета, явились сотрудники «Современника» Г.З.Елисеев и М.А.Антонович. И вот какой вопрос они задали Покровскому:

— Имеете вы триста студентов, готовых на все?

— Да, — не колеблясь отвечал Покровский.

— Если так, то вот что мы вам предлагаем: надо отправиться в Царское село, попасть во дворец и захватить наследника (Николая Александровича); затем немедленно телеграфировать царю в Ливадии: или он должен тотчас дать Конституцию, или пожертвовать наследником...¹³

Студент Покровский отказался, то ли план ему показался очень фантастическим, то ли он не рассчитывал найти охотников-студентов на выполнение этого плана.

Пантелеев утверждал в своих мемуарах, что без предварительного соглашения с Н.Г.Чернышевским сотрудники «Современника» не рискнули бы пойти на столь авантюрный шаг. Вот вам и кабинетный мыслитель.

Молодежь очень хотела видеть в Чернышевском первого борца на том крестном пути, по которому она начала двигаться, именно поэтому она уверовала в рассказанную выше легенду, имевшую место в действительности или нет.

Первый опыт коллективных выступлений «скопом» показал студенчеству, что необходимы организация, доктрина, программа.

Прежде чем партии стали оформляться в России, о них уже мечтали общественно возбудимая молодежь, мечтал и вольнослушатель петербургского университета С.Г.Нечаев, мечтал и увлеченный идеями этого студента теоретик анархизма старик Бакунин.

Нечаев создал печально знаменитую «Народную расправу», организацию, снискавшую себе своими иезуитскими приемами, политическим авантюризмом, неразборчивостью в средствах страшную славу, воплотившуюся в нарицательном феномене «нечаевщина».

Для нас, обратившихся к истории студенчества, интересно, что «великий бунтарь», вышедший из студенческой массы, первоначально опробовал свои взгляды в родной студенческой среде, на студенческих сходках. Важно и то, что «нечаевщина», как особая, своеобразная док-

¹³ Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М., 1958. С. 533–534.

трина, стала серьезным нравственным испытанием и искушением для еще не сложившихся душ молодых людей, но страстно жаждущих встать в ряды борцов за будущее общество. Первой реакцией на «нечаевщину» было возмущение и брезгливое желание честных юношей отмежеваться от нее. И тем не менее в дальнейшем «нечаевщина» и ее кровавые следы появлялись в революционном движении России.

Быстрее всех на «нечаевщину» отреагировал Ф.М.Достоевский, непосредственно отклик на нее содержится прежде всего в романе «Бесы». Его герои — тоже студенты, но по сравнению с героями Чернышевского эти новые люди — мелкие статисты, бессодержательные, обреченные. Нечаев как человеческий тип, освобождающий себя от общей морали по отношению к нереволюционерам, предугадывал писатель, еще проявится в будущем России — в революционном безумии, в пике «культ личности».

Мы, выступая в защиту русского студента, не претендуя на детальный анализ, добавим, что сама «достоевщина» не лишена того же яда, что и осмысляемый феномен идеологии, поэтому не может служить противоядием.

Обратимся к личности Нечаева, совсем не романтической, достаточно прозаичной, и тем не менее современники долго спорили: злодей, герой, мученик?

С.Г.Нечаев, учитель приходского училища, вольнослушатель Петербургского университета, приобрел известность в студенческих кругах Петербурга во время студенческих волнений 1868–1869 годов. Поводом к очередной студенческой истории послужило исключение студента Технологического института, требования были традиционно академического характера. Но, что примечательно, появилась в университете организованная группа, стремящаяся вовлечь студенчество уже в политическую борьбу против царского самодержавия.

Теперь кружок в университете претендовал на особую роль, именно он стремился поднять острые социально-политические проблемы. Кружок — секретное место встречи молодых людей, съехавшихся со всей России, вхождение в новый мир, содружество юных провинциалов, иногда просто растерявшихся в большом городе. В кружке молодежь обменивается мыслями, идеями, литературой, здесь студенты могли через землячество и кассу взаимопомощи получить материаль-

ную поддержку. Но все-таки главное — в кружке происходит полная переориентировка жизненных ценностей. Кружки становились рассадником революционной деятельности.

На сходках подобной группы, когда ожесточенно в горячих спорах обсуждались вопросы о возможности использования террора, заговора, переворотов и всякого рода покушений на личность, внимание аудитории привлек своими экстремальными лозунгами поднять народное восстание безбородый юноша, худой, с озлобленным лицом, сжатым судорогой ртом. Но те пути, которые он предлагал для достижения цели, были весьма оригинальными: «...прямым путем ничего не поделаешь: руки свяжут. Именно иезуитчины-то нам до сих пор не доставало»¹⁴. Фатальное слово «иезуитчина» прозвучало!

У Нечаева сразу же появились поклонники и противники в студенческих кружках. По-юношески быстро было решено во время летних каникул 1869 года провести студентами анкетирование в деревнях с целью выявить насколько русский народ готов к немедленному восстанию.

Вернувшись из отпусков, студенты привезли весьма спорные данные анкетного обследования, что весьма охладило их революционный пыл. Развернулась вновь горячая дискуссия, в которой, благодаря фанатическому экстремизму, известность Нечаева возрастала. Устанавливая связи между студенческими организациями, он уже вынашивал честолюбивые планы — возглавить студенческое движение в Санкт-Петербурге.

Зимой 1868–1869 годов Нечаевым была составлена «Программа революционных действий», в ней была определена главная политическая цель — социальная революция. В документе заявлялось, что «подлинная свобода обновления личности лежит только в социальной революции».

Программа практических действий, являвшая собой горючую смесь бланкизма и бакунизма, фактически была списана у М.А.Бакунина. «Лучшие люди», по мнению Нечаева, это радикально настроенная молодежь. Они должны организовать в мае 1869 года сначала в университетских городах Москве и Петербурге, а затем по

¹⁴ Канев С.Н. Революция и анархизм. М., 1987. С. 145.

всей России мощные студенческие выступления, после чего развернуть деятельность в губернских и уездных городах, ориентируясь здесь на молодежь из семинаристов, разночинцев, а с октября начать пропаганду в широких народных массах, охватить всю Русь призывом к революции.

В начале 1869 года в Петербурге начались массовые аресты среди участников студенческого движения. Нечаев успел скрыться — уехал за границу.

В 1869 году в швейцарском изгнании перед старцем Бакуниным, сохранившем еще в своем сердце юношескую революционную страстность, предстал двадцатидвухлетний изможденный молодой человек с горящим взором и глобальными планами — Нечаев. Он хвастливо рассказал патриарху анархизма, что стоит во главе могучей студенческой монолитной организации, готовой дать решительный толчок революции.

Тридцать лет о такой организации мечтал Бакунин, и вот появляется молодой вестник. Надежды могут осуществиться!

В далеком изгнании до Бакунина докатывались слухи о студенческих выступлениях, о существовавших кружках решительных и дерзких молодых людей. М.А.Бакунин еще в 1866 году писал Герцену: «Ищите публики новой в молодежи, в недоученных учениках Чернышевского и Добролюбова, в Базаровых, в нигилистах — в них жизнь, в них энергия, в них честная и сильная воля»¹⁵. Теперь великому фантазеру и бунтарю Бакунину померещилось, что за всей этой мощной студенческой силой — романтическая, демоническая фигура Нечаева, которого он, идеализируя, наделяет всеми желанными ему качествами вожака-революционера: безграничной преданностью идеям революции, волей, серьезностью, страстностью.

Герцен, со свойственной ему интеллигентностью, брезгливо отнесся к Нечаеву, предостерегая Бакунина и Огарева о возможных сложных последствиях сотрудничества. Но Бакунин и Огарев небылицы фанатика принимали за желаемую действительность. Совместное творчество Бакунина, Огарева и Нечаева с марта по август 1869 года было адресовано русскому студенчеству, которое они расценивали как

¹⁵ См.: Письма М.А.Бакунина к А.И.Герцену и Н.П.Огареву. СПб., 1906. С. 293.

важную побудительную силу революции, пропитанную бунтарским стихийным духом: ими были опубликованы прокламации «Русские студенты», «Студенты университета, Академии и Технологического института в Петербурге» (подпись Нечаева), «Несколько слов молодым братьям в России» (подпись Бакунина), брошюра «Начало революции» и, наконец, печально знаменитый «Катехизис революции» и другие.

Авантюрист Нечаев из-за границы спешил напомнить о себе в России — рассылает по петербургским адресам 500 прокламаций, тем самым подставив 387 лиц-получателей, в основном студентов, под бдительное око полиции.

Анархистские идеи прокламаций, призывы к кровавому бунту, к разбою имели целью соединить революционно-бунтарски настроенное студенчество с «лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером России»¹⁶.

Вооружившись бакунинской анархической теорией и бакунинским терпением, Нечаев в начале сентября 1869 года появляется в России, теперь уже обосновываясь в Москве, где хочет создать свою организацию на основе диктаторского централизма. Прежде всего он устанавливает связи со студентами Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии.

Не забывает Нечаев и Петербург, — выдавая себя за лидера крупной, правда, несуществующей, подпольной организации, он в ноябре 1869 года приезжает в столицу и ищет соратников в Университете, Лесном и Технологическом институтах, Медико-хирургической академии. Ему удается завербовать 20 студентов в Петербурге и 40 в Москве, из них он формирует несколько боевых «пятерок». Но, возомнив себя крупным вождем революционного движения, для престижа он распускает слух, что вырвался из казематов Петропавловской крепости, использует авторитет Интернационала, выдает себя за уполномоченного «Всемирного революционного Союза», демонстрирует при этом восторженным юнцам мандат, выданный ему Бакуниным, но с фиктивным номером — 2771. И хотя желающих вступить в организацию немного, свою организацию Нечаев громко именует «Народная расправа». Устрашающе выглядит и бланк этой организации — на нем изображен топор.

¹⁶ См.: Канев С.Н. Указ. соч. С. 150.

Наделяя себя диктаторскими полномочиями, фанатик Нечаев добился беспрекословного подчинения членов общества собственной воле. Естественно, что его методы мистификации, провокации, лжи, да и сама его личность стали вызывать подозрения и сопротивление некоторых членов организации.

Один из членов «Расправы» И.И.Иванов, студент Петровско-Разумовской академии, осмелился выступить против диктаторского стиля руководства и заявил о своем решении выйти из организации. В ответ Нечаев оклеветал Иванова, обвинил в предательстве и 21 ноября 1869 года организовал убийство честного революционно настроенного студента. Намечались и другие жертвы. Этими актами он хотел «сцементировать кровью членов общества», связать их круговой порукой. Вскоре труп несчастного был найден в парке сельскохозяйственной академии, начались аресты членов «Народной расправы».

Нечаев вновь удачно бежал за границу. В России в качестве вещественных доказательств остались только труп студента и «Катехизис революционера».

По делу об убийстве было арестовано 150 человек, из них 79 преданы суду. Учитывая кровавую суть «нечаевщины» и желая «нечаевщиной» опорочить идею революции, втоптать в грязь благие намерения студенчества, власти пошли на решительный и редкий шаг — организовали открытый политический судебный процесс.

Но, к горькому разочарованию властей, процесс продемонстрировал высокие моральные качества многих обвиняемых, романтические желания служить родине и во имя этого принести в жертву свои юные жизни. Процесс показал, что молодые люди просто не имели истинного представления о внутренней сути «нечаевщины».

В своих воспоминаниях бывший петербургский студент Н.А.Чарушин писал: «Странное отношение, в общем, установилось к этому громком политическому делу: к людям, участникам процесса — положительное, а к организации, как таковой, с которой эти люди были связаны, — безусловно отрицательное...» Революционная молодежь извлекла из этого дела и практический урок: «ни в коем случае не строить революционную организацию по типу нечаевской»¹⁷.

¹⁷ Канев С.Н. Указ. соч. С. 152–153.

Два года длилась погоня агентов 3-го отделения за Нечаевым. Наконец, в 1872 году он был выдан швейцарскими властями, в России его судили как уголовного преступника, но в зале суда он гордо заявил: «Вся Россия знает, что я преступник политический». Суд приговорил его к каторжным работам сроком на 25 лет — на вечное поселение в Сибирь.

И все-таки Нечаев при всей его беспринципности и лживости обладал редким даром соединения мистификации и внушения. Может, этим и объясняется относительный успех его идей среди доверчивого студенчества.

После осуждения преступник был заключен в Секретный дом Петропавловской крепости, и здесь ему одному, за всю историю существования Секретного дома, удалось подчинить своей воле стражу, которая согласилась помочь ему в организации побега. Это было уже в 1881 году. Исполнительный комитет «Народной воли» предложил узнику самому решить: отложить ли покушение на царя и заняться только организацией его побега? Нечаев отказался от идеи побега и в 1882 году умер в Алексеевском равелине.

Остался знаменитый нечаевский «Катехизис революционера», носящий явные следы идей Бакунина. Оказались живучи основные заповеди этого документа: «революционер — обреченный человек», он не имеет личных интересов, любви, дружбы, семьи, привязанностей, даже имени. Для революционера нет понятия морали, чести, законов общества. Цель оправдывает средства: для пользы дела революционер может прибегать к убийству (смерть может быть полезна революционному делу), шантажу, провокации, компрометации высших классов. Эти сектантские идеи обезличивания и вседозволенности избранных «посвященных» много раз возникали в революционном движении России, вызывая свои рецидивы.

Предостерегающая историческая прозорливость гениального писателя Достоевского, феномен идеологии «нечаевщины» и его влияние на русскую мысль заставляют и сегодня обращаться к зловещему образу мистификатора. При этом мы не забываем, что почвой его мистификации служило нигилистическое студенчество. Правда, изначально студенчеству не импонировал отказ «Катехизиса» от научного знания; по Нечаеву, революционер знает только одну науку — науку разруше-

ния. Нечаев допустил просчет, он унизил науку, а унижение науки — явление, выпадающее из русских общественной и революционной традиций. Научное знание само содержит в себе нравственность.

Следует однако отметить, что радикальное студенчество, отождествляя свои протесты со справедливостью, верой в обновление, не ощущало в себе тяги к «нечаевщине», от которой шел скверный дух уголовщины. Поэтому лозунги всенародного бунта, анархии, народной расправы пугали студенческую массу в целом. Эта масса по-прежнему была далека от идей прямого политического характера, и требования ее ограничивались сферой академической жизни.

И если В.П.Боткин, близкий друг А.И.Герцена и В.Г.Белинского, отмечал, что в 60–70-е годы революционными учениями заражена преимущественно учащаяся молодежь, и особенно он выделял петербургское студенчество, то, безусловно, речь шла о тайных студенческих кружках.

В 80-х годах, в так называемый период «затишья», студенчество время от времени давало о себе знать. Этому усердно способствовала университетская политика, которая ярко отражала общий реакционный курс правительства, пытавшегося перечеркнуть все реформаторские нововведения и культурные начинания. Студенчество бурно отреагировало на утверждение реакционного университетского Устава 1884 года, уничтожившего университетскую автономию. Разыгрывались и «студенческие истории», подобно ранее упомянутой «брызгаловской», вспыхнувшей в ноябре 1887 года из-за скандального инцидента — когда во время студенческого концерта в Москве студент Синявский публично дал пощечину инспектору Брызгалову, олицетворявшему для студенчества реакционные порядки в университете.

Все эти выступления уже слабо возбуждали общество.

Если говорить о групповом портрете студента 80-х годов, то для него было характерным отсутствие обостренного интереса к общественным проблемам, в массе несколько затух революционный пыл, слабо тлел огонь самопожертвования, тайные общества и конспиративные квартиры молодежь не влекли.

Шел чрезвычайно болезненный процесс ломки старых народнических иллюзий, намечалось робкое стремление молодежи найти новые неизведанные пути протеста. И все-таки были отчаянные юноши, в

чьих душах сохранились народнические «чувства» и «настроения», они бережно хранили идеалы героев «Народной воли», унаследовали от них преданность революционной борьбе, искреннее стремление к высокой нравственной чистоте, чувство неоплатного долга перед народом, потребность к инициативной деятельности. Для них звучали еще призывы семидесятников, воплотившиеся в гражданской поэзии Некрасова:

От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови
Увези меня в стан погибающих
За великое дело любви.

Последней ослепляющей молнией в мрачном небе России было сообщение в марте 1887 года о том, что раскрыт акт готовящегося цареубийства, нового «первого марта», заговорщики — группа студентов университета и душа заговора — студент Александр Ульянов.

Этот высоко одаренный, тонко духовный, талантливый юноша-идеалист уже приобрел известность в научных студенческих кружках своими глубокими рефератами. Биографы братьев Ульяновых утверждают, что Владимир сильно уступал в талантливости старшему брату¹⁸.

20 мая 1887 Александр Ульянов был казнен.

Эхом героических времен «Народной воли» отзвучали эти события, они вызвали любопытство и глубокое сочувствие у молодежи, но не желание встать на тропу открытой террористической борьбы.

Совет университета был вынужден срочно отреагировать, так как три арестованных участника заговора были студентами Петербургского университета, и они сами смело признались, что хотели умертвить императора.

В ответ на верноподданнический адрес Совета университета Александр III в своем довольно сдержанном послании посоветовал профессуре доказать свою преданность не на бумаге, а на деле — срочно постараться загладить тяжелое впечатление, произведенное на общество «участием студентов в преступном замысле». Вторая четверть 90-х годов ознаменовалась ярким пробуждением общественной и духовной деятельности.

¹⁸ См.: Вернадский Г. Ленин — красный диктатор. М., 1998. С. 18.

Крах народничества не погасил революционности российского студенчества. Народнические иллюзии еще не были до конца преодолены, отказ от «геройских» традиций народничества стоил борьбы, но благодаря постоянной юношеской тяге ко всему новому, в поисках идеологии студенчество обратилось к марксизму.

Марксистские идеи стали известны в России не сразу. Первыми с ними познакомились в 40–50-х годах студенты, обучавшиеся за границей. К.Маркс и Ф.Энгельс, наблюдая за эволюцией политических воззрений русских студентов, с удовлетворением отмечали их интерес к марксизму, стремление с его идейных позиций разобраться в революционных событиях России. В одном из писем К.Маркс сообщал Ф.Энгельсу: «В Женеве — между прочим — образовалась новая колония русских эмигрантов-студентов, которые провозглашают в своей программе борьбу с панславизмом и выдвигают вместо него “Интернационал”»¹⁹. Это была небольшая группа молодых русских революционных интеллигентов (Утин, Трусов, Левашов и др.), составивших ядро русской секции I Интернационала.

Русское демократическое студенчество стремилось подчеркнуть свою обособленность от аристократической молодежи. Именно эта мысль проходила красной нитью в письме русской секции I Интернационала к К. Марксу. «Эта молодежь, — говорилось в нем, — ни идейно, ни по своему социальному положению не имеет и не желает иметь ничего общего с паразитами привилегированных классов, и она протестует против их гнета, борясь в рядах народа за его политическое и социальное освобождение»²⁰.

В 1869 году на русский язык был переведен «Манифест Коммунистической партии», а в 1872 году в Петербурге издан первый том «Капитала» К. Маркса. Появление в России произведений марксизма вызвало многочисленные отклики передовой русской общественности. Во многих периодических изданиях появились обстоятельные рецензии на «Капитал». Интерес молодежи к идеям Маркса и Энгельса был так велик, что некоторые прогрессивные профессора в свои лекционные

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 364.

²⁰ Переписка К.Маркса и Ф.Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1951. С. 37.

курсы ввели анализ экономических взглядов Маркса²¹.

В 1883 году в Женеве Г.В.Плехановым была создана группа «Освобождение труда». Сразу же после возникновения плехановская группа начала устанавливать контакты со студенческими организациями. Регулярно для них доставлялась нелегальная литература. Основными помощниками в этом были студенты, уезжавшие из Швейцарии на каникулы домой.

Определенную роль в повороте прогрессивной молодежи к марксизму сыграли непосредственные связи группы «Освобождение труда» с кружками студентов в России. Члены группы видели в них прекрасных распространителей и популяризаторов марксистских идей. Член группы С.Л.Гринфест, посланный в Россию в конце 1883—начале 1884 года, сообщил в Женеву, что ему удалось установить контакты с одним из петербургских студенческих кружков и члены его «вполне сознательно разделяют нашу программу»²².

К лету 1884 года между действующими студенческими российскими организациями и группой Плеханова наладились прочные связи. Эти кружки получали марксистскую литературу, распространяли ее, вели пропаганду среди фабрично-заводских рабочих. В своей нелегальной прессе студенты популяризировали издательскую деятельность группы «Освобождение труда» в России. В журналах петербургских студентов «Студенчество», «Свободное слово» регулярно появлялись отклики на новинки марксистской литературы, печатались рецензии на книги Плеханова.

«Мода» на марксизм резко оживила студенческую массу. Со времени полемических турниров между западниками и славянофилами русское общество не переживало такого острого пароксизма идеологической борьбы. Высокий накал общественной атмосферы определялся тем, что в теоретических спорах присутствовало огромное желание найти пути обновления России, определить систему действий, которая должна лечь в основу гражданского поведения.

Многие студенческие научные диспуты, вечеринки, чаепития, сходки того времени превращались в арену страстных сражений между

²¹ См.: Жуйков Г. Группа «Освобождение труда». М., 1962. С. 31.

²² Жуйков Г.С. Петербургские марксисты и группа «Освобождение труда». Л., 1975. С. 156.

народниками и марксистами. Возбужденная аудитория делилась как бы на два лагеря, попеременно свистящих и ожесточенно аплодирующих. «С одной стороны неслись упрёки в измене делу революции, в культуричестве и проч. смертных грехах; с другой — отвечали обвинениями в якобинстве, беспочвенной интеллигентщине, бессильном донкихотстве»²³.

Во всех высших учебных заведениях студенты и курсистки разделились на два враждебных стана — марксистов и народников, и между ними постоянно шла чрезвычайно эмоциональная перепалка, и по дурной русской манере спорящие не только слушали друг друга и продуманно защищали свою позицию, но ожесточенно, враждебно обрушивались, с юношеской заносчивостью, с грубыми обвинениями в адрес противников.

Что же касалось профессоров, то всякое их выступление, даже очень далекое от жгучей темы о марксизме и народничестве, сопровождалось аплодисментами, свистом, шиканьем, если сам лектор был подозреваем в принадлежности к одному из борющихся лагерей.

Посетив одно из таких буйных собраний студентов, профессор Кареев с юмором вспоминал, что один наивный первокурсник после подобного собрания доверительно обратился к нему за советом — он якобы «не знает, кем ему быть, марксистом или народником, а быть тем и другим студенту-де нельзя». Когда профессор сообщил, что он «ни то ни другое», студент возразил: «Вам можно — вы профессор, а вот нашему брату нельзя»²⁴.

Было в то время среди студенчества университета и еще одно поветрие, довольно сильное, державшееся долго, его можно назвать лесгафтизмом. Оно распространилось среди студенчества, которое не было подвержено эпидемии идеологических споров, а продолжало упорно заниматься, и главным принципом их мировоззрения была идея — в умственном труде обрести ты право свое, что в конечном итоге привело их в стан либеральной партии — кадетов.

Виновником его был профессор П.Ф.Лесгафт, человек чрезвычайно увлеченный и глубоко убежденный, что значительнее и важнее его

²³ См.: Могилевский М.В. Десяностые годы // Былое. 1924. № 23. С. 153–154.

²⁴ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 195.

предмета — анатомии — в университете нет. Он читал лекции в университете, а также у себя дома, чуть ли не с семи утра, и притягивал к себе огромную массу слушателей, среди которых были и филологи, и юристы, и историки. Они забрасывали свои курсы, посещали лекции Лесгафта, а затем слушали их повторно, ибо они начинали верить, что «без анатомии нельзя», и она — «единоспасающая». Профессор, как религиозный фанатик, буквально гипнотизировал молодежь, их слабые головы не выдерживали его напора. Рассказывали, что однажды один увлеченный студент принес Петру Францевичу свое расписание лекций и попросил профессора посоветовать, какие лекции ему стоит предпочесть. Профессор резко перечеркнул расписание и написал крупным шрифтом: «Анатомия!»²⁵.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ — ЗАЧИНЩИК ПЕРВОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ ЗАБАСТОВКИ

Первая всероссийская студенческая забастовка 1899 года вызвала буквально оцепенение в обществе. Еще бы, ведь студенческая молодежь избрала неведомую для интеллектуальных слоев форму борьбы — забастовку! Для студенчества России эта забастовка стала поистине исторической вехой, крутым поворотом в развитии студенческого движения. И вновь зачинщиками ее стали студенты Санкт-Петербургского университета. Уже давно, подспудно зрело недовольство студенчества, особенно с 1887 года, когда ректором университета стал профессор философии М.И.Владиславлев. Его ректорство стало самым мрачным и зловещим в истории университета. Дело в том, что ректор счел нужным принять все меры к «оздоровлению» университета, т.е. энергично начал искоренять всякие либеральные веяния в университете, они должны были, по его расчетам, уступить место полицейской бюрократии. Подспорьем ему служил реакционный устав 1884 года. По поводу этого сверхреакционного устава, уничтожившего университетскую автономию, М.Н.Катков, известный публицист, резко, по-цицероновски воскликнул: «Правительство идет, правительство возвращается!» Ректор стремился идти в ногу со временем.

Имя его было уже известно в верхах благодаря его знаменитой

²⁵ Там же. С. 197.

вернопопданической «Записке», отправленной в министерство просвещения. В ней он разрабатывал пути борьбы с малообеспеченным студенчеством как рассадником революционных заразных идей. Затем началась его конкретная деятельность: в университете были закрыты студенческие научные общества, читальня, усилены полицейские меры досмотра и шпионажа. С его легкой руки многие студенты, определенные как неблагонадежные, были исключены из университета. Попутно новый ректор решил приструнить и либеральную профессуру.

На первом заседании Ученого совета при торжественном вступлении в должность Владиславлев разразился такой угрожающей тирадой против либерального поведения профессуры, что обескураженные и оскорбленные ученые были вынуждены выразить протест.

Чрезвычайно возмущенные таким боевым ректорским штурмом университетской автономии студенты в ответ непрерывно протестовали, устраивали сходки, писали петиции, выдвигали требования даже с некоторыми оттенками политического характера против существующего строя. Но, отметим, в сущности выступления охватывали небольшую часть молодежи, студенчество «скопом» не протестовало.

События 1899 года грянули уже в период нового ректорства — В.И.Сергеевича, известного юриста, историка русского права. Талантливый ученый был серьезно напуган непослушным юношеством. Он не нашел ничего лучшего, как продолжать реакционный курс своего печально известного предшественника. Лавируя, он в то же время лицемерно любезно был обходителен с молодежью, за что и получил прозвище «Лиса».

Есть в Петербурге дом огромный,
Орел и крест на доме том,
Там светлым днем и ночью темной
Лисица бегает кругом.
Идет наверх — читает право,
А вниз — полицию зовет,
И там и тут — хвостом лукаво
Вертит и назад и наперед.
В темнице там наука тужит,
Тюрьмою храм науки служит...²⁶

²⁶ Стихотворение публикуется впервые.

Такое стихотворение под названием «В Стране чудес» широко ходило по рукам среди студентов уже после 8 февраля 1899 года, оно ярко характеризует отношение молодежи как к положению храма науки, так и к его циничному «хозяину».

Как повелось, из года в год, 8 февраля, в годовщину основания университета происходили многочисленные торжественные юбилейные собрания профессоров и студентов. После молебна и общеуниверситетского акта по факультетам и курсам устраивались шумные вечеринки студентов, банкеты с бесконечными речами, тостами, спорами.

Накануне — 8 февраля 1899 года — ректор, опасаясь студенческих беспорядков, вывесил печально знаменитое письменное воззвание к студентам.

Возможно, что ректорское обращение показалось молодежи особенно циничным потому, что в грубой форме с угрозами перечислялись детально различные суровые меры наказания «нарушителей порядка»: штрафы, исключения, тюремные заключения и высылка из города.

В ответ по всему университету распространились листки с «Боголепной песней»²⁷, распечатанные на гектографе:

СПб. 8 февраля 1899 г.

Боголепная песня о том,
как студенты горе мыкали

Пожелал ректор Василий
Без особенных усилий
Получить звезду на грудь,
Но избрал неверный путь:
Накануне основанья
Издав акт о воздержаньи.
Он законы твердо знал —
Много их понаписал.
Рассказал он в объявленьи
Как кому какой удел
За какое преступленье —
Словом, все предусмотрел.

.....

²⁷ Н.П.Боголепов — с 1899 года министр народного просвещения

Затаивший месть, злодейский
Новоконнополицейский
Тотчас вызвал он отряд,
Застоялся тот и рад,
Что расправить может крылья,
И что есть над кем насилие
По приказу совершить.

Бестактное обращение ректора, явно унижающее человеческое достоинство, а молодежь воспринимала чрезвычайно обостренно поприение своих прав, вызвало взрыв возмущения у большинства студентов и послужило сигналом к выступлениям.

В свою очередь министр внутренних дел, срочно осведомленный о зреющем бунте, отдал приказ петербургскому градоначальнику подготовиться к «предотвращению студенческих беспорядков» на улицах столицы.

Градоначальник генерал Клейгельс пунктуально разработал свой план действий на 8 февраля, в район университета в этот день было предписано отправить наряды конной и пешей полиции, вооруженной пагайками.

Взвинченные студенты также стали готовиться, за день до юбилея на лестничной площадке главного подъезда университета состоялась многолюдная сходка, на ней единогласно было принято решение демонстративно выразить протест массовым уходом из актового зала в момент появления на трибуне реакционера-ректора.

В то время оскорбление, нанесенное молодежи ректором, остро переживали студенты различных социальных слоев, в ватаге возмущенных были и Борис Савинков — будущий лидер эсеров, и студент Георгий Носарь, в будущем видный меньшевик, прославившийся под псевдонимом Хрусталеv, и молодой граф Петр Шереметьев — сын обер-егермейстера, друга Александра III, Павел Шеголев — будущий историк и литературовед и другие.

Студенты являлись своего рода невольными депутатами от всех слоев общества. Действительно, в общей ненависти к академическому гнету объединились молодые люди, вышедшие как из «низов», так и из «верхов» общества.

Настал час торжественного акта, с любопытством и напряжением ожидаемый в столице. В мертвой тишине на кафедру поднялся взволнованный В.И.Сергеевич, и тут же зал взорвался пронзительными свистками, криками: «Долой!», «Уходи!» Бледный как смерть, растерянный, тщетно пытающийся сказать хоть одно слово ректор под дружный свист и топот ног был вынужден позорно покинуть кафедру.

Вошедшие в азарт, опьяненные своей солидарностью, с пением «Марсельезы» и «Gaudeamus» молодые люди дружно покинули стены университета и вышли на улицы. Здесь их уже с нетерпением ожидала полиция. Побоище произошло у Румянцевского сквера, где студенты были зверски избиты нагайками, были раненые.

Студенты в своем нелегальном творчестве тотчас увековечили генерала Клейгелса, давшего команду избить молодежь. Тем самым, иронически утверждали студенты, он «прославил» свое имя и воздвиг себе памятник:

На Невском выше он фонарного столба.
Я долго не сгнию! Вокруг меня поставят
Двух дворников с лопатой и метлой, —
Городовых и дворников заставят
Стеречь усердно и в мороз и зной. —
И долго буду я полиции любезен,
Что чувства добрые я плетью поощрял,
Столичному порядку был полезен
И ревностно студентов усмирал.²⁸

12 февраля в университете началась всеобщая забастовка. Прием борьбы «забастовка» был новым невиданным явлением в истории студенческого движения.

Студенты с сожалением расставались с идеей, что они сотворят революцию в стенах *alma mater*, т.е. в закрытых стенах университета. Неудивительно, что главного своего врага они видели пока еще в своем ненавистном ректоре. В гектографированной прокламации «На 8 февраля», подписанной «Группой независимых студентов», говорилось, что, так как ректор предал идею свободного университета:

²⁸ Стихотворение публикуется впервые.

Пришлось ему за это туго,
Студенты угостили «друга»
«Законника-отца» за то, что
Совість гражданина
Он променял на прелесть чина и
Званье поддльца...

На следующий день после зверского избиения студентов весь Петербург, а вскоре и вся страна заговорили об этом событии. Общественно настроенная профессура Санкт-Петербургского университета отрядила депутацию к самому Николаю II; возглавляли ее академик Н.Н.Бекетов и профессор А.С.Фаминцын. Царь принял их благосклонно и заверил, что разберется в ситуации: кто виноват — студенты или полиция? Министр внутренних дел Горемыкин и министр народного просвещения Боголепов «весьма одобряли действия полиции». По поводу этих событий Николай II был вынужден высказать свою высочайшую точку зрения.

Царь заявил, что насилие со стороны полиции было спровоцировано студентами и что ему якобы ничего не известно об «особом совещании» накануне 8 февраля под председательством петербургского градоначальника.

Самодержавие, уже не уверенное в прочности своих позиций, уловило в нарождающемся студенческом протесте еще одну угрозу для пошатнувшегося трона. И, веря только в силу штыка и нагайки, царское правительство решило «по старинке» проучить непокорную студенческую молодежь. «Стегали студентов нагайками и раньше, но они молчали», — констатировал рост бунтарских настроений молодежи в эти дни чиновник Петербургского охранного отделения.

На этот раз молодежь молчать не пожелала. В ответ на расправу с петербургскими товарищами студенты, избрав пролетарскую форму борьбы, начали свою первую в истории России забастовку.

Всероссийская студенческая забастовка 1899 года охватила все высшие учебные заведения империи. В борьбу включились 25 тысяч студентов.

Занятия в университетах прекратились. Реакционные профессора отказывались от чтения лекций под давлением «химической обструк-

ции», т.е. были изгнаны студентами из аудиторий при помощи пахучих химических веществ.

Прогрессивно настроенная профессура встала на сторону молодежи, поддержав ее требование свободы собраний. Одним из них был профессор Н.И.Кареев, за это он поплатился профессорской должностью в университете и на Высших женских курсах. Сам он в статье «Мое изгнание из профессоров Петербургского университета в 1899 году» писал, что за свое активное участие в «обструкционном» студенческом движении рисовался в глазах министра просвещения Боголепова как «бунтовщик».

Университеты России утратили свой казарменный вид, в них закипела революционная студенческая масса. Начались аресты студентов-зачинщиков.

Весь мир заговорил об исключительной революционной активности российского студенчества. И только официальная печать России успокаивала обывателя: дескать, каждый образованный русский в молодости обязательно «отрицает», волнуется; это болезнь роста русского интеллигента, болезнь хлопотливая, но проходящая и потому не особо опасная.

Действия студентов были согласованными, но до определенного момента. Молодые люди требовали свободы личности, подвергнутой, как выразились петербургские студенты в манифесте 1899 года, поруганию казачьей плетью. Но, отстаивая некие абстрактные права, студенты всем ходом событий подводились к необходимости решить вопрос — как можно эту свободу осуществить в условиях самодержавия?

Выбор небывалой для студенчества формы протеста — забастовки — свидетельствовал о том, что молодая интеллигенция брала пример с пролетариата, который так ярко заявил о себе знаменитой стачкой 30 тысяч петербургских ткачей в 1896 году.

Политическая эволюция студенчества шла сложным путем, но всегда в тесной взаимосвязи с общественной жизнью России. Как уже отмечалось, до 1870-х годов «политика» среди массы студентов не пользовалась особым почетом. Студенческая молодежь, даже ее передовая часть, недоверчиво относилась ко всяким попыткам слияния академических вопросов с общеполитическими проблемами. Стремле-

ние передовой части студенчества встать на путь борьбы поднимало вопрос и об отношении к этому движению социал-демократов.

Забастовка 1899 года поставила перед студенчеством вопрос — вынести свой протест из узких коридоров университетов на улицу, чтобы заручиться поддержкой общества, или ограничиться стенами университетов?

Рабочие столицы живо интересовались всеми перипетиями студенческого движения. Многие из них самостоятельно пытались понять его смысл, найти с ним точки соприкосновения. Так было и во время забастовки. Рабочие Балтийского завода передали в университет записку, в которой выражали упрек в том, что студенты не выпускают печатного листка с объяснением целей движения. «Мы, — говорилось в записке, — очень интересуемся, из-за чего вы бунтуете, а понять не можем»²⁹.

А между тем, царское правительство уже угадывало в студенчестве серьезного политического противника. Тем более, что студенчество поддерживала интеллигенция и все оппозиционные круги общественности.

«Не станет ли университет очагом политического брожения?» — этот вопрос прямо ставился в записке попечителя Киевского учебного округа министру народного просвещения, датированной июнем 1899 года. В ней сообщалось, что в последних волнениях студентов университета св. Владимира ярко обозначились цели и стремления чисто политического характера.

Те же предположения — в запросе самого министра просвещения директору Бестужевских курсов: «Нет ли в беспорядках политической окраски и связи с каким-либо политическим движением?» Опасения оправдались. Из арестованных участников забастовки 1899 года многие были привлечены к дознанию как политические.

Напуганное силой протеста нового политического противника, правительство начало маневрировать. С одной стороны, оно предприняло аресты участников забастовки, с другой — решено было создать хотя бы видимость желания расследовать причины беспорядков.

²⁹ Иорданский Н.И. Миссия П.С.Ванновского // Былое. 1907. № 9/21. С. 102.

С этой целью была создана комиссия под председательством генерала Ванновского. Студенты бойкотировали комиссию по расследованию и мужественно боролись до конца учебного года, требуя освободить из тюрьмы организаторов забастовки.

15 мая 1899 года Объединенный организационный комитет по руководству забастовкой в столице выпустил последний гектографированный бюллетень. В нем выражалась оптимистическая уверенность, что в дальнейшем студенчество будет бороться с самодержавием более успешно при условии объединения с рабочими и демократическими слоями общества.

Попутно отметим, что на опыте забастовки 1899 года передовая часть молодежи сама стала понимать бессмысленность мечтаний о создании единой общественно активной массы студенчества. В гектографированном листке Киевского союзного совета от 11 мая 1899 года по этому поводу сообщалось: «Студенческая жизнь особенно за последние годы свидетельствовала нам, что процесс дифференциации, происходящий в нашем обществе, не остался без влияния и на студенчество... Наше русское студенчество раскалывается на отдельные группы...»³⁰.

Каковы же перспективы студенческого движения в России? Какова должна быть политическая ориентация студенческой молодежи? Как должна быть организована борьба студенчества? Эти проблемы волновали молодежь.

В апреле 1899 года, когда студенческая забастовка резко пошла на спад, Исполнительный комитет объединенных землячеств и организаций Московского университета предпринял попытку собрать общестуденческий съезд. Он должен был дать ответы на вопросы, рожденные забастовкой. Первое заседание съезда состоялось 20 апреля, а 21 апреля 10 делегатов, представлявших студенчество Москвы, Петербурга, Киева, Риги, Варшавы, Юрьева, Харькова, были арестованы, многие из них были осуждены и отправлены в ссылку. Через год, 15 июня 1900 года, был вновь собран общестуденческий съезд в Одессе. Его программа — «организовать все русское студенчество для выражения всякого рода про-

³⁰ Олесич Н.Я. В.И. Ленин и революционное студенчество России. М., 1982. С. 47.

тестов по поводу явлений академической, общественной и политической жизни». 17 июня все студенты-делегаты были арестованы.

Таким образом, 1899 год стал переломным для революционного студенчества России. Передовая молодежь отошла от академических форм борьбы и вплотную подошла к политическим, что повлекло за собой последующее усиление политической дифференциации студенчества.

Само же студенчество в своей массе, окруженное сочувствием общества, стало все острее ощущать себя «квинтэссенцией» русской интеллигенции, «ферментом разложения существующего абсолютно бюрократического уклада»³¹.

Как уже отмечалось, выступления студенчества будоражили общество и вызывали симпатии и отклики во всех слоях населения. Студенчество привлекало внимание и рабочих, а главное — лидеров социалистических кружков. Господствовавший в то время «экзономизм», отвергавший политическую борьбу, сказывался и на общественной жизни студенчества. «Касса взаимопомощи» Петербургского университета усиленно настраивала студенчество на организацию пропаганды и агитации в рабочей среде и оказание материальной помощи социал-демократическим рабочим кружкам.

По-новому, иначе, на студенческое движение смотрела ленинская «Искра». Углубимся в историю и обратимся к Ленину, к его взаимоотношениям со студенчеством. Это мало исследованная страница истории. Политические действия Ленина в отношении значимости оппозиционных выступлений студенчества проницательны, решительны и в то же время достаточно эгоистичны и циничны, безусловно, с позиций интересов его партии. Как показали биографы Ленина, он достаточно глубоко знал специфику студенческой среды.

Судьба определила Ленину быть сыном добросовестного деятеля русской школьной системы, исповедовавшего смутный политический радикализм, родиться в тех местах русской периферии, где формировалась разночинная радикальная интеллигенция.

Известие об аресте и казни брата Александра потрясло всю семью Ульяновых и Владимира в частности. Быть может, вся последующая жизнь Ленина строилась на стремлении отомстить за любимого брата?

³¹ См.: Вехи. М., 1990. С. 105.

Даже самые добросовестные исследователи жизни Ленина дают спорные ответы.

Поступив в Казанский университет, Владимир Ульянов пробыл там недолго. В 1887 году в числе 40 студентов за участие в сходке был арестован и выслан, недалеко, в деревню в 40 верстах от Казани. В течение нескольких лет Ульянов и его мать подавали прошения министру народного просвещения Делянову с просьбой разрешить сдать экстерном полный университетский курс права. В конце концов просьба была удовлетворена.

В конце марта 1891 года Ульянов приехал в Петербург и переступил порог Императорского Санкт-Петербургского университета. 27 ноября 1891 года экзаменационная комиссия по праву выдала ему диплом I степени.

В Петербурге В.Ульянов постоянно общался со студенчеством. Снимал комнату неподалеку от университета на Тучковой набережной, здесь жили многие студенты-универсанты. Его часто можно было видеть в библиотеке университета или в залах Публичной библиотеки, в студенческом общежитии, где он навещал сестру Ольгу, слушательницу Высших (Бестужевских) женских курсов.

Вращаясь в то время в гуще студенчества, пристально изучая его, Ульянов чутко улавливал в нем биение пульса революционной энергии, видел в среде радикальной молодежи своих будущих соратников по борьбе.

В конце сентября — начале октября он познакомился со студентом первого курса юридического факультета Петербургского университета М.А.Сильвиным, который посвятил его в дела петербургских марксистов. По его же рекомендации Ленин вступил в наиболее авторитетную марксистскую группу студентов-технологов, за опыт революционной борьбы уже называемых «стариками». Членами группы были С.И.Радченко, Г.М.Кржижановский, Г.Б.Красин, А.А.Ванеев, В.В.Старков, П.К.Запорожец, А.Л.Малченко, Я.П.Пономарев, сестры З.П. и С.П.Невзоровы, А.А.Якубова, Н.К.Крупская.

Ранее всех будущих политических лидеров Ленин увидел в студентах своеобразных «агентов в среде интеллигенции», которые в будущем помогут русской социал-демократии выявить и использовать наиболее оппозиционно настроенные элементы образованных классов.

Кроме того, именно они, по мнению Ленина, должны составить тот мобильный резерв, который можно широко использовать для печатания и распространения подпольной литературы, организации конспиративных квартир, сбора денег, партийной связи и выполнения поручений.

Подчиняя все интересам идеологии партии, Ленин справедливо видел в студенчестве «самую отзывчивую часть интеллигенции», которую можно использовать и попытаться ей продиктовать политическое поведение.

Во многих своих работах он утверждает и всячески пытается донести до вожаков молодежи и навязать свою идею, что само по себе студенчество не является самостоятельной политической силой³².

Политическая значимость студенческих протестов, по его мнению, определяется шириной и крепостью союза студенчества с рабочим классом. Да, протесты молодежи — это «симптом» глубоко кризисного состояния общества, выступления молодежи — «предвестники» крупных классовых выступлений. Но сама борьба студенчества «скопом» обречена!.. Необходима политическая дифференциация, и чем скорее она произойдет, тем более надежные союзники будут извлечены из массы студенчества. Чтобы добиться этого, необходимо беспрерывно и яростно нападать на политических врагов марксизма. Они ренегаты, предатели, прислужники! Ленин, находясь в студенческой среде, агрессивно третирует противника, перед ним — враг революции.

Одно из первых столкновений Ленина с П.Струве произошло 1894 году в районе Лесного института, куда, якобы на вечеринку, собрались студенты. В центре внимания на этом собрании был П.Струве. Он поучал и «просвещал» молодежь, жадно внимавшую каждому его слову, восхвалял капитализм и призывал пойти к нему на выучку. После похвальных речей и громких аплодисментов в адрес оратора слово взял В.Ленин и резко и беспощадно, как врага, разоблачил Струве. «Несколько картавя, приземистый молодой человек с огромным лбом и светящимися умом глазами говорил, что речи Струве являются в высокой степени вредными для дела революции, что он защищает интересы буржуазии, а не рабочего класса». Эта речь В.Ленина произвела глубокое впечатление. «Мы начали понимать, что надо отличать настоящий марксизм от лжемарксизма, что под именем марксистов могут укрываться и враги революции»³³, — вспоминала одна из участниц этой дуэли.

³² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 343; Т. 12. С. 24.

³³ Лепешинская О. Встречи с Ильичом. М., 1971. С. 5.

Определенную роль в повороте к марксизму студенчества сыграл петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», созданный Лениным в 1895 году. Деятельность «Союза» положила начало и вербовке студенчества в ряды марксистской партии.

Студенты социал-демократы приняли активное участие в работе «Союза борьбы». Кандидатами для пополнения центральной организации были избраны студенты Б.И.Гольдман (Горев), В.К.Сережников, курсистка И.Г.Смидович. Заведующим техникой стал студент-технолог Я.П.Пономарев. К этому времени он уже имел небольшую группу помощников и был известен как опытный специалист в издании нелегальных листов. Студент университета С.А.Гофман стал хранителем архива «Союза борьбы» и в 1895–1896 годах скрывал его в «укромном месте»: на квартире священника Зимнего дворца³⁴.

В большинстве студенческих организаций столицы, как правило, работали представители-агенты «Союза борьбы». Сборщик средств для Красного Креста в университете студент юридического факультета М.Могилянский возглавлял и коллегию сборщиков всех высших учебных заведений Петербурга. Ежемесячно коллегия собирала 2–2,5 тысячи рублей, которые шли в фонд помощи политзаключенным³⁵.

Солидную финансовую поддержку «Союзу борьбы» оказывали студенты-марксисты, регулярно проводившие на студенческих балах сборы денег в пользу нуждающихся студентов. Как и предполагалось, значительная часть этих пожертвований шла «Союзу». Благодаря изобретательности и инициативности молодых сборщиков, умело использовавших традиции благотворительности, удавалось за вечер собирать до 600–700 рублей в кассу «Союза борьбы»³⁶.

Для массового распространения листовок на фабриках привлекались студенты из сочувствующей «периферии». Активные члены организации А.А.Якубова и сестры Невзоровы для раздачи листовок на фабрике Лаферма организовали целый «штаб» курсисток. Студенческие комнаты служили надежными явками для революционеров.

³⁴ См.: Сильвин М.А. Ленин в период зарождения партии: Воспоминания. Л., 1958. С. 129–130.

³⁵ См.: Калинин А., Мандель С. Ленин и Петербургский университет. Л., 1969. С. 95.

³⁶ См.: Сильвин М.А. Указ. соч. С. 133.

6 декабря 1895 года на традиционном студенческом балу в белоколонном зале Дворянского собрания присутствовали почти все члены основной группы «Союза борьбы», желая отдохнуть, повеселиться и «отвести душу»³⁷. Это была их последняя встреча: в ночь на 9 декабря многие из них были арестованы полицией.

Всего по делу «Союза борьбы» с декабря 1895 по январь 1896 года было привлечено к суду 88 человек, из них 53 — рабочих. Все арестованные были молоды. Три четверти членов организации — в возрасте от 18 до 25 лет, остальные — не старше 40. Студенты-марксисты составляли 17%³⁸.

Ленин не надеется на медленное изменение общества, подчиняя все политике, он противопоставляет, сталкивает классы, втягивая их в революцию. Рабочий класс — класс-избранник, но нужны союзники. Вот он временный союзник — студенчество! Оно так будоражит общество, накаляет все классовые антагонизмы. Поэтому ленинская «Искра» так решительно бросается в бой за студенчество. В деятельности газеты все сводилось к идеологии, именно поэтому на страницах «Искры» увидели свет многие ленинские статьи, в которых обобщались факты антиправительственных выступлений молодежи, теоретически, с позиций ленинизма обосновывались закономерности развития студенческого движения.

В борьбе за студенчество Ленин, чья политическая эффективность не знает себе равных, точно улавливал момент и в феврале 1901 г. напечатал статью в «Искре»: «Отдача в солдаты 183-х студентов». Статья была откликом на выступления студентов Киевского университета в ноябре 1900–январе 1901 года, которые были наказаны за это солдатчиной.

Налицо эффективность бешеной энергии Ленина в его борьбе за союзника. Студенчество жаждало гласности, оно хотело, чтобы общество не только сочувствовало, но и оказывало помощь ему. Именно поэтому призыв «Искры» поддержать борьбу студенчества, земства и

³⁷ См.: Горев Б.И. Из партийного прошлого: Воспоминания. 1895–1905. Л., 1924. С. 17.

³⁸ См.: Куценков Д.Г. Петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса» в кривом зеркале буржуазной историографии // Критика буржуазных концепций истории и политики КПСС. Л., 1974. С. 157, 158.

«прочего элемента» против самодержавия принес газете огромную популярность в демократических кругах, привлек в лагерь искровцев молодую интеллигенцию. Но стремление газеты поднять «общедемократическое знамя» встретило яростное сопротивление в рядах социал-демократии со стороны так называемых «экономистов». Они объявили, что-де «Искра» — предательница, так как она — газета интеллигенции, и повели кампанию за изолирование рабочего класса от революционной интеллигенции. Из-за этого обвинения «Искра» стали еще более привлекательными для радикального студенчества.

Возвратимся к киевским событиям. На первый взгляд, бунт, разгоревшийся в учебных заведениях России, традиционно начался с чисто студенческой истории. 30 октября 1900 года в Киевском университете св. Владимира студенты-юристы отказались слушать лекцию профессора Эйхельмана, который заменил уехавшего князя Трубецкого, обычно читавшего курс по энциклопедии и истории философии права.

Профессор был не готов к лекции, к тому же плохо владел русским языком и, как стало известно студентам, заменил на кафедре своего коллегу из чисто материальных соображений. Шумом и свистом сопровождали студенты лекцию, оскорблявшую их достоинство. Невежественный профессор был изгнан из аудитории. Молодежь заявила, что впредь отказывается слушать подобные лекции. Учебное начальство упорствовало, защищая «энциклопедически» образованного ученого, студенты настаивали на своих требованиях. В конце концов из столицы последовала телеграмма от министра просвещения Боголепова, отменившая курс лекций Эйхельмана. Однако студенческие волнения не прекратились.

Последовало продолжение: 13 и 15 октября киевские студенты собирались на сходки по поводу позорного поступка двух студентов-аристократов, изнасиловавших девушку (как гласил слух). На сходке 15 ноября 1900 года молодежь требовала исключения «белоподкладочников» из университета и довольно скромно и безобидно обсуждала возникшие в связи с этим проблемы. Возможно ли в будущем оградить студенчество от таких гнусностей, которые позволяют себе «белоподкладочники»? Должны ли сами студенты судить их или это функции инспекции?

Киевский союзный совет объединенных землячеств и организаций выпустил к сходкам листок, призывавший к борьбе как к «един-

ственному средству для поднятия нравственного и умственного уровня студенчества». Но с кем бороться? На этот вопрос листок давал несколько расплывчатый ответ: «...со всеми темными силами, мешающими правильному и свободному изучению истинной, а не официальной науки, ограничивающей студенческую мысль»³⁹. Листок заканчивался призывом к единению студенчества.

Учебное начальство перепугалось. На помощь была вызвана полиция. Арестовано 300 участников сходки, а главные виновники ее посажены в карцер. Оскорбленные студенты собрались вновь, но уже на более многочисленные и более бурные собрания. Они выдвинули ряд требований, которые, однако, опять были очень умеренными. «Студенты требуют — вы думаете, может быть, конституции? Нет, они требуют, чтобы не применяли наказание карцером и приняли обратно уволенных»⁴⁰.

На эти скромные требования власти ответили осадой университета. В действие были введены две сотни верховых казаков, две роты вооруженных солдат, городовые и жандармы под командованием генерала Новицкого.

Расправа в Киеве была произведена быстро. В университете срочно собралось «особое совещание» под председательством генерала Новицкого. На судилище приглашены военный и гражданский прокуроры. Жандармы разрешили студенческую проблему просто: пятерых отдать под суд, 183-х — в солдаты.

Удар был жестокий. Правительство пугалось любой искры, способной зажечь пожар народного гнева. Такую искру самодержавие угадывало в растущем студенческом движении. И поэтому считало, что «расправа нужна примерная; отдать в солдаты сотни студентов!».

Введение в жизнь «Временных правил» — это пощечина русскому обществу. Само мероприятие рассматривало действия студентов как политические. Вся система обоснования «Временных правил» представляла собой переплетение противоречий. Каким же юридически должен был быть состав преступлений, «наказуемых» в России военной службой? Ведь военная служба изображалась почетным долгом

³⁹ Олесич Н.Я. В.И. Ленин и революционное студенчество России. С. 77.

⁴⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 329.

молодых людей! Наказание студентов солдатчиной противоречило государственным законам о воинской повинности.

«Воспитанники высших учебных заведений за учинение скопом беспорядков в учебных заведениях или вне оных, за возбуждение к таким беспорядкам, за упорное, по уговору, уклонение от учебных занятий и за подстрекательство к таковому уклонению подлежат удалению из учебных заведений и зачислению в войска для отбывания воинской повинности», несмотря на льготы по семейному положению или по состоянию здоровья⁴¹, — гласила статья первая «Временных правил».

Суд над студентами без права защиты и обжалования со стороны обвиняемых превращался фактически в суд III Отделения. Он давал царским чиновникам неограниченные возможности по-своему толковать меру «преступления» студентов.

«Государь император», желая, как он оповестил, избавить от окончательной гибели российское студенчество, поспешил заверить общество, что он не «придавал» «Временным правилам» характер карательной меры. Но при этом царь отдал специальное распоряжение о порядке отбывания воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений. Он надеялся, что служба в рядах «верноподданной и доблестной армии» принесет крамольным студентам «несомненную пользу» при условии, если офицеры не будут «...делать каких-нибудь послаблений, а, напротив, должны быть в требованиях службы строгими и настойчивыми». Главное, настаивал император, чтобы студенты, пользуясь своим развитием, образованием и вольным умом, «не могли оказывать вредного влияния на солдат и офицеров»⁴². Итак, в устрашении студенчества царь рассчитывал на казарму.

Военная казарма в России была сплошь да рядом хуже всякой тюрьмы; нигде так не давили и не угнетали личности, как в казарме; нигде не процветали в такой степени истязания, побои, надругательство над человеком.

Часть студенчества была запутана «азиатским» наказанием. «Право, темнее времени не помню, душно стало», — сообщал один из ее корреспондентов, студент, в апреле 1901 года. «Настроение такое удрученное, так запутаны

⁴¹ Рабочее дело. 1899. № 4–5. С. 53.

⁴² Там же. 1900. № 6. С. 62.

все, что теперь что хочешь делай, все пройдет без возражений безнаказанно»⁴³, — вторил ему другой.

Однако студенчество не сдалось. Репрессивные меры не утихомирили его, а, напротив, послужили тем толчком, который в дальнейшем вынес студенческую борьбу на политическую почву. В корреспонденции Союзного совета объединенных землячеств и организаций, отправленной в «Искру», выражалась уверенность в перспективах будущей борьбы студенческой молодежи: «...много уже есть у нас протестующих элементов, нужно только объединиться, нам принадлежит будущее»⁴⁴.

Нужно ли удивляться, что отказ государства от сотрудничества с молодой интеллигенцией и явное стремление студенчества вступить в единоборство с полицейской системой сразу же привлекло внимание Ленина. Вокруг партии располагаются друзья и враги, студенчество — временный друг, которого можно контролировать партий.

Ленин статьей «Отдача в солдаты 183-х студентов» всячески поощрял интерес газеты «Искра» к бурной жизни высших учебных заведений. Безусловно в этом заключалось первенство и превосходство Ленина перед лидерами других политических течений. В статье мы не заметим интеллектуальной благожелательности к молодежи, но обнаружим настойчивое принуждение ее к политике.

Несмотря на обилие материалов, Ленин продолжал требовать корреспонденций с подробной информацией о студенческих событиях. «Не слышали ли чего о киевских историях? Говорят, там убито 18 человек. Пожалуйста, сообщите, что знаете»⁴⁵, — писал он одному из своих адресатов в феврале 1901 года.

Получив 6 февраля известие о протесте русской колонии в Лондоне против расправы над киевскими студентами, Ленин просит прислать ему письменное изложение этого протеста, с тем, чтобы его содержание «сличить с статьей об этом в № 2 “Искры”»⁴⁶.

⁴³ Искра. 1901. № 3.

⁴⁴ Олесич Н.Я. Указ. соч. С. 59.

⁴⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 83.

⁴⁶ Там же. Т. 46. С. 87.

Эпицентром массовых студенческих волнений оставался Петербург. Несмотря на возрастающий интерес к выступлениям молодежи со стороны социал-демократии и первые попытки возглавить их, движение столичного студенчества, тем не менее, оказалось локализованным. Забастовка 1901 года завершилась поражением. Царское правительство жестоко расправилось с молодежью. Начались массовые процессы над студентами, их приговаривали к солдатчине, ссылке и выселению из университетских городов.

Под впечатлением отправки первых студентов-бунтовщиков в солдаты студенты университета дружно распевали в аудиториях по текстам, подсунутым им в карманы в 25 января 1901 года:

О, не плачь, невеста, по студенту,
Твой жених, увы, в солдаты взят,
Он теперь за ослушанье власти
Брошен как преступник в каземат!
О, не плачь, товарищ уцелевший,
Что расстался с другом дорогим,
Завтра сам ты будешь взят в солдаты
И расстрелян гнусно... вместе с ним.

Угодить в солдаты было несложно, для этого не надо было быть ни бунтовщиком, ни заводилой, а просто автором гектографированного стихотворения, нелегально передаваемого из рук в руки в университете.

Сухие архивные материалы рассказывают о трагической истории, которая произошла с одним из таких юных поэтов петербургского университета Проскуряковым. Стихотворение он написал во время обструкции и распространял 1 февраля 1901 года в IX аудитории:

Товарищи! Мужайтесь духом!
Пусть тучи черные кругом,
В борьбу неравную пойдем!
И так, собравшись снова с духом,
Мы вспомним позапрошлый год, —
И выйдем смело друг за другом,
Вперед, товарищи, — вперед!

Оптимистический настрой стихотворения, к сожалению, не соответствовал внутреннему неустойчивому душевному состоянию молодого человека; получив известие о своей готовящейся солдатской судьбе, он покончил жизнь

самоубийством вместе с курсисткой, вероятно, невестой. Вот наглядный пример, какой силы удар был нанесен студенчеству солдатчиной.

Таким образом, поражение студенчества ускорило его «прозрение» и усилило его социально-политическую дифференциацию. Это сказалось, прежде всего, на политической ориентации различных студенческих групп.

На рост симпатий к студенчеству со стороны рабочих указывал в письме к К.П.Пятницкому М.Горький. Он сообщал, что киевские события встречены «интеллигентной публикой — холодно, обсуждаются осторожно, нерешительно. Но в среде трудящихся людей они вызвали живой интерес и внимание. Факт — новый, указывающий на некоторое, очень важное, изменение в настроении. Раньше, еще недавно, эта публика не интересовалась ничем, кроме взаимоотношений капитала и труда»⁴⁷.

Манифестация у Казанского собора 19 февраля 1901 г. показала, что молодежь, которая к этому времени на собственном опыте убедилась, что чисто студенческая забастовка заранее обречена на поражение, пыталась на этот раз вынести свой протест на улицу, заручившись поддержкой народа. Однако представители «экономического» крыла «Союза борьбы» с самого начала всячески препятствовали проведению этой демонстрации, игнорируя значимость студенческих протестов.

В результате долгих споров и разногласий вместо предполагаемых 2 тысяч студентов-участников манифестации к Казанскому собору 19 февраля собралось всего 200–300 человек. Зато «посторонней публики», в основном рабочих, было около 5–6 тысяч. Полиция, заранее предупрежденная о готовящейся демонстрации, учинила жестокое избиение толпы, главным образом студентов и курсисток.

Союзный Совет объединенных землячеств и студенческих организаций и Организационный комитет университета выпустили 1 марта прокламацию с пометкой «Ко всем!». Они призывали все слои общества явиться 4 марта на повторную демонстрацию.

Руководители социал-демократической группы опять отказались поддержать демонстрацию, ссылаясь на то, что демонстрация-де студенческая, лозунги ее чужды рабочей массе.

⁴⁷ Горький М. Собр. соч. Т. 28. М., 1954. С. 151.

Рабочие не были извещены, но слухи о демонстрации распространились по городу. И в последний момент рабочие стихийно решили присоединиться к студентам. Однако власти успели оцепить войсками пролетарские районы. Нарвская застава и Шлиссельбургский тракт были фактически отрезаны от города. Произошла схватка, в результате которой многие рабочие были ранены. Те же из них, которые сумели прорваться к Казанскому собору, вели себя героически. Они разобрали деревянную лестницу собора и сражались этими кусками дерева. Студенты также держались стойко.

М. Горький, участвовавший в этой демонстрации, писал А. П. Чехову: «Я веки не забуду этой битвы!.. А студентики — милые люди, славные люди! Лучшие люди в эти дни, ибо бесстрашно идут, дабы победить или погибнуть»⁴⁸.

Количество собравшихся на площади, по разным сведениям, — от 3 до 15 тысяч. Полиция расправилась с демонстрантами, как с бунтарями. Избивали всех, даже случайных прохожих и зевак. «Искра» на основании корреспонденций называла число убитых — 6–8 человек, арестованных — примерно 1050 человек⁴⁹. Решением правительственного «особого совещания» студенты-руководители демонстрации были высланы в Сибирь.

«Четвертое марта, наверное, долго будут помнить не одни петербуржцы, но и все русское общество»⁵⁰, — отмечала газета. Она приветствовала поддержку рабочими студенческого протеста, но при этом отмечала ее стихийный характер. «Демонстрация представила бы из себя не простое избиение народа, а сражение с народом, — подчеркивала газета, — если бы социалистические и социал-демократические группы и кружки обратились с специальной прокламацией к рабочим, организовали рассылку делегатов к ним и сообщение вестей с поля сражения, организовали местные демонстрации по окраинам, частью для отвлечения полиции, частью для того, чтобы не оставлять в бездействии тех, кто никак не мог попасть на Казанскую площадь»⁵¹.

⁴⁸ Там же. С. 159.

⁴⁹ См.: Искра. 1901. № 3.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

Студенты Петербургского университета своим фольклором немедленно отреагировали на мартовские события. За подписью «Издание студентов университета Петербурга» было распространено гектографированное стихотворение «Лес рубят»:

Лес рубят... молодой еще зеленый лес;
А сосны старые, задумавшись угрюмо,
И полные неразрешимой думой,
Печально глядят в немую даль небес.
Лес рубят... от того ль, что рано он шумел,
Что молодой листвою он слишком сильно пел
Про солнце ясное, про счастье и свободу?..
Лес рубят... но земля укроет семена.
Пройдут года, мощной жизни силой
Поднимется борцов зеленая стена
И зашумит она над братскою могилой.

Общественный резонанс огромный, жертвы многочисленны, а каковы требования молодежи? Требования, выдвигаемые студентами, были непоследовательны и политически расплывчаты. Они ограничивались в основном призывом бороться против «Временных правил».

Архивы сохранили для нас свидетельства того, что в знак солидарности с русскими студентами во многих европейских университетах прошли многотысячные митинги, сходки и демонстрации. Характерно, что в них участвовали также рабочие и передовая интеллигенция.

26 марта 1901 года участники митинга в Брюсселе отправились к русскому посольству, чтобы выразить протест против деспотизма самодержавия. На полуторатысячном митинге в Париже 27 марта прозвучали слова страстного обличения царизма. «Студенты Парижского университета, — говорилось в обращении к русским студентам, принятом на митинге, — без различия политических убеждений считают своим долгом выразить вам свое глубокое негодование, вызванное беспримерным судом, которому вас подвергли, и жестокими репрессиями, которыми ответили на ваш протест»⁵².

Царское правительство, напуганное размахом студенческого движения, поддержкой его обществом, а также прогрессивной обществен-

⁵² Олесич Н.Я. Указ. соч. С. 70.

ностью всего мира, решило временно изменить направление университетской политики и взять «новый курс» в отношении непокорной молодежи.

В марте 1901 года был опубликован и шумно разрекламирован прессой рескрипт Николая II на имя нового министра просвещения генерала Ванновского. В нем прозрачно намекалось на возможность реформ в высшей школе, высокопарно провозглашалась новая «эра сердечного попечения» студенчества. Самодержавие поняло, что февральско-мартовские студенческие волнения были только прелюдией. Правительство вынуждено было сделать вид, что берется за «улучшение» положения рабочих, так же как и за дело «умиротворения» студентов.

Подобно тому как «сближению» правительства с рабочими содействовал «обер-шпион» Зубатов, таким же путем студенчество пытался умиротворить «сверху» царский генерал Ванновский. Старый служака в роли министра народного просвещения из всех сил создавал видимость политики некоторого послабления студенческим организациям, сохраняя при этом прежний полицейский режим в стенах учебных заведений. Другими словами, он хотел бы примирить «сердечное попечение» и нагайку.

Волна истории еще раз вынесла старого генерала на поверхность студенческого движения в роли успокоителя-фельдфебеля, который, «когда-то находивший как нельзя более естественной мысль об “успокоении” студентов посредством шагистики, произведен во все-российские “Вольтеры” с обязательством начать новую эру в истории нашего просвещения, отдав молодежи свое сердце нежное, как ласка»⁵³, — иронизировал Г.В.Плеханов в статье «Что же дальше?», написанной в декабре 1901 года.

Казалось бы, то обстоятельство, что на особо важную должность (в связи с бунтами молодежи) призван был старый, ограниченный генерал из тех, которых называли «бурбонами», должно было бы очень сильно поколебать веру в царскую «заботливость», однако часть студентов была введена в заблуждение обещаниями царя и Ванновского и решила ждать обещанных реформ.

⁵³ Плеханов Г.В. Собр. соч. Т. 12. М., 1925. С. 147.

Начало деятельности генерала-«умиротворителя» показало, что ни о каком «сердечном попечении» не может быть и речи. От «министерства реформ» ожидали решения о предоставлении женщинам возможности обучаться в высших учебных заведениях, но мнение правительства по этому вопросу весьма своеобразно выразил князь Мещерский, постоянно выбалтывавший тайны высшего правления в России⁵⁴. На страницах реакционной газеты «Гражданин», в статье «Речи консерватора», князь с откровенным цинизмом заявил: «Разве от того, что мы напихаем в университет баб, Россия делается европейской?»⁵⁵.

Студенты ехидно передразнивали князя: «...где розги бывые, где доблестный кнут? Где доброе старое время? Бывало к наукам идет дворянин. Других же туда не пускают. А ныне мужик, разночинец и сын кухарки туда же шагают. Но этого мало... теперь говорят, чтоб женщин к студентам пускали...»

28 октября 1901 г. стихотворение было зачитано на сходке в университете и принята резолюция. В ней не только разоблачалась общественно-политическая позиция князя, кстати, его ругали правые и левые, но и осуждена сама его грязная личность, было подчеркнута даже его «голубизна».

Первые мероприятия министра Ванновского, бесстыдная травля студенчества реакционной прессой сорвали маску с правительства и послужили сигналом к возобновлению студенческих выступлений.

После ряда новых расправ над студентами правительство «сердечного попечения» опубликовало 30 декабря 1901 года в целях «умиротворения» «Временные правила организации студенческих учреждений». Правительство «даровало» студентам право на сходку, однако не общую, а только факультетскую, причем с рядом ограничений. Отныне собрания студентов могли проходить только под наблюдением администрации, а та, в свою очередь, находилась под строгим контролем полиции. Но вместо ожидаемого «спокойствия» правительство получило новую картину разгорающегося пожара «беспорядков».

Политика чередования «зверских расправ и иудиных поцелуев» сделала свое дело: революционно настроенные студенты принимали решение усилить политическую борьбу против самодержавия.

⁵⁴ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 20.

⁵⁵ Гражданин. 1901. 11 октября.

Студенты-радикалы вообще отвергали всякую способность правительства разрешить университетский вопрос.

Молодежь уже не верила в министерство генерала Ванновского. Да и само правительство постепенно прекращало игру в отеческое попечение.

В феврале 1902 года Ванновский обратился к царю с просьбой провести совещание министров в связи с усилением беспорядков в учебных заведениях. Царь в свою очередь потребовал от министерства просвещения откровенных и решительных действий: «...настаиваю самым энергичным образом, чтобы меры были приняты крутые, действительные и, безусловно, однообразные»⁵⁶, — заявил он.

Вновь начавшиеся репрессии, аресты, высылки, избиения студентов во время демонстраций способствовали дифференциации молодежи. В Союзе землячества, Кассе взаимопомощи, Союзном совете и в других общестуденческих организациях развернулась острая политическая борьба за влияние на массы. Она привела к ликвидации организаций, не имевших ясной социально-политической программы. В учебных заведениях образовались партийные группы социал-демократов, социалистов-революционеров и других политических течений.

В Петербургском университете в конце 1902 года оформилась сильная социал-демократическая группа. В нее вошли Л.А.Плюснин, А.Я.Мухин, Е.А.Энгель, М.К.Дорохов, Н.Н.Кузьминский, А.Н.Славянов, Н.В.Дорошенко. Группа имела определенную партийную направленность и примкнула к революционному крылу РСДРП, возглавлявшемуся тогда «Искрой»⁵⁷.

В бурном течении идеологической студенческой жизни стала проявляться тенденция к организации борьбы молодежи в масштабах империи.

Весной 1902 года состоялся Всероссийский студенческий съезд. В его работе участвовало 40 делегатов от большинства учебных заведений России. Съезд показал, что движение передового студенчества окончательно вышло за рамки академической борьбы. В принятом манифесте подчеркивалось, что студенческое движение есть движение политическое, основной его формой признавалась демонстрация, «как

⁵⁶ Олесич Н.Я. Указ. соч. С. 77.

⁵⁷ См.: Калинин А., Мандель С. Указ. соч. С. 112.

наиболее действенное средство обратить внимание общества на ненормальное положение дела»⁵⁸. На съезде специально обсуждался вопрос о тактике студенческого движения, о совместных демонстрациях студентов и рабочих.

Съезд высказался за развертывание широкой пропаганды социалистических идей среди учащейся молодежи и предложил налаживать контакты с местными организациями РСДРП.

В ответ к весне 1903 года только в Петербурге высшие учебные заведения насчитывали 24 студенческих социал-демократических организаций искровского направления.

СТУДЕНТ С БОМБОЙ

Существовал еще один бурный идеологический поток, в его кровавый водоворот стремительно втягивались души юных, одержимых жаждой разрушительной общественной деятельности, — кровавый революционный террор. О нем возвестил выстрел студента Дмитрия Каракозова, весной 1866 года, покушавшегося на жизнь Александра II.

В России неожиданно быстро начала разворачиваться новая форма общественной борьбы — антиправительственный террор — наиболее крайнее проявление политического радикализма.

24 января 1878 года молодая Вера Засулич стреляла в градоначальника Петербурга Ф.Ф.Трепова и ранила его. Она мстила, как заявила она, за студента Богомолова, которого засекли розгами в тюрьме.

Это покушение вызвало огромную симпатию в обществе и подтолкнуло юных героев на совершение искупительных подвигов.

2 апреля 1902 года у подъезда Мариинского дворца, где помещался кабинет министров Российской империи, остановилась богатая карета. Прибывший офицер повелительно сообщил швейцару, что у него пакет к министру внутренних дел Сипягину.

Через несколько минут парадную тишину вестибюля дворца разорвало несколько выстрелов. Так был убит царский министр, грозивший потопить Петербург в крови бунтующего студенчества. Стрелявшим был двадцатилетний студент Степан Балмашев. Он привел в исполнение смертный приговор Боевой организации эсеров.

⁵⁸ Искра. 1902. № 18.

3 мая 1902 года Степан Балмашев, отказавшись от помилования, был повешен по решению военно-полевого суда в Шлиссельбургской крепости.

За год до покушения Степана Балмашева прогремел на всю Россию еще один выстрел. Бывший студент Московского университета Петр Карпович 24 марта 1901 года смертельно ранил министра народного просвещения Боголепова. Карпович мстил за своих товарищей-студентов, отданных в солдаты за участие в сходках. Бурю восторга и поклонения вызвал поступок Карповича в студенческой среде. Это учили эсеры. Не получив какой-либо прочной поддержки у трудящихся, они обратили внимание на еще не искушенную в политике студенческую массу.

Отметим любопытства ради, что Боголепов, в бытность своего ректорства в Московском университете, получил письмо от студентов с обещанием «скорой пощечины», и одним из авторов его был студент В. Чернов, будущий лидер партии террористов — эсеров.

Сергей Балмашев и Петр Карпович стали для студентов романтическими героями. В стихотворении «Памяти Балмашева», распространенном в Петербургском университете, восклицалось:

Под шум борьбы, под стон страданий,
Спокойно спи, наш друг, наш брат,
Мы за тобой без колебаний
Пойдем смелее во сто крат,
Рассеем тьму, спасем отчизну
И справим над твоей могилой тризну!

Зато министру Боголепову от студентов в их нелегальном творчестве досталось, его-то они не пожалели:

Дед был попом, отец квартальным,
А сам министром идеальным
Два года Русь он просвещал,
Студентов по Руси гонял
И вот за подвиги такие
Перед лицом всея России
Он громко в шею получил
И тихо в бозе опочил⁵⁹.

⁵⁹ Стихотворение публикуется впервые.

Какая жаркая схватка между крайностями: насилие и убийство.

Кому сочувствовать: власти, она уничтожала цвет науки, или молодежи, которая среди бела дня и множества непричастно пострадавших, невинных совершала убийство, несущее смерть не только приговоренным?

Среди молодых людей, гипнотизируемых террором, было много благородных, честных, достойных, готовых отдать свою жизнь. Их можно уважать за неприятие социального зла и за самоотверженную борьбу с ним. Но при знакомстве ближе с этими молодыми людьми напрашивается желание сравнить их с Дон Кихотом: он впечатлителен и жалок, он достоин сочувствия и неприязни, он обречен.

Были и личности с увязленной душой, ранимой психикой, были и просто психически больные люди, и, наконец, рядом с ними всякого рода авантюристы и проходимцы. Истолковывая взрыв террористической деятельности в начале XX века, либеральный политик Петр Струве, обобщая образ «нового революционера», определил его как некий симбиоз радикала и уголовного.

«Нужны выстрелы! Нужна громкая пальба по всей линии, иначе снова заостенееет общество!.. Нужны герои, самоотверженные апостолы свободы, крови, мщенья», — проповедовали эсеры, обращаясь к молодым. И начали рваться бомбы, греметь выстрелы. Один дерзкий террористический акт сменялся другим, не менее авантюристическим. Началась охота на императора, его августейших родственников, на верноподданнейших министров, генералов, сановников.

Исследователи истории партии эсеров утверждают, что единственной общей чертой всех террористических движений была молодость их членов. Призывы к конкретному действию, к бомбе, не вызывали энтузиазма у людей среднего возраста и пожилых, к тому же отчаянные террористические нападения требуют, кроме романтики, быстроты реакции и ловкости.

На ролях «апостолов» в разыгрываемых эсерами кровавых спектаклях были заняты почти всегда молодые исполнители — студенты.

Сохранился один из вариантов студенческой «Дубинушки», свидетельствующий о стремлении некоторой части молодежи играть роль героев, которые будят народ и поднимают на борьбу:

неоднократно пытались теоретически обосновать авангардную роль молодой интеллигенции в русской революции.

Они утверждали, что если смотреть на действительность не сквозь очки «экономической теории» (эсеры намекали на политическую, как им казалось, близорукость социал-демократов), то партия революции окажется отрядом организованной передовой интеллигенции, тесно сблизившейся или даже слившейся с передовыми представителями народа. Причем под этим «сближением» и «слиянием» подразумевалось: «темный народ» поплетется за социалистической интеллигенцией, которая работает, борется за этот народ⁶¹.

Как вся интеллигенция, так и часть ее — студенчество — представлялась эсерам в виде некой однородной массы. Поэтому общие «идеальные» мотивы борьбы с насилием, свойственные молодежи, «близкие ей и дорогие», были, по их утверждению, неклассового происхождения. Именно эти «идеальные» мотивы якобы побуждали молодую интеллигенцию выполнять ее героическую миссию, которая, по мнению эсеров, могла быть успешной лишь в случае идейного объединения всего студенчества.

Эсеровские теоретики представляли общеполитическую борьбу студенчества на базе самой широкой организации всей интеллигентной демократической молодежи, сплоченной вокруг некоего общестуденческого революционного дела, за которое могут бороться все демократически настроенные студенты. Что же касалось партии эсеров, то лидеры ее откровенно заявляли, что они будут добиваться утверждения своего влияния на молодежь, но не «навязыванием определенного партийного ярлыка».

Как бы иллюстрируя эту мысль, «бабушка русской революции» Брешко-Брешковская настойчиво утверждала, что молодежь, объединенная на основе некоего весьма неопределенного, но все же социалистического идеала, способна внести «в бесформенную» народную массу организованность, решимость, определенность борьбы против царизма.

В 1902–1903 годах развернулась острая борьба эсеровских и социал-демократических студенческих групп в Петербургском университете, она привела к тому, что в результате появились группы, не примк-

⁶¹ См.: Вестник русской революции. 1902. № 2. С. 219.

нувшие ни к одной из партий. Они искренне считали себя революционерами, когда писали в своей листовке: «Партийные раздоры и дух нетерпимости иногда мешают пропаганде среди молодежи, желающей самостоятельно разобраться в вопросах жизни и революционной деятельности. Как группа мы не примыкаем всецело ни к социал-демократам, ни к социалистам-революционерам. Мы охотно будем распространять и переиздавать произведения обеих партий (кроме ругательно-полемиических) и поддерживать их всеми средствами». Весной 1903 года в университете тайно стала распространяться газета «Студент».

Ожесточенная теоретическая дискуссия разгорелась между сторонниками «Искры» и эсерами в связи с изданием газеты⁶².

Первый номер газеты был полностью выдержан в эсеровском духе. «Революционная Россия» оценила его появление как «крупное в общем ходе студенческого, а следовательно, и общереволюционного движения событие». О преобладании эсеровских настроений говорит и тот факт, что номер почти целиком был посвящен памяти студента-террориста С.В.Балмашева. Редакционная статья выражала от имени всей русской молодежи признательность студенту, который якобы указал молодежи путь истинной борьбы. В статье содержалось заявление (вполне отвечавшее программной установке эсеров), что главная задача газеты — идейное и организационное единение всего российского студенчества. Эту задачу реакция бралась выполнить, хотя была вынуждена с сожалением признать, что в среде студенчества происходит процесс глубокой политической дифференциации.

Находя этот процесс опасным и вредным для развития молодежного движения, редакция полагала, что в дальнейшем студенчество сможет найти не только пути преодоления дифференциации, но и возможные формы, на основе которых будет осуществляться идейное и организационное объединение студенчества⁶³. Газета «Студент» должна была стать орудием его осуществления.

⁶² Вышло всего два номера газеты. Первый номер напечатан в России, конфискован в типографии, но в апреле 1903 года издан вторично в Женеве; следующий номер (№ 2–3) был напечатан в Цюрихе в сентябре того же года.

⁶³ По мнению редакции «Революционной России», именно это заявление свидетельствовало о том, что газета на «единственно верном пути» (Революционная Россия. 1903. № 1. С. 18).

Осенью 1903 года Ленин написал статью «Задачи революционной молодежи. Письмо первое», которая была напечатана в № 2–3 газеты «Студент»⁶⁴. В это же время Ленин предусмотрительно организует помощь в издании этой газеты, изыскивает деньги на печатание. Проявляется удивительная способность Ленина манипулировать людьми во имя интересов партии.

Направляя свой главный удар против тезиса эсеров о необходимости идейного объединения студенчества, Ленин утверждал, что не существует студенчества «вообще». По его мнению, студенчество, действительно являясь самой отзывчивой частью интеллигенции, имеет в себе те же политические группировки, которые есть в обществе. Он делит студенческую молодежь на шесть политических групп: реакционеры, равнодушные, академисты, либералы, социалисты-революционеры и социал-демократы⁶⁵. Ленин спешит — он мечтает о быстром изменении строя, ему срочно необходимы соратники из числа студенческой молодежи.

В противовес утверждениям эсеров Ленин настойчиво, маниакально подчеркивал прогрессивное значение классовой (и политической) дифференциации студенчества, полагая, что этот процесс «не мешает, а помогает политической утилизации (развитию, росту)» создания студенческой молодежи⁶⁶.

В ноябре 1903 года в Одессе собрался общестуденческий съезд. По инициативе редакции газеты «Студент» и Одесского союзного совета студенческих организаций на этот съезд прибыли представители из 19 учебных заведений из шести университетских городов России и члены редакции. Примечательно, что Одесский комитет РСДРП приветствовал открытие студенческого съезда. Было заслушано сообщение о работе II съезда партии, после чего большинством голосов принято постановление: Съезд выражает свое приветствие РСДРП, в лице ее ЦК.

Студенческий съезд, дав объективную оценку современному студенческому движению, констатировал факт резкой дифференциации студенчества, разделение прогрессивной молодежи на партийную и

⁶⁴ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 341–356. В.И. Ленин намеревался написать несколько писем о задачах революционной молодежи.

⁶⁵ Там же. С. 344.

⁶⁶ Там же. С. 437–438.

непартийную. Партийное студенчество распределялось между двумя партиями — социал-демократической и социал-революционной. Важно подчеркнуть, что в докладе съезда дифференциация молодежи была поставлена в зависимость от уровня партийной работы в массах студенчества.

Наиболее резкое политическое расслоение студенчества прослеживалось в высших учебных заведениях Петербурга, где образование студенческих социал-демократических групп произошло раньше, чем в других городах.

Учтем, что раздираемые идейными страстями студенты социал-демократы, эсеры и кадеты создавали левый блок в борьбе с реакционным, монархистским студенчеством. Подобное объединение с кадетами советской историографией замалчивалось.

Сами кадеты стремились влиться в единый левый блок. Партия (также известная под названием «Партия народной свободы»), имевшая в своих рядах огромное количество одаренных людей, в том числе и массу либеральной профессуры, не разъясняла публично свою позицию по отношению к терроризму и отказывалась провозгласить моральное осуждение политическим убийцам.

Мало того, известный историк, лидер партии кадетов Милюков сделал заявление, что Иван Каляев, убивший великого князя, был принесен в жертву на благо революции.

Радикальному студенчеству также импонировало, что кадеты оказывали материальную помощь эсеровским организациям, в том числе и студенческим. Кадеты активно помогали добывать средства для боевых операций. В кадетском клубе в Петербурге представители различных экстремистских организаций использовали традиционный русский метод сбора денег: они пускали по кругу шапку, в которой лежали бумажки с описанием того, как будут использоваться пожертвованные деньги. Князь Д.И.Бебутов, один из основателей клуба и видный член кадетской партии, признавал, что он вовсе не был шокирован надписью «для боевой организации», найденной в шляпе; наоборот, это ему особенно понравилось. Однако, опасаясь за безопасность революционеров, присутствовавших в клубе, Бебутов предложил, чтобы они, во избежание лишнего риска и для большей выгоды, поручили ему лично собирать для них деньги раз в неделю. Радикалы с благодарностью приняли его предложение.

В 1904 году под непосредственным руководством РСДРП работала «Объединенная социал-демократическая организация студентов Санкт-Петербурга». В нее вошли 14 социал-демократических групп высших учебных заведений, в том числе и университетская, что составило около 100 человек, по инициативе организации было объединено в кружки еще более 500 студентов.

От молодого человека, вступавшего в организацию, требовалось сознательное принятие социал-демократической программы. Вступление в нее приравнивалось к вступлению в социал-демократическую партию. Каждый член организации был обязан подчиняться строгой партийной дисциплине, не только вести социал-демократическую пропаганду среди своих товарищей-студентов, но и активно работать в Петербургской партийной организации.

Вопросы работы «Объединенной организации» обсуждались на заседаниях Петербургского комитета РСДРП. Непосредственная связь с ней осуществлялась через члена ЦК Е.Д. Стасову.

Русско-японская война вызвала патриотические чувства у молодежи. П.Б.Струве 11 февраля 1904 года выпустил специальное обращение, призывавшее студентов встать в ряды участников «патриотических» манифестаций.

«Патриотические» влечения испытала некоторая часть студентов. Верность монархии они продемонстрировали своими шествиями к Зимнему дворцу, молебнами во здравие царской семьи, многочисленными сходками в стенах высших учебных заведений. С жесткой иронией об этих манифестантах-«патриотах» писали студенты Казанского университета: сами околоточные и полицейские «разинули рты» от удивления: ведь «бегут с ними (полицейскими. — Н.О.) чуть не под руку студенты, бегут и выкрикивают слова российского гимна»⁶⁷.

Единения студенчества с правительством не получилось. Одна из листовок Петербургского университета: «...мы протестуем против жалких рабов, дерзнувших петь полицейский гимн на Казанской пло-

⁶⁷ Корбут М.К. Казанский государственный университет имени В.И.Ульянова (Ленина) за 125 лет. Т. 2. Казань, 1930. С. 207.

щади, на которой пролетариат с революционной интеллигенцией столько раз выступали на борьбу за политическую свободу»⁶⁸.

Царское правительство многочисленными жестокими репрессиями подтверждало свою ненависть к студенчеству. Вся Россия узнала о зверском избиении студентов в Москве на Ярославском вокзале 15 октября 1904 года. Молодые люди пришли туда, чтобы проводить своих товарищей в армию и выразить протест против позорной войны. На беззащитную молодежь набросились по приказанию властей носильщики и пьяные запасные солдаты и бесчеловечно избили ее.

«Не победами России, а ее поражением мы должны восторгаться... — говорилось в одной из студенческих университетских прокламаций. — Оно поможет проснуться обществу, заставит задуматься над причинами неудачи и сбросить, наконец, вековое иго самодержавия»⁶⁹.

Под лозунгами прекращения войны и создания Учредительного собрания в авангарде российского студенчества шла петербургская молодежь. Сходки, состоявшиеся по инициативе «Объединенной социал-демократической организации студентов Санкт-Петербурга», выражали стремление радикальной молодежи столицы поддержать эти тактические призывы. 28 ноября к 12 часам на Невском проспекте собрались сотни студентов, курсисток, рабочих было мало. Петербургский комитет (меньшевистского состава) не поддержал демонстрацию. Студенты несли два красных флага с лозунгами: «Долой войну!», «Долой самодержавие!»⁷⁰ С пением «Марсельезы» демонстранты двинулись к Казанскому собору. Едва послышались первые звуки революционной песни, из ворот городской думы появился отряд конных городовых и жандармов с нагайками и шашками наголо. Началось избиение молодежи. «Демонстрации, собственно, не было, — писал В.Воровский, — была какая-то дикая бойня...»⁷¹

⁶⁸ Энгель Е. 1905 г. и студенческое движение в Петербурге // Красная летопись. 1925. № 2 (13). С. 99.

⁶⁹ См.: Шатилова Т.И. Отклики японской войны в высшей школе // Русское прошлое: Исторический сборник. М., 1923. С. 154.

⁷⁰ А.М. Эссен в письме В.И. Ленину сообщал о 150–200 организованных рабочих, участвовавших в демонстрации. (См.: Бондаревская Т.П. Петербургский комитет РСДРП в революции 1905–1907 гг. С. 40.)

⁷¹ Вперед. 1905. № 1. 4 янв. (22 дек.)

Печать отмечала, что «с особым варварством преследовали учащуюся молодежь обоего пола. Еще штатскому можно было иногда уйти, но за студентом, за курсисткой гнались городовые и дворники, пока не настигали и не избивали»⁷². За участие в демонстрации 28 ноября 1904 года было арестовано 118 человек, из них 74 студента.

Ни зверская расправа, ни аресты и обыски не остановили студенчество. Вечером и ночью того же дня в высших учебных заведениях не прекращались собрания. В Технологическом институте состоялся ежегодный традиционный бал. Трагические события превратили его в бурное политическое собрание студентов всех учебных заведений столицы: пришли около 6000 учащихся и 300 рабочих. Танцев не было, произносили речи, пели революционные песни.

В большой физической аудитории института была проведена сходка студентов социал-демократов и сочувствующих. Обсуждалось предательское решение Петербургского комитета об отмене демонстрации.

На сходке было принято единодушное решение — отказать Петербургскому комитету в ежегодной субсидии и не передавать ему имеющиеся у студентов 2500 руб.

Резолюция была зачитана в актовом зале института, куда участники сходки торжественно вошли с красными знаменами под пение «Марсельезы». На царский портрет был брошен красный флаг с лозунгом «Долой самодержавие!».

1905 ГОД. МАГИЯ ТОРЖЕСТВА РЕВОЛЮЦИИ, ЧЕРНАЯ МАГИЯ ПОРАЖЕНИЯ

1905 год. Река разлившихся революционных настроений подхватила массы студенчества.

Студентка, очевидица кровавых событий 9 января 1905 года, сообщала в редакцию газеты «Вперед»: «Я знаю, что убиты три горняка, один политехник, лесгафтики и другие... Все учебные заведения дали дань...»⁷³.

⁷² Там же.

⁷³ См.: Олесич Н.Я. Указ. соч. С. 121.

Рано утром 9 января, в воскресенье, сотни студентов и курсисток вышли на улицы столицы. Учебные академические занятия давно уже стали для российских студентов только антрактами в революционной схватке с царизмом, а ведь, по словам К.А.Тимирязева, даже само слово «политика» для студента было запрещенным⁷⁴.

На этот раз студенты не претендовали на самостоятельное выступление: не было отдельных студенческих групп, студенческих лозунгов. Студенты и курсистки отправлялись в рабочие районы города, чтобы быть вместе с трудящимися, попытаться разъяснить им необходимость борьбы с самодержавием⁷⁵. Значительная часть молодых революционеров, идущая за большевистской социал-демократией, не питала иллюзий относительно либерализма самодержавия. Ей было известно о провале «маленькой петиции», которую 8 января пыталась вручить министру Святополку-Мирскому депутация либеральной интеллигенции столицы — в ее составе были и профессора, в том числе профессор Н.И.Кареев и почетный академик К.К.Арсеньев — с просьбой предотвратить готовящуюся кровавую расправу. Министр дал понять, что власть сама знает, что нужно делать, и не нуждается в советах. Вскоре профессор и академик были арестованы и отправлены в Петропавловскую крепость. Этот случай в дальнейшем значительно поднял их политический авторитет.

План военной операции был разработан заранее. В центральные и окраинные кварталы города были введены 40 тысяч солдат и жандармов, в том числе два батальона Преображенского полка. В 12 часов дня на булыжную мостовую у Нарвских ворот упали первые жертвы. В два часа дня «верные» преображенцы и семеновцы открыли огонь по женщинам, старикам и детям, несущим хоругви, иконы, портреты царя. Раненых добивали у самого порога Зимнего дворца.

Дикая расправа была учинена царскими войсками и в районе университета на Васильевском острове.

⁷⁴ См.: Тимирязев К.А. Наука и демократия. М., 1963. С. 43.

⁷⁵ Тишкин Г.А. Студентки университета и слушательницы Бестужевских курсов в 1905–1907 гг. // Петербургский университет и революционное движение в России. Л., 1979. С. 81–82.

Из скудных телеграфных сообщений, газет, корреспонденций можно составить картину неравного боя, развернувшегося 9 января на Васильевском острове, где рабочие, студенты университета, Горного института и бестужевки к часу дня стали возводить баррикады. Рабочие и студенты попытались перейти к активной защите, захватить оружие на оружейной фабрике Шофа.

Защитники Васильевского острова сражались до ночи, вечером баррикады осветились кострами. В кровавых стычках с солдатами многие погибли. Среди убитых — руководитель обороны баррикады на углу Среднего проспекта и 4-й и 5-й линий, неизвестный студент, о гибели которого сообщалось в одной из корреспонденций газеты «Вперед». Отредактировав «Письмо студента из Питера» — очевидца событий 9 января, Ленин поместил это письмо в ближайшем номере газеты. «На Васильевском острове, — заканчивалось письмо, — на четвертой линии, где помещается рабочий клуб, устроили форменную баррикаду из проволок, и казаки никак не могли пробраться на лошадях... Руководителем был переодетый студент, и когда рабочие по дороге встретились с солдатами, то он, обратившись за разрешением к офицеру сказать слово, получил приказ офицера к солдатам: «бей!», и его тут уложили»⁷⁶.

На Выборгской стороне вместе с рабочими сражался студент историко-филологического факультета Петербургского университета, будущий поэт, публицист и изобретатель Александр Вермишев. В своей пьесе «За правдой» молодой человек в поэтической форме горячо звал к борьбе:

Несутся казаки... Нагайки. Блеск стали.
И крики, и стоны. И пули визжат.
Плотнее смыкайтесь! Дни битвы настали!
К свободе! К свободе! Ни шагу назад!⁷⁷

Почему же Владимир Ленин так настойчиво обращается к уличным студенческим баррикадным боям 9 января?

Известно, что Ленин, будучи по происхождению и воспитанию интеллигентом, сам к интеллигенции питал недоверие, а иногда даже

⁷⁶ Вперед. 1905. № 4. 31 (18) янв. С. 8.

⁷⁷ См.: *Сухотин Я.Л.* Песню расстрелять нельзя! Л., 1977.

ненависть, так как он считал, что интеллигенция в партийных рядах способна на предательство. Другое дело — студенчество. 9 января его радикальная часть резко отказалась от сотрудничества с государством, в предшествующие годы вступило в серьезный конфликт. Для государства это был сильный удар, для социал-демократов — серьезный союзник.

В семь часов вечера того же 9 января на студенческой квартире собралось заседание Петербургского комитета РСДРП. Члены комитета вместе со студентами-политехниками составили первую прокламацию, в которой был призыв к активной политической борьбе.

Полиции не удалось тайно похоронить всех погибших в Кровавое воскресенье. Выражением общественного сочувствия стали похороны убитых 9 января.

Похороны жертв 9 января превращались в революционные демонстрации.

Одной из ярких массовых демонстраций в Петербурге, организованных студентами, стали похороны студента II курса Петербургского политехнического института социал-демократа Н.В.Савинкина. Накануне 9 января он, выполняя партийное поручение от ПК, выступал перед рабочими, а 9 января был убит неподалеку от Дворцовой площади. 10 января студенты Петербурга в знак протеста прекратили занятия. Похоронный кортеж к Охтинскому кладбищу протянулся через весь город. Тысячи студентов и рабочих следовали за гробом. Похороны завершились революционным митингом, на котором студент социал-демократ Дернов произнес страстную речь. Его призыв «Долой самодержавие!» подхватила тысячная толпа. Церковная панихида, устроенная студентами по своим погибшим товарищам, также превратилась в революционный митинг.

По инициативе ПК РСДРП «Объединенная социал-демократическая организация студентов Санкт-Петербурга» призвала студенчество включиться в борьбу с самодержавием, объявить всеобщую забастовку и прекратить занятия во всех учебных заведениях империи.

Для руководства забастовкой был создан Коалиционный совет высших учебных заведений столицы. 10 января с утра и до глубокой ночи вокруг университета шумели толпы возбужденного студенчества. Разгоряченные событиями 9 января, трагическими известиями о ране-

ных и убитых, молодые люди бурно обсуждали вопрос о дальнейших путях борьбы с политическим режимом власти. У стен *alma mater* вместе со студентами были и многие преподаватели, им было известно, что приват-доцент Е.В.Тарле был ранен в голову, получил глубокую рану от удара саблей. Из рук в руки передавали прокламации, листовки, стихотворения. Вот отрывок из одного:

Пролита кровь... умолкнула столица,
На время стих народный ураган.
Ликуй в последний раз, проклятая орлица,
Ликуй и трепещи, развенчанный тиран.
Пролита кровь... над павшими борцами
Доныне не умолк детей и женщин плач,
Ты к ним не подходи с фальшивыми словами,
Ты больше нам не царь, убийца — ты палач.

Оканчивалось оно вполне революционно:

Теперь прозрели мы, сулить нам благо поздно!
Мы не просить, а требовать придем...

Профессора также искали пути выхода из кризиса, ими был образован Академический союз, разработан на либеральной основе документ «Записка 343». Предлагался проект нового демократического Устава высших учебных заведений.

Пламя революционного пожара перекинулось на провинциальные учебные заведения. Совместные демонстрации рабочих и студентов прошли во многих городах Российской империи.

Студенческие события января предвещали «революционный» учебный год. Занятия после зимних каникул начинались 15 января. Правительство было явно в растерянности. В столице, где находились две трети всех учебных заведений страны, зрел мощный взрыв студенческого протеста. Царские власти заняли выжидательную позицию и объявили о временном закрытии учебных заведений до 7 февраля. Газеты настойчиво твердили о бунте, мятеже, беспорядках.

Эсеры по-своему — взрывом бомбы — возвестили о своем участии в революции.

4 февраля 1905 года бывший член петербургского «Союза борьбы» студент Иван Каляев в Кремле у Никольских ворот метнул бомбу

в карету великого князя Сергея Александровича. Оглушенный взрывом, схваченный полицией, Каляев крикнул: «Долой проклятого царя, да здравствует свобода, долой проклятое правительство, да здравствует партия социалистов-революционеров!»

Казалось, Ивану Каляеву в жизни везло. Сын околоточного надзирателя, он смог стать студентом Московского и Петербургского университетов. Во время студенческих волнений в 1899 году в Петербургском университете он был арестован и выслан под надзор полиции. По освобождении уехал за границу, где и вступил в Боевую организацию партии социалистов-революционеров.

Иван Каляев, романтик, прозванный товарищами Поэтом, сочинял молитвы в стихах, прославляя Всевышнего, и в то же время был готов пролить кровь во имя революции. Выбор боевой организации пал на великого князя, дядю царя, Сергея Александровича. Его титул и близость к царю несли некий символизм, так как он был первым членом дома Романовых, которому суждено было быть убитым после 1881 года — в год первой революции.

Множество недовольств вызывал московский генерал-губернатор и командующий войсками округа Сергей Александрович. Высшие чиновники отмечали его некомпетентность и самодурство. Из Москвы он сделал свое «отдельное от России великое княжество или даже эмиратство».

Великий князь, прозванный в народе «князем Ходынским», считал Москву своей вотчиной, жестоко подавлял «крамолу», беспощадно душил малейшие ростки свободомыслия, запретил почти все культурно-просветительные общества. Однако закрыть университет было не в его власти.

10 мая 1905 года Каляев был повешен в Шлиссельбургской крепости. Во время суда он подал письмо на имя министра юстиции, в нем он написал, что считает «долгом своей политической совести отказаться от помилования».

Взрыв бомбы 4 февраля 1905 года был встречен с восторгом частью студенчества. Появились почитатели героя. Обаяние личности Каляева, соединившей в себе качества поэта, революционера, мстителя-мученика, могло пагубно сказаться на настроениях демократической молодежи. Обличительная речь Ивана Каляева на суде прозвучала на всю Россию и нашла отклик в тысячах юных сердец. Используя

эти настроения, эсеры стремились толкнуть молодежь на путь террористической борьбы. По данным жандармерии, местными боевыми дружинами в течение 1905 года было совершено более 30 покушений⁷⁸. Считая, что наступило время «введения социализма» в деревне, эсеры призывали крестьян к захвату земель, студентам рекомендовали покинуть города и включиться в организацию уравнительного землепользования.

Сразу же после покушения Каляева Ленин резко выступил против террористической тактики эсеров в статье «О боевом соглашении для восстания». Но это не означает, что Ленин не признавал тайные заговоры и единичные террористические акты. Выход из двусмысленного положения для него прост. Большевистская партия, конспиративная организация, тесно сплоченная «непогрешимым» учением, может без риска, опять-таки для блага этой партии, проводить опасные экстремистские операции, непростительные для других политических организаций.

Цель Ленина, — привлекая студенчество к борьбе с самодержавием, заставить его не действовать более от своего имени. Революционное студенчество должно представлять высшие интересы пролетариата, революции, при этом оно обязано отречься от собственной сути, самостоятельного академического бытия. Только такие силы нужны революции.

Ленин писал: «Надо только шире и смелее, смелее и шире, еще раз шире и еще раз смелее вербовать молодежь, не боясь ее. Время военное. Молодежь решит исход всей борьбы, и студенческая и еще больше рабочая молодежь»⁷⁹. Позднее в статье «Новые задачи и новые силы» Ленин вновь поставил задачу привлечения и использования на партийной работе «свежих» сил, в том числе и передовой учащейся молодежи.

9 января и последующие за ним события произошли во время зимних каникул, когда многие студенты отдыхали у родных в провинции. Весть о трагических событиях ускорила возвращение молодежи в

⁷⁸ См.: Гусев К.В. Партия эсеров от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975. С. 59.

⁷⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 247.

учебные заведения. Близился день начала занятий, перенесенный правительством в целях предосторожности с 15 января на 7 февраля. Студенчество энергично готовилось к этому дню. Намечались общестуденческие сходки.

День 7 февраля запомнился надолго и вошел в историю. В 12 часов в актовом зале Петербургского университета должна была состояться политическая сходка студентов. Программа сходки, ораторы, проекты резолюций были подготовлены еще 4 февраля на собрании социал-демократической группы университета. Утром 7 февраля на набережной Невы около университета царило необычайное волнение. К старинному зданию стекались сотни студентов. Сюда пришли не только универсанты, но и заранее оповещенные студенты многих учебных заведений столицы. Корреспонденты иностранных газет также спешили на столь необычную для России, лишенной свободы слова, публичную политическую сходку учащейся молодежи. На вопрос корреспондентов: «Что будет в России дальше?» — студенты уверенно отвечали: «Революция!»

К 12 часам дня актовый зал университета был набит до отказа, в нем собралось около 5 тысяч человек. Возбужденная до предела молодежь горела желанием публично выразить свою готовность вступить в решительную схватку с самодержавием. Председателем был избран студент-большевик А.Замятин. Первое слово было предоставлено приват-доцентам В.В.Святловскому и В.Н.Сперанскому.

Преподаватели настойчиво призывали молодежь образумиться во имя священной любви к университету, поставить учебу в нем выше политики, вне политики. «Долой забастовку! Да восторжествует священная мудрость науки!»

Затем выступил представитель монархической организации «Денница», он пытался выразить протест против незаконно собранной сходки и выбранного «заранее» председателя. Под одобрительные бурные крики было принято решение об удалении членов «Денницы» со сходки.

В противовес преподавателям разгоряченные молодые ораторы призывали к свержению «строга насилия и бюрократизма». Свое место студенты видели в рядах великой революционной армии. Они поддерживали требование рабочих о созыве Учредительного собрания; единодушно осудили либеральную идею Земского собора, требовали свобо-

ды слова, собраний, стачек, союзов, амнистии всех политических заключенных, права каждой нации на самоопределение.

К 5 часам дня повестка сходки была исчерпана. Наступил момент, когда должно было быть принято окончательное решение о забастовке. В едином порыве студенты проголосовали за проведение забастовки до 1 сентября 1905 года. Бурей одобрительных аплодисментов и негодующим свистом белоподкладочников была встречена резолюция, составленная социал-демократической группой: закрыв университет, мы дадим товарищам «полную возможность направить всю свою энергию на пользу грядущей, неизбежно близящейся революции»⁸⁰.

В конце собрания молодежь под одобрительные крики толпы разорвала в клочья портрет Николая II. Сходка закончилась пением революционных песен.

Совет университета, напуганный откровенно революционным настроением студентов, принял решение не возобновлять занятий в текущем полугодии до тех пор, пока молодежь не обретет «психического равновесия».

Позиция студентов вызвала гнев Николая II. Последовало решение: «уволить» всех участников сходки из университета, а что касалось университетской администрации, то тут «высочайшее неудовольствие» проявилось в ряде строжайших выговоров.

Под влиянием январской стачки, начатой столичным пролетариатом, и по примеру петербургских студентов все учебные заведения России, кроме военных и духовных, прекратили занятия.

Принимая решение о забастовке, студенты четко определили политическую значимость ее в условиях разворачивания революции. Так, в листке № 10, изданном «Объединенной организацией», подчеркивалось отличие студенческой весенней забастовки 1905 года от общестуденческой забастовки 1899 года. «Раньше она (забастовка студентов. — Н.О.) была единственным и самостоятельным движением, теперь она лишь отраженное следствие общенародного революционного движения, сливающееся с ним и существующее в зависимости от не-

⁸⁰ Павлицкая Н.И. Петербургский университет в революции 1905–1907 гг. // Вестник Ленингр.ун-та. 1948. № 11. С. 142.

го»⁸¹. Политическая эволюция студенчества привела молодежь к объективному выводу о неэффективности самостоятельной студенческой забастовки. Поэтому листок и призывал студентов «к участию в разрешении исторической задачи данного момента, к подготовке всенародного восстания, к поддержке всеми силами истинной основы освободительного движения, — рабочего класса»⁸².

6 августа 1905 года были обнародованы манифест и положение о выборах в Государственную думу. Городской пролетариат, учащая молодежь, беднота, батраки, женщины, военнослужащие — словом, подавляющая часть населения России была лишена избирательных прав.

27 августа правительство опубликовало «Временные правила об управлении высшими учебными заведениями». По существу, царь бросил интеллигенции одну мизерную уступочку, крошечную реформу, цель которой, так же, как и цель булыгинской Думы, — ослабить политические противоречия в стране.

«Временные правила» были выработаны министерством народного просвещения в июне 1905 года. Проект был представлен царю, одобрен им, а в конце августа почти единодушно поддержан на заседании кабинета министров. Этими правилами университетам предоставлялась куца автономия, хотя в тексте крамольного слова «автономия» не было. Совету университета и факультетам было дано право выбора ректора и деканов. Однако избранный ректор подлежал утверждению министром народного просвещения. Инициативность, «самостоятельность» советов университетов ограничивалась их правом ходатайствовать перед министром о закрытии учебного заведения в случае студенческих беспорядков. Профессора получили самоуправление, а студенты — право сходов, но с разрешения совета профессоров.

И манифест 6 августа о булыгинской Думе, и «Временные правила» не содержали никаких гарантий выполнения обещаний, данных в них, и были всецело рассчитаны на правое крыло буржуазии и интеллигенции, в союзе с которыми царизм стремился навести «порядок», в частности в университетской жизни.

⁸¹ Деготь В. К вопросу о роли студенчестве в революционном движении // Каторга и ссылка. 1932. № 2 (87). С. 163.

⁸² Вперед. 1905. № 14. 30 марта (12 апр.).

3 сентября в Выборге на 4-м студенческом съезде после длительной дискуссии между большевиками и эсерами по основному вопросу «О тактике студенческой борьбы» была принята большевистская резолюция. В ней звучал решительный призыв к учащейся молодежи сконцентрировать силы в крупных университетских городах, использовать высшие учебные заведения для революционной пропаганды и принять меры к организации боевых студенческих отрядов для будущего вооруженного восстания⁸³.

Осенью, когда революционное движение охватило всю страну, студенты ознаменовали начало учебного года революционными митингами и собраниями. Университетские кафедры превратились в антиправительственные трибуны.

Студенческие сходки становились все более многочисленными и революционными, они проходили, как правило, по заранее намеченному плану, с речами ораторов различных политических партий, с участием рабочих.

На общестуденческой сходке в актовом зале Петербургского университета 13 сентября собралось более 2 тысяч человек. Председателем сходки был избран студент-большевик В.Энгель. Резолюция, принятая петербургскими студентами, также свидетельствовала о популярности большевистских лозунгов.

Молодежь решила прекратить студенческую забастовку, открыть университет для революционных целей, поддержать большевистскую тактику бойкота Думы. За резолюцию проголосовало 1 702 человека, против — 243, воздержалось — 77⁸⁴.

Митинги и собрания в университетах не прекращались. Только с 15 сентября по 15 октября в Петербургском университете состоялось 15 сходов⁸⁵.

Таким образом, родилась новая форма борьбы с самодержавием — использование высших учебных заведений для революционно-пропагандистской деятельности. Решения об открытии учебных заве-

⁸³ См.: Красный архив. 1936. Т. 1 (74). С. 197.

⁸⁴ См.: Пролетарий. 1905. № 20. 10 окт. (27 сент.)

⁸⁵ См.: Калинин А., Мандель С. Ленин и Петербургский университет. С. 134.

дений приняли в сентябре студенты Киева, Одессы, Харькова, Казани, Риги, Юрьева.

Теперь университетские аудитории захватывались всевозможными организациями и партиями, в один и тот же день в стенах Петербургского университета шли одновременно митинги и собрания: железнодорожных служащих, часовщиков, зубных врачей, воспитанников средних учебных заведений и проч., а главное, на студенческие сходки повалили рабочие.

Все эти бурные собрания подхватывали людей, возбужденных революцией, и вовлекали их в водоворот общественных страстей.

Аудитории были наводнены огромной массой различного рода политических изданий, они были сплошь покрыты красной краской — символом социальной революции.

Правительство, даровавшее молодежи «Временными правилами» право на сходки, рассчитывало, что, огражденные стенами высших учебных заведений, эти сходки отвлекут студентов от улицы и будут той отдушиной, в которую попросту выльется их революционная энергия. Но молодежь внесла свой вклад в осуществление свободы слова в России, способствовала созданию той политической ситуации, которая должна была привести и привела к «новой бреші» в виде манифеста 17 октября.

Большевики энергично вовлекали в партию новых членов из рядов союзника пролетариата — передового студенчества. В ноябре 1905 года социал-демократическая группа Петербургского университета насчитывала в своих рядах 104 члена партии. В листовке «Ко всему революционному студенчеству» большевики, обосновывая место и роль студенчества в революционной борьбе, призывали его на этапе демократической революции присоединиться к рабочему классу под лозунгами: «Вооруженное восстание. Временное революционное правительство. Революционная армия»⁸⁶.

В ходе первой русской революции Ленин обратил внимание большевиков на особенность борьбы студентов в условиях назревавшего кризиса. Именно в этот период студенчество могло играть роль застрельщика, катализатора того или иного политического выступления.

⁸⁶ Петербургские большевики в период подъема первой русской революции: 1905–1907 гг. С. 346.

Либеральные профессора были серьезно озабочены превращением «храмов науки» в революционные собрания. Струве обеспокоенно предупреждал: «... делать университет тараном “революции”... есть огромная политическая и тактическая ошибка, плоды которой в виде глубокого разлада между учащими и учащимися уже налицо».

Однако, в то же время, Струве в журнале «Освобождение» в конце января 1905 года призывал всех участников революции к единству действий с «врагом и палачом народа» Николаем II. Он писал: «Сегодня у русского освободительного движения должны быть единое тело и един дух, одна двуетная мысль: возмездие и свобода во что бы то ни стало»⁸⁷.

Подобная эмоциональная позиция способствовала вербовке новых молодых членов партии, более осторожных студентов, но, тем не менее, сочувствующих революции, а главное, мечтающих осчастливить Россию все-таки мирным путем. Отметим, что до 1907 года за кадетизм никто гонениям не подвергался.

Всячески активизировалась деятельность кадетских организаций. Некоторые молодые члены кадетской партии стали говорить о необходимости создать в каждом учебном заведении одну партийную группу из студентов и профессоров, которая проводила бы в жизнь директивы партии. Профессор Петербургского университета, член ЦК кадетской партии Н.И.Кареев решительно отказался от такого предложения. Профессор шутил: в студенческой столовой, в комиссиях должны быть представители всех партий, следовательно, возможна перспектива для профессоров участвовать в составлении меню по принципам эсдеков, эсеров, кадетов⁸⁸.

В Петербурге наиболее располагающей интеллектуальными силами была Василеостровская партийная ячейка кадетов. Она включала в себя 43 студентов, 31 профессора и приват-доцента, 38 служащих, 16 инженеров, 12 преподавателей гимназий, 2 литераторов, 142 рабочих и 1 извозчика и т.д. — всего примерно около 600 человек⁸⁹.

⁸⁷ Русские либералы: кадеты и октябристы (документы, воспоминания, публицистика). М., 1996. С. 82.

⁸⁸ Кареев Н.И. Указ. соч. С. 235.

⁸⁹ См.: Шелахаев В.В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 годов. М., 1983. С. 67.

Студенты университета работали в специальных бюро печати кадетов, распространяли газеты и листовки кадетского направления при обходе квартир и особенно в базарные и праздничные дни. Они были участниками особых агитаторских курсов, перед слушателями которых выступали профессора и видные деятели партии: П.Н.Миллюков, Н.И.Кареев, Ф.И.Родичев, Ф.Ф.Кокошкин, В.М.Гессен и другие.

29 апреля 1906 года в Петербурге был открыт первый политический клуб партии с хорошим дешевым буфетом. В нем устраивались беседы и доклады, которые охотно посещала либерально настроенная молодежь. При клубе работала библиотека-читальня, давались различного рода консультации. Учитывая блестящий состав профессор-лекторов, можно сказать, что подобные клубы были высшей школой либеральных политических наук.

В клубе можно было поучиться хорошим манерам и услышать блестящие образцы ораторского искусства: приятно было послушать элегантного, утонченного В.Д.Набокова, европейски образованного, но не признающего никаких иллюминаций в речи П.Н.Миллюкова, напротив, восхититься зажигательностью Ф.И.Родичева, удивиться широкой образованности, исторической глубине профессора Н.И.Кареева и т.д.

Только с декабря 1905 года по сентябрь 1906 года кадеты выпустили 1 284 200 экземпляров различного рода книг, брошюр и листовок, в том числе и для студенчества⁹⁰. Особенно широко среди молодежи тиражировался специальный раздел программы по вопросам просвещения. В нем кадеты отстаивали автономию университетов, свободу преподавания в высшей школе, свободную организацию студенчества, также кадеты считали необходимым в организации учебных заведений всех типов развивать частную и общественную инициативу.

В период высшего подъема революции кадеты во время переговоров с Витте о возможности создания «конституционного» кабинета намеревались вручить портфель министра народного просвещения видному члену кадетской партии князю Е.Н.Трубецкому, известному ученому, философу, правоведу, глубокому поклоннику религиозного учения В.Соловьева. В результате Трубецкой был вынужден отказаться от министерского поста, но сами переговоры и популярность личности пре-

⁹⁰ Там же. С. 168.

тендента весьма импонировали либеральной молодежи и способствовали поднятию престижа самой «профессорской» партии.

Профессора-кадеты в это время выступали на многочисленных собраниях, пытаясь всячески оторвать радикальную молодежь от социал-демократии, но при этом соблюдали осторожность. Их речи не отличались агрессивностью по отношению к левым партиям, чего нельзя было сказать о социал-демократических ораторах — они буквально травили кадетскую партию.

Вернемся к событиям 1905 года. Либеральные профессора были серьезно озабочены превращением храмов науки в революционные собрания.

Первый выбранный ректор Московского университета, талантливый философ, блестящий профессор, борец за университетскую автономию, князь С.Н.Трубецкой, брат претендента на пост министра народного просвещения, напуганный размахом митингов, обратился к московскому градоначальнику за советом по поводу возможного закрытия университета. Градоначальник ответил, что ему приказано не вмешиваться в университетские дела. Тогда профессора наконец решились воспользоваться своими правами и закрыли университет⁹¹. 21 сентября 1905 года на трехтысячном митинге в университете новый ректор обратился к молодежи с речью. Он призывал студентов одуматься: «Университет не может и не должен быть народной площадью, как народная площадь не может быть университетом». С.Н. Трубецкой был дружно освистан революционно настроенными студентами⁹².

27 сентября совет Московского университета принял резолюцию, с которой С.Н.Трубецкой отправился к министру просвещения. Совет университета выразил в своей резолюции готовность решительно «потушить» революционный пожар в школе, но при условии узаконить свободу собраний и личную неприкосновенность в стране. 29 сентября после совещания у министра просвещения Глазова Трубецкой скончался. Его похороны превратились в грандиозную демонстрацию сторонников либеральных реформ высшей школы. Их было немало. Громадная процессия студентов, в основном сторонников либеральных идей

⁹¹ См.: Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970. С. 129.

⁹² Университет и политика. СПб., 1906. С. 148–149.

покойного, и преподавателей сопровождала гроб от университетской церкви до кладбища.

Обострение политических разногласий между «отцами» — профессурой и «детьми» — студентами достигло осенью 1905 года своего предела и завершилось окончательным идейным разрывом, четко разграничившим политические лагеря радикального студенчества и либеральной профессуры.

Кстати, Ленин тотчас не преминул усилить этот разрыв, язвительно откликнувшись на смерть московского ректора статьей «По поводу смерти Трубецкого»⁹³. В ней он с жестокостью высмеял сцену, разыгравшуюся в передней царского министра, где, как выразился Ленин, Трубецкой получил взбучку за университетские дела.

11 октября в университете состоялось собрание железнодорожников и студентов, после того, как делегация рабочих, предъявившая правительству Вигте ультиматум о созыве Учредительного собрания на основе всеобщего и прямого избирательного права, получила отказ. От министра рабочие направились прямо в университет. Пролетариат воспользовался трибуной, предоставленной ему революционным студенчеством. Выступавшие большевики призвали рабочих к всеобщей стачке и борьбе за демократическую республику.

В тот же день призыв «Долой самодержавие!», прозвучавший с университетской трибуны, был подхвачен рабочими крупнейших петербургских заводов. 14 октября забастовка в Петербурге стала всеобщей.

Трепов, петербургский генерал-губернатор, принявший на себя руководство карательными военными операциями, издал 14 октября приказ «патронов не жалеть, холостых залпов не давать». Одновременно было опубликовано постановление правительства, категорические запрещающее политические собрания в стенах высших учебных заведений. Царь откровенно признавался, что особое раздражение у него вызывали митинги в университете, а «когда на “митингах” (новое модное слово) было открыто решено начать вооруженное восстание и я об этом узнал, — писал он, — тотчас же Трепову были подчинены все войска»⁹⁴.

⁹³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 333.

⁹⁴ Красный архив. 1927. Т. 3 (22). С. 167.

Все учебные заведения были объявлены закрытыми. На их территории разместились войска, пешие и конные патрули несли круглосуточную службу. Вокруг учебных корпусов, вдоль тротуаров были расставлены шпалеры солдат, приведена в боевую готовность артиллерия, жерла пушек направлены на цитадели науки. Но революционное студенчество при поддержке рабочих оказало героическое сопротивление войскам.

Рабочие и студенты сообща воздвигали баррикады в Харькове, Новороссийске, Одессе. Во многих местах развернулись кровопролитные сражения.

Октябрьская стачка 1905 года парализовала силы самодержавия. В стране сложилось равновесие противоборствующих сторон. Выражением этого равновесия стал царский манифест 17 октября, декларирующий основные принципы буржуазной демократии.

Весть о манифесте была восторженно встречена русской буржуазией. На улицах городов царило необычайное оживление. На площадях устраивались импровизированные митинги. Ораторы всячески превозносили новый государственный строй. В ресторанах под возгласы «ура» поднимались тосты за «великий акт истории», в церквях звучали торжественные молебны по случаю дарования конституции. Часть рабочих, интеллигенции и студенчества поддавалась конституционным иллюзиям. Разлившееся общественное умиротворение захватило университет.

18 октября, в день обнародования царского манифеста, десятки тысяч рабочих и студентов Петербурга с красными знаменами вышли на улицы столицы. На Казанской площади состоялся митинг. Председателем его был студент-горняк большевик А. Гапеев. С площади демонстранты двинулись проторенной дорогой к университету, но двери высшего учебного заведения оказались закрытыми полицией. В первый же день провозглашения политических свобод царизм показал свою боязнь студенчества. Собрания были объявлены свободными. Но университеты, создавшие в России впервые свободу собраний на деле, были закрыты, и вход в них охранялся полицией и войском.

Митинг начался у стен университета, под открытым небом. Им руководил студент-большевик В. Энгель. Обращаясь к народу с балкона университета, ораторы разоблачали фальшь манифеста, требовали амнистии политическим заключенным, установления подлинных демо-

кратических свобод. Над зданием университета студенты водрузили красный флаг. В этот день он взвился над многими учебными заведениями столицы.

К вечеру улицы Петербурга обагрились кровью рабочих и студентов. Неделя после провозглашения манифеста стала неделей кровавых черносотенных разбоев. Особо мстили студентам. Правительство специально подстрекало черносотенцев избивать учащихся. «Студентов — бьют, избияниями руководит охранное отделение и полиция»⁹⁵, — писал Горький в письме 24 октября 1905 года. Арестованным, сеченным, расстрелянным можно было быть даже за длинные волосы, ибо такие волосы носили студенты, а также за студенческие тужурки и фуражки. Известен случай, когда студент был расстрелян только за то, что у него нашли при обыске красный платок и листок с текстом революционной песни.

Жертвами черных сотен были не только социал-демократы, такие как Н.Э.Бауман, но и видные кадетские деятели: профессор М.Я.Герценштейн, специалист по аграрному вопросу, и Г.Б.Иоллос, автор знаменитого проекта кадетов о свободе печати, кулачной расправе подвергся и П.Н.Миллюков.

По Петербургскому университету ходили слухи о зверских избияниях интеллигенции. Из рук в руки передавалось язвительное стихотворение студента-юриста за подписью А.П.Г., напечатанное на гектографе, — «Гимн черносотенцев»:

Нам чужд Романов,
Но для карманов
Полезен очень государь.
Но мы готовы
Блюсти «основы»,
Чтоб жить в России, как и встарь.
Нас натравили,
Чтоб мы убили
Крамольных граждан в их домах.
Жидов, студентов,
Интеллигентов,
Мы разнесем всех в пух и прах.

⁹⁵ Горький М. О молодежи. М., 1974. С. 56.

Мы без закона
С согласия трона
Разграбим все — всех победим.
Мы патриоты,
Раз идиоты
Нам платят, сколько мы хотим...

Активизировали свою деятельность среди молодежи и анархисты. П. Кропоткин в начале революции 1905 года как бы отодвинул свою кардинальную идею крестьянской революции и на первый план поставил две силы, играющие, по его мнению, главную роль, — именно городские рабочие и интеллигентная молодежь, утверждал он, должны заключить революционный союз. С этой идеей анархисты ринулись в массу учащейся молодежи. В Петербурге возникло сразу 6 различных групп анархистов. Они предприняли самые энергичные действия к созданию своих организаций в университете. Установить их численный состав невозможно — группы быстро появлялись и молниеносно исчезали. Наиболее модной формой работы были экспроприации — как коллективные, так и индивидуальные. Действия подобных групп ничем не отличались от традиционных приемов грабителей — обычное вымогательство, сопровождаемое угрозой «смертной казни».

В Петербургском университете анархистами было проведено дерзкое ограбление университетской кассы.

Кружок анархистов университета проводил акции экспроприации и у профессуры. Профессор Кареев вспоминал, что однажды домой к нему явился молоденький студентик с письмом. В письме содержалось требование передать кружку анархистов 50 рублей, с угрозой убийства в случае неповиновения. Профессор вынужден был отдать «пожертвование». На другой день он получил благодарность от кружка анархистов на розовом листке бумаги, украшенном эмблемой — череп с двумя сложенными крест-накрест костями⁹⁶.

Студенты Петербургского университета в своем фольклорном творчестве с едкой иронией презрительно заклеили анархистов. За подписью «Озорник» по университету ходила «Плясовая песнь»:

Анархист по убеждению,
А коль нужно демократ

⁹⁶ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 241.

«Пролетарскому» течению
Был я очень-очень рад.
А развязка нам знакома —
Тут начало наших уз;
Мы у Ленина как дома,
Кто расторгнет наш союз.
Эй, тряхни ж ты, Гриша, брюхом,
Ты сродни мне как никак —
Мы с тобой сроднились духом:
Я анарх, — а ты босяк.⁹⁷

9 января и последующие за ним события потрясли Ленина, находящегося в эмиграции, и оказались для него неожиданным сюрпризом. Он жадно наблюдал за всеми перипетиями, пытаясь направлять их, но сам не мог принять в них участие. Ленин стремился в Петербург и считал, что его прибытие сможет придать большевикам новые силы.

Рассматривая революцию 1905 года лишь как репетицию и лабораторию для апробации своих идей, он не мог сбросить со счетов особый городской слой — радикальное студенчество, которое, как детонатор, постоянно дестабилизировало государственный аппарат.

8 октября 1905 года Ленин прибыл в Петербург. Всецело поглощенный партийной работой, он все-таки счел нужным выступить перед широкой молодежной аудиторией. Речи Ленина студенты могли слышать в ноябре 1905 года в Технологическом институте, в марте 1906 года в помещении курсов Лесгафта, в июне в зале Тенишевского училища, в январе 1907 года на студенческой сходке в университете. В течение 1906–1907 годов Ленин неоднократно выступал на собраниях избирателей, в том числе в Университете и в Технологическом институте.

Со второй половины ноября 1905 года он руководил курсами будущих партийных пропагандистов, в том числе и из студентов. Занятия проходили в помещении женских курсов Лесгафта, они привлекли и массу курсисток.

Об итогах работы IV (объединительного) съезда РСДРП Ленин счел нужным выступить перед студентами Петербургского университета в 1906–1907 годах.

⁹⁷ Стихотворение публикуется впервые.

Первая русская революция потерпела поражение. Восторженное настроение молодежи, опьяненной ожиданиями свободы и немедленного падения имперского режима, в годы отступления революции сменилось мрачным состоянием. Теперь интеллигентная молодежь переживала глубочайшую драму.

Расправу со студенчеством царское правительство начало прежде всего с ликвидации автономии высшей школы, завоеванной в ходе революции и используемой для революционных целей.

В апреле 1906 года пост министра просвещения занял Н.М.Кауфман. Взгляды нового министра вполне соответствовали духу времени: «Россия вообще ко всем обещанным свободам не готова, масса населения в них вовсе не нуждается». Министр разрешал пока собрания студентов в стенах учебных заведений, но ходатайство об организации подлежало рассмотрению ректора. Присутствие на собраниях посторонних лиц категорически запрещалось.

Студенты отступали с боями. В сентябре 1906 года в высших учебных заведениях развернулась кампания по выборам в органы студенческого самоуправления. Студенты-большевики приняли в них самое активное участие и во многих учебных заведениях страны продолжали одерживать победы. 30 сентября 1906 года на состоявшейся в Петербургском университете сходке были оглашены результаты выборов в Совет старост, в которых участвовало 2000 человек, т.е. 1/4 наличного состава университетского студенчества. Среди 35 членов этого Совета было 20 социал-демократов, 4 эсера, 5 кадетов, 2 трудовика и т.д.⁹⁸

Правительство решило окончательно сломить молодежь. 13 июня 1907 года Совет министров утвердил правила о студенческих общежитиях, запрещающие проведение в них собраний и обязывающие администрацию представлять в полицию сведения о благонадежности студентов.

Больше всего раздражали царских чиновников органы студенческого представительства. А.Н.Шварц, преемник министра просвещения Н.М.Кауфмана, продолжил наступление на Центральный университетский орган. Поход самого черносотенного министра начался при поддержке премьера Столыпина. Был запрещен прием семинаристов и

⁹⁸ См.: Студенчество. № 3. 1906. 20 нояб.

женщин в университеты, введены, как обязательные для студентов, свидетельства о благонадежности, отданы приказы о недопущении впредь никакого студенческого представительства. Возрождались полицейский надзор и слежка за студентами. В результате от уже урезанной автономии осталось лишь право избрания ректора и проректора. Но министерство активно регулировало замещение должностей, право окончательного утверждения оставалось за министром народного просвещения.

А.Н.Шварц вошел в историю и прославился еще и тем, что он был первым министром народного просвещения, взошедшим на трибуну Государственной думы, с тем чтобы изложить громогласно свою университетскую программу, правда, весьма не прогрессивную. На следующий день из уст в уста и в печати о ней была оповещена вся Россия.

Программа была настолько реакционной, что в Думе на министра с возмущением обрушились не только социал-демократы и кадеты, но даже и октябристы. Общее направление министерства, как взяли на себя смелость утверждать октябристы М.Я.Капустин и В.К. фон Анреп, привело к катастрофе — «Цусиме университетов»⁹⁹.

Кадеты П.Н.Милюков и Ф.И.Родичев, осторожно выгораживая студенческие организации, пытались представить, что они чужды политики. Зато правые депутаты, такие как В.М.Пуришкевич, не жалели черных красок, всячески запугивая в своих речах обывателя не только политическими преступлениями молодежи, но и угрозой разложения общества пьянствующим, развратным студенчеством, хулиганами-политиканами.

Само студенчество трагически отрекалось от сладкого опьянения свободой, постепенно погружалось в мучительные поиски смысла существования. Что касалось философии, тут наблюдалось возвращение к философскому идеализму, подвергался критике и был окончательно оставлен материалистический позитивизм, а ведь он держал под своей опекой радикальное студенчество с 60-х годов. Новые мыслители каялись за грехи революции, при этом отчаянно ополчились против проникновения социально-политических идей в культуру, литературу, ду-

⁹⁹ См.: Яковлев В.П. Самодержавие и российские университеты в годы реакции (1907–1911) // Вестник Ленингр. ун-та. 1972. № 8. С. 44.

ховную жизнь, в мир студенчества. Молодежи преподносился идеал свободного героя — одиночки, находящего смысл жизни в земных радостях, в темных тайниках собственной души, в трагическом очаровании смерти, в черной магии самоубийств. Одним словом, служилась «панихида» по кающемуся интеллигенту с его неотъемлемым революционным долгом, влюбленностью в народ, служением пролетариату, революции.

Великий раскол потряс интеллигенцию, образовалось два слоя: один — аполитичный, освобожденный от идеологического засилия с творческим энтузиазмом, поиском новых путей и жадной экспериментальностью, другой — по-старому традиционно политизированный.

Раскол, как в зеркале, отражался в студенчестве. Только шел он в силу повышенной эмоциональности и ранимости юности, еще более болезненно, чем в среде разумных «отцов». Новаторы духа, большая часть творческой элиты, воспевавшие красоты индивидуализма, отличались также ненавистью и презрением по отношению к имперскому режиму, но в силу аполитичности оставляли общество на произвол политической интеллигенции.

В самобичевании уж каких только грехов ни находили они у русского студенчества. Русские философы и писатели: Бердяев, Струве, Изгоев, Розанов, Булгаков, авторы знаменитого сборника «Вехи», буквально соперничали друг с другом. Изгоев, весьма критически относившийся к студенчеству, вынужден был признать, что студенчество, не думая о своих личных интересах, постоянно создавало оппозицию самодержавному правительству¹⁰⁰. Но это не помешало публицисту обрушить мощный град обвинений в адрес «провинившегося студенчества». Он обвинил его в безликой групповой стадности, революционном хулиганстве, подчинении личной индивидуальности групповым инстинктам, а главное, в традиционном нежелании учиться.

«Вехи» действительно стали вехами на пути русской интеллигенции. Интеллигенция и ее молодая часть стали постепенно преобразовываться, безусловно, еще в студенчестве будут время от времени воскрешаться призраки 70-х годов, всплески единодушных молодежных

¹⁰⁰ Изгоев А.С. Об интеллигентной молодежи // Вехи: Сб. статей. М., 1990. С. 115–116.

протестов, предвещавших общественные взрывы недовольства. Но студенчество утрачивало свою роль однородного радикального ядра интеллигенции.

Молодежи преподносили целую философию самоубийства. Проповедь ее заняла прочное место на страницах философских и художественных изданий. И если сразу после революции самодержавием было казнено 14 тысяч человек, то число самоубийств среди молодежи возросло с 83 в 1908 году до 143 — в 1909-м. Это не считая 69 попыток! За катафалками самоубийц гимназисты несли венки с надписями: «Жертве произвола». Среди студентов появилась даже мода на самоубийства. Юмористический журнал «Новое время» (1910. 21 авг.) поместил карикатуру: финский сенатор Лео Мекелин, сидя на берегу Иматры, центра туризма из Петербурга, размышлял при виде русских молодых самоубийц, кончающих жизнь в пучине водопада: «По два в день — так мы скоро избавимся от русских!»¹⁰¹

Молодежь, потеряв после революции духовную опору, ринулась в идеализм, религию, в поиски обновленной религии. Пробудился и «научный» интерес к религии. Один за другим при российских университетах открывались студенческие кружки по изучению личности Христа. Отцы церкви подогревали эти искания, усердно проповедуя с профессорских кафедр «новейший» идеализм во всех сферах науки и философии. Религиозно-идеалистическая эпидемия ширилась и росла, она вышла далеко за рамки печатных теологических трактатов и стены научных аудиторий. Интерес ко всему, что связано было с религией, несомненно, охватил в то время широкие круги «общества» и проник в ряды студенчества.

Наступление реакции на студенчество имело свои последствия. Они выразились прежде всего в общем снижении революционности студенческой массы. Численность интеллигенции и студенчества в социал-демократической партии значительно упала. В учебных заведениях уменьшался процент молодежи, идущей за социал-демократией, одновременно увеличивался процент студенчества, симпатизирующего кадетам, резко возросло число беспартийных. В Петербургских высших учебных заведениях в 1909/10 учебном году социал-демократы

¹⁰¹ См.: Studia Slavica Finlandensia. T. XIII. Helsinki, 1996. P. 98.

составляли 25,3%, кадеты — 20,7%, социалисты-революционеры — 12,4%, беспартийные — 15,5%¹⁰².

Многие студенты бросали учебу. Обычным газетным объявлением того времени было: «Дешево продается почти новый скюртук студента университета». Покидая учебные заведения, студенты горько шутили: «Политика и высшая школа получили формальный развод!»

По университетским коридорам уверенно разгуливали «отсортированные» студенты. Грудь их украшал значок СРН («Союза русского народа»). Некоторые из них даже побывали на приеме в Зимнем дворце. Самодержец официально поощрял черносотенцев, «истинно русских людей».

Рискованные романы, скандальные карточные истории всецело занимали их головы. «Предпочтительнее видеть юношу, разгоряченного вином, чем юношу, разгоряченного политикой», — размышляли уставшие от революции «отцы».

«Объединенная социал-демократическая организация студентов Санкт-Петербурга» постепенно была вынуждена прекратить свою деятельность.

Спокойствие молодежи оказалось обманчивым. В сентябре 1908 года вспыхнула студенческая забастовка. Сигнал к ней подал Петербургский университет.

Скандал в Думе не остановил министра Шварца. 19 июня 1908 года Шварц потребовал для усиленного досмотра за студентами наклеивать фотографии на входные билеты, не допускать никаких институтов студенческого представительства. Профессуре он вменил в обязанность дать подписку о непринадлежности к левым партиям.

К чести Петербургского университета его Совет направил в министерство протест, а проректор Ф.А.Браун «ввиду нового режима» подал в отставку. Протесты профессуры других университетов были более осторожны.

Забастовка студентов стала ответом на реакционную политику министра народного просвещения Шварца, в частности на его угрозы отдавать студентов в солдаты за прекращение занятий. На университетской сходке было принято обращение «К обществу и студенчеству»,

¹⁰² См.: К характеристике современного студенчества. СПб., 1910. С. 16.

призывавшее молодежь начать всероссийскую забастовку. Однако студенческие требования ограничивались на этот раз рамками «академической политики», т.е. борьбой за свободу науки и преподавания.

Студенческая забастовка продолжалась около месяца. Сходка 7 октября в Петербургском университете постановила прекратить забастовку из-за отсутствия единства в студенческой среде.

Правительство проигнорировало забастовку и опубликовало проект нового устава, еще более устрашающего. Ректоры Петербургского и Московского университетов И.И.Боргман и А.А.Мануйлов, приглашенные на совещание в министерство, решительно выступили против этого проекта. Проект оказался настолько непопулярным в обществе, что новый министр просвещения Л.А.Кассо постарался о нем забыть.

Практически никаких уступок молодежь от правительства не добилась. В стенах высших учебных заведений России по-прежнему господствовала реакция.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ДВЕРИ АКТОВОГО ЗАЛА НА ПУТИ СТУДЕНЧЕСКИХ ЗАБАСТОВОК

«Предоставлялось бы наиболее безотлагательным вновь навесить железные двери в актовом зале для недопущения проникновения в последний студентов, а равно не предоставлять этого зала в качестве аудиторий для профессорских лекций»¹⁰³, — таковы были настойчивые рекомендации премьер-министра Столыпина министру Кассо. Делая акцент на дверях, премьер особенно беспокоился о состоянии дел и умов в Петербургском университете, при этом он указывал, что для содействия полиции в установлении личностей неблагонадежных студентов следует ввести входные билеты в университет с фотографиями.

Предписание М.А.Столыпина было сделано на пороге крупнейших студенческих выступлений 1911 года. Вновь правительству пригрозил грозный 1905 год, и весть о нем, казалось, опять несло непокорное пробудившееся студенчество.

¹⁰³ См.: Савельева В.Г., Яковлев В.П. Студенческая забастовка 1911 г. и Петербургский университет // Вестник Ленингр. ун-та. 1983. № 2. С. 16.

С 1910 года начался процесс «полевения» общественного настроения. Что же касалось студенчества, то его «левизна» была более левой, чем у «отцов».

3 марта 1910 года в Думе разыгрался колоссальный скандал. При обсуждении деятельности министерства народного просвещения депутат Пуришкевич, всячески восхваляя Шварца, обрушил град площадных ругательств в адрес университетов и особенно органов студенческого представительства. Студенчество было оскорблено. Резолюции протестов были приняты студентами всех университетов, а сам скандал стал толчком к началу студенческих сходок, а затем и манифестаций.

Первым робким началом студенческих манифестаций стали события, связанные со смертью профессора Московского университета председателя I Думы кадета Муромцева. Октябристы и черносотенцы публично отказались почтить память умеренно-либерального кадета. Сам этот факт подогрел общественное недовольство, готовое вылиться по любому поводу в протест против черносотенной Думы.

7 октября в Москве состоялись похороны. Вся Москва всколыхнулась. Дом Муромцева окружили лес венков и громадная толпа, которая по мере приближения похоронной процессии к университетской церкви все возрастала. Учащаяся молодежь собралась, чтобы проводить профессора в последний путь. С разрешения ректора прибыла депутация от профессоров и студентов петербургского университета. У могилы при свете факелов говорились речи. Проникновенными были выступления ректора Мануйлова, товарищей по кадетской партии: Милюкова, Кокошкина, Родичева и других, говорили студенты от имени всех университетов России. Полицейстер, наблюдавший за порядком, бесцеремонно прерывал, нарушая чинность общего настроения. От социал-демократической студенческой фракции была произнесена яркая революционная речь. Впоследствии полиция расценила ее как «преступную». Память московского профессора почтили и в Петербургском университете. Демонстрация на похоронах свидетельствовала о возрождении открытого и сравнительно широкого выражения протеста против самодержавия.

Следующим важным событием в оживлении общественных настроений студенчества стала смерть Л.Н.Толстого. Сообщение о его кончине вызвало уличные демонстрации рабочих и студентов. День похорон писателя стал началом, хотя и очень скромным, демонстративных забастовок рабочих.

Рано утром 7 ноября, когда еще билось сердце великого писателя, министр просвещения принял меры против возможных выступлений учащихся в связи с ожидаемой смертью Л.Толстого, разослав попечителям учебных округов шифрованную телеграмму: «Секретно. Спешно. Принять все меры к предотвращению беспорядков в связи со смертью Л.Н.Толстого».

В Москве и Петербурге были приведены в боевую готовность войска.

«Несомненно, смерть Толстого создаст настроение. Необходимо его использовать. Бросьте лозунг “Долой палачей”», — указывалось в директиве большевистского центра петербургским большевикам, которые готовили рабочих и студентов к широкой политической кампании¹⁰⁴.

Выступления рабочих и студентов начались сразу же, как только стало известно о смерти писателя. 9 ноября петербургские студенты организовали около университета демонстрацию. В ней участвовало около 3 тысяч человек.

11 ноября на Невском проспекте остановились трамвай, замерло движение. Прекратили работу некоторые заводы и фабрики. В центре города взвились красные знамена. Мощные колонны рабочих и студентов двигались с флагами и несли лозунги: «Долой палачей!», «Долой смертную казнь!». На Невский проспект вышло не менее 10 тысяч манифестантов. Шествие было внушительным, преобладала молодежь.

В этот день состоялись демонстрации и в других районах столицы. У стен университета молодежь подверглась нападению полиции и была разогнана.

Лозунг «Отменить смертную казнь» — пламенный протест против казни, был особенно популярен у студенчества. В Петербурге студенты собирали подписи под декларацией против смертной казни, в Думе левое крыло вынесло предложение о постановке на очередь дня давно внесенного законопроекта, но Дума отложила это предложение 161 голосом против 131.

После тяжелых лет реакции Петербург вновь увидел несломленную студенческую молодежь. Реакционные газеты забили тревогу, на-

¹⁰⁴ См.: Красный архив. 1939. Т. 1 (92). С. 76.

перебой пугали обывателя, что в воздухе опять пахнет смутой, революцией.

В пробуждении молодежи таился общественный симптом, имевший глубокий общественный смысл, ставший началом поворота в настроении масс.

Под влиянием роста политической активности масс в учебных заведениях начался процесс возрождения и укрепления социал-демократических организаций, значительно ослабленных в годы реакции. К 1911 году социал-демократическая организация Петербургского университета насчитывала 18 членов, Технологического института — 20, Медицинского — 7¹⁰⁵.

Учитывая это оживление студенческого движения, реакция начала новое наступление. Оно было связано с назначением в конце 1910 года на пост министра народного просвещения помещика-монархиста Л.А.Кассо. С.Ю.Витте, близко знавший нового министра, писал, что этот человек, «будучи министром народного просвещения, никогда ничем не будет стесняться, а уже тем паче русским законом»¹⁰⁶.

Новый министр полагал, что он-то уж наконец сломит революционный дух российского студенчества. Прежде всего он уничтожил жалкие остатки автономии высшей школы, полученной в 1905 году. В стенах учебных заведений категорически были запрещены все собрания, кроме научных. Ректоры получили приказ немедленно исключать студентов — активных участников сходов и забастовок.

Отныне лекции должны были проходить только под надзором полицейского чина. Ежедневно приставы подавали отчеты о количестве посещающих лекции и об их благонадежности. Вожак молодежи, подозреваемый в партийной принадлежности, были выдворены из учебных заведений. Подобные меры нового министра вызвали недовольство прогрессивно настроенных ученых.

Совет Московского университета проголосовал против мероприятий Кассо, тот ответил увольнением ректора Мануйлова, его помощника Мензбира и проректора Минакова. Кто-то из профессоров, вспоминал профессор Кизеветтер, сравнивал противозаконный натиск Кассо

¹⁰⁵ См.: Социал-демократ. 1911. 13 (26) янв.

¹⁰⁶ *Bumme С.Ю.* Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С. 539.

на университетскую автономию с автомобилем, вторгшимся в лавку фарфоровых изделий. Университет терял талантливейшие кадры.

В знак протеста против мракобесия профессора уходили с кафедр, подавали в отставку. Среди них были такие известные профессора, как К.А.Тимирязев, П.Н.Лебедев и другие. Только Московский университет покинуло 108 преподавателей¹⁰⁷.

Вполне закономерно, что подобная политика министерства вызвала протест студенчества. Революционная энергия вновь забурлила в стенах высших учебных заведений. Петербургские студенты объявили забастовку. Примечательно, что она развивалась не только под лозунгами возврата автономии высшей школы. 23 января 1911 года Петербургский Коалиционный студенческий комитет принял решение о проведении общестуденческой забастовки под лозунгами: «Долой политический произвол! Требуем неприкосновенности личности, свободы слова, союзов, собраний! Требуем возвращения товарищей, уволенных, арестованных и высланных! Требуем автономии высшей школы!»¹⁰⁸

В открытом письме Коалиционного комитета Петербургского университета от 5 февраля говорилось, что студенты видят в настоящий момент в забастовке тяжелый, но единственный путь протеста против невозможной русской действительности, против попрания автономии. Петербуржцев поддержали студенты других крупнейших городов России.

Социал-демократическая фракция в Государственной думе пыталась оградить студенчество от ударов черносотенной реакции. От ее имени был внесен запрос на имя председателя Совета министров — «что намерен он предпринять для восстановления университетского самоуправления?»¹⁰⁹ В ответе на запрос прозвучало напоминание о запрещении сходок и собраний в стенах учебных заведений.

Забастовка студентов была жестоко подавлена. Месть самодержавия обрушилась прежде всего на Петербургский университет, ибо он стал своеобразным центром передового студенчества России. 31 января

¹⁰⁷ См.: *Лейкина-Свирская В.Р.* Из истории борьбы Петербургского университета с министерством Кассо. С. 155.

¹⁰⁸ *Круглова З.С.* Студенческая забастовка 1911 г. и ее политическое значение // *Ученые записки Моск. обл. педагог. ин-та им. Н.К.Крупской. История СССР*. М., 1964. Вып. 8. Т. СXXXV. С. 35.

¹⁰⁹ *Звезда*. 1911. № 6. 22 янв. (4 февр.)

1911 года рано утром в здание университета было введено 518 городских, 17 офицерских чинов.

Попечитель Петербургского учебного округа А.А.Мусин-Пушкин пунктуально, по часам так описал трагический для студенчества день 31 января: 8 часов 30 минут — полиция заняла коридоры, лестницы и другие помещения, впуск в университет — строго по фотографиям в билетах; 11 часов 30 минут — арестованы 2 студента за свистки в коридоре; 11 часов 45 минут — в нескольких местах брошены склянки с вонючими веществами; 12 часов 40 минут — арестовано еще 4 человека; около 13 часов в аудитории, где читал лекции профессор Тутан-Барановский, оцеплена группа студентов (94 человека) и отведена в особое помещение, затем оцеплена и оттеснена к актовому залу группа в 232 человека, где они были переписаны и после этого увезены из университета. Всего в этот день было арестовано 410 человек¹¹⁰. Университет закрыли. До начала забастовки был арестован, по доносу, весь Коалиционный комитет университета. Попечитель Петербургского округа предложил министерству уволить всех студентов университета и для нового набора предварительно проверить политическую благонадежность поступающих.

Репрессиям подвергся и Московский университет: с 11 февраля по 4 марта за участие в забастовке из него было исключено более 1000 студентов, как опасные, были запрещены газеты «Голос студенчества», «Студенческая мысль».

В течение января-февраля 1911 года только в Петербурге арестовано 734, уволено 1860 студентов.

По отношению к молодежи жестокость правительства и некорректные формы вмешательства в академические дела побудили Московский ректорат подать в отставку. Министр Кассо решил дело по-своему — не принял отставку ректора и проректоров, а просто уволил их.

В знак солидарности 130 преподавателей (всего 1/3 состава), в том числе известные профессора К.А.Тимирязев, П.Н.Лебедев, Н.Д.Зелинский, В.И.Вернадский, подали в отставку. Их примеру последовали

¹¹⁰ См.: Савельева В.Г., Яковлев В.П. Студенческая забастовка 1911 г. и Петербургский университет. С. 16–17.

ректор и проректор Петербургского университета Д.Д.Гримм и Д.Д.Андреев.

В феврале-марте забастовка еще вяло продолжалась. На лекциях присутствовали только черносотенцы-академисты. В апреле число посещающих лекции уже увеличилось, наряды полиции сократились. Силы студенчества были истощены.

Усилил свою деятельность против радикального студенчества университета «Академический союз студентов» (первоначально «Союз студентов Петербургского университета»), образованный еще в марте 1905 года. С начала революции эта организация студентов-белоподкладочников имела своей главной задачей борьбу против политических студенческих забастовок в стенах университета, а также и против «бойкота профессоров и их товарищей за их политические суждения», читай: монархистские. В 1911–1912 годах Союз стал настолько черносотенным, что оказался на позиции решительной борьбы с кадетской партией, осуждения ее университетской программы и лично ее лидера П.Н.Милокова¹¹¹.

В то же время правительство обрушило свои удары на культурно-научные организации, в которых было сильно кадетское влияние. Возбуждено дело о закрытии «Лиги образования», немалые трудности преодолевали Вольные экономические общества, Пироговское общество русских врачей, Русское техническое общество. Политика «успокоения» торжествовала.

Студенческие события 1911 года показали, что единая всероссийская студенческая стачка изжила себя. Студенчество уже не было просто политизированной общей безликой массой. Оно раскололось, принадлежало или симпатизировало различным политическим силам. Многочисленным политическим организациям в университете партии предписывали работать в массах вне университета, но не игнорировать и свои специфические формы борьбы, с тем чтобы оттенить, придать резонанс работе партий в массах. Все это вело к упадку самостоятельного студенческого движения, своей монолитностью так импониовавшее радикальному русскому обществу.

¹¹¹ См.: Академический сборник. Вып. 1, 2. СПб., 1909; Итоги Академического съезда (СПб.). 1912. С. 4.

Детально анализируя революционность студенчества, Ленин вскрыл одну характерную особенность этого периода, которая очень беспокоила его, а именно отсутствие достаточно четкой партийной направленности «левых» организаций. Для Ленина «нет сомнения, что и в этом отношении студенчество отразило на себе явление общерусского масштаба»¹¹². Какова же должна быть позиция большевиков в отношении революционного студенчества? Ответ дан в статье Ленина «Вопрос о партийности среди демократического студенчества». Не надеясь на массу студенчества, он наставил на том, чтобы небольшое, но сильное ядро большевиков в учебных заведениях страны соединило свои силы с демократической массой на основе четкой и ясной политической платформы¹¹³.

В Петербурге большую роль в сплочении студенчества вокруг большевистской партии играл в то время «Объединенный комитет социал-демократических фракций высших учебных заведений», который по инициативе ПК был воссоздан в конце 1912 года. К концу 1913 года деятельность «Объединенного комитета» приняла четкую большевистскую направленность, и он вошел в состав ПК РСДРП на правах районной организации.

В ноябрьском номере «Правды» было опубликовано письмо «Объединенного комитета», в котором говорилось о признании и поддержке самостоятельной фракции большевиков в Думе¹¹⁴.

В 1914 продолжалась борьба между меньшевиками и большевиками за лидерство в среде молодежи. В апреле 1914 года ПК РСДРП подготовил и выпустил первый номер студенческого журнала «Утро жизни». Этот марксистский журнал был учрежден в противовес меньшевистской газете «Студенческие годы». Членом редакции журнала стал универсant А.В.Гринеvич. В передовой статье редакция четко определила свою политическую линию, заявив, что ставит своей задачей распространение марксизма среди молодежи и вовлечение студенчества в революционное движение под руководством большевистской партии. В письме «Объединенного комитета социал-демократических

¹¹² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 211.

¹¹³ Там же. С. 210–211.

¹¹⁴ См.: За правду. 1913. № 35. 14 нояб.

фракций высших учебных заведений» в ЦК РСДРП сообщалось, что комитет полагает в будущем широко представить в журнале критику оппортунизма, меньшевизма и разоблачение буржуазных теорий либеральных профессоров.

Накануне ожидающихся демонстраций в связи со второй годовщиной зверской расправы царского правительства с рабочими на Ленских золотых приисках в Петербурге были распространены листовки ПК РСДРП и «Объединенного комитета» студентов с призывом к рабочим к совместным действиям. 13 и 14 марта в Петрограде прошли мощные демонстрации рабочих и студентов.

Первая мировая война ускорила приближение революции. В октябре 1914 года Николай II утвердил положение Совета министров о призыве в армию студентов, ранее пользовавшихся отсрочкой на время обучения. Царское правительство спешило воспользоваться войной, чтобы очистить высшие учебные заведения от революционно настроенных студентов. Их в срочном порядке отправляли на фронт, в окопы. Что же касалось студентов-большевиков, то по законам военного времени они подверглись особым репрессиям: их арестовывали, высылали, мобилизовывали. Многим было суждено навечно остаться на полях сражений.

Александр Блок писал об уходящем на фронт эшелоне, увозящем из Петрограда юношей:

В этом поезде тысячью жизней цвели
Боль разлуки, тревоги любви,
Сила, юность, надежда... В закатной дали
Были дымные тучи в крови.

Студенчество, находившееся в начале войны в лжепатриотическом угаре, ответило на царский призыв монархистскими манифестациями, сходками, молебнами. В Москве в единодушном порыве студенты с портретами царя отправились к Зимнему дворцу, дому градоначальника и, преклонив колени, заявили о готовности стать в ряды армии, клялись доблестно защищать российский престол.

Цитадели науки вскоре стали напоминать военные бивуаки. Не ушедшие на поле брани студенты изучали военное дело, санитарное искусство, осваивали слесарное ремесло и устройство автомобилей, знакомились с организацией обоза, бельевого части и походной кухни.

Петроградский университет превратился в мобилизационный пункт. В белоколонном актовом зале, в знаменитом коридоре, нарушив традиционную благопристойную тишину собраний ученых мужей и бурление ожесточенных студенческих сходов, теперь разместили лазареты, во дворе — пехотный полк.

Проводниками политики царизма в высшей школе стали верно-подданные «академисты» — студенты-белоподкладочники, действовавшие под покровительством черносотенной профессуры. «Патриотические» манифестации этих молодых людей, начинавшиеся с пения русского гимна и молитв во славу русского оружия и престола, чаще всего завершались погромами немецких магазинов, разбойными нападениями на квартиры немецких семей.

«Академические» корпорации активизировали свою деятельность, используя финансовую помощь черносотенных союзов для разгрома революционных организаций студенчества. Николай II одобрительно относился к акциям «академистов», однако, несмотря на опеку царя и финансовое стимулирование, эти организации в учебных заведениях оставались немногочисленными, маловлиятельными. Скомпрометированные откровенной связью с черносотенными союзами, они вызывали законную ненависть демократического студенчества. Так, в членах Союза русского народа всего в Петрограде состояло около 1% студентов, в октябристской партии — 2,3%.

Война изменила количественную и социальную картину высших учебных заведений страны. Сократилась общая численность учащихся. В 1915 году в Петроградском университете обучалось 7780 человек, на 1 июля 1916 года — 5934. Аналогичная картина наблюдалась и в других учебных заведениях.

Материальное положение студенчества в связи с тяготами военного времени резко ухудшилось. С 1 января 1915 года по 1 июля 1916 года из 4062 выбывших из Петроградского университета 2200 человек были призваны в действующую армию, 1300 бросили занятия из-за тяжелого материального положения¹¹⁵. Значительная масса сту-

¹¹⁵ См.: *Лейберов И.П.* Революционное студенчество Петроградского университета накануне и в период первой мировой войны (март 1914 — февраль 1917 г.) // *Очерки по истории Ленинградского университета.* Л., 1968. С. 14.

денческой молодежи бедствовала. Жизнь вздорожала почти вдвое. «Среди нас, — говорилось в одном из материалов газеты “Студенческие годы”, — оказались товарищи, оторванные от близких и родных... Полуголодная жизнь в сырых, неотапленных комнатах, беготня по дешевым урокам стали участью большинства»¹¹⁶.

Рост цен ощутимо задел ученых высших учебных заведений. Заработная плата их не увеличивалась с 1895 года, а педагогическая нагрузка возросла вдвое. Стремясь внести хотя бы некоторое успокоение, Министерство народного просвещения в 1916 году ввело надбавку к окладу профессоров, с тем, чтобы весь годовой оклад их превышал 4–5 тысяч рублей¹¹⁷.

Военная обстановка, продовольственный кризис, рост цен, поражение царской армии на фронтах способствовали резкому разочарованию студенчества в военной политике царизма. Учитывая это, Петербургский комитет РСДРП принял самые энергичные меры к возрождению студенческой большевистской организации. В сентябре–октябре 1914 года возобновили нелегальную деятельность студенты-большевики почти во всех высших учебных заведениях столицы. Вновь начала работать университетская большевистская организация. В нее входило 25 большевиков. В ноябре развернул свою деятельность «Объединенный комитет социал-демократических фракций высших учебных заведений». Что касалось петроградских эсеров, то они, переживая организационный и идейно-политический кризис, утратили свои организации в столице и в университете.

Особенно успешной в это время была деятельность кадетов среди либерального студенчества.

Казалось, что теперь все шансы — на стороне либеральных партий. Они сумели взять в свои руки руководство Всероссийским союзом городов, Всероссийским земским союзом помощи больным и раненым воинам, специальным комитетом «Война и культура», Обществом помощи жертвам войны и десятками других общественных организаций. Треть состава всех этих организаций включала деятельную городскую интеллигенцию, а ее наиболее инициативной частью было студенчество.

¹¹⁶ Студенческие годы. 1915. 27 нояб.

¹¹⁷ См.: Петроградские ведомости. 1916. 27 февр.

во. Следует иметь в виду, что большинство этих людей имели добрые намерения, были настроены искренне патриотически, стремились оказать посильную помощь стране. Они успешно занимались устройством госпиталей, в том числе и в учебных заведениях, питательных пунктов, оказывали помощь семьям погибших и раненых, изыскивали средства на снаряжение санитарных поездов, закупали медикаменты, одежду и проч.

В начале войны кадеты резко осудили войну, антивоенная направленность газеты «Речь», центрального органа печати партии, была столь очевидна, что выпуск газеты был запрещен правительством за «непатриотическую позицию». Справедливости ради напомним, что в дальнейшем кадеты были твердыми защитниками лозунга: «Война до победного конца». Было общеизвестно, что война приняла трагический оборот для многих членов «Партии народной свободы». Сын Милюкова, только что окончивший гимназию, в числе первых добровольцев ушедший на фронт, был убит в первом же сражении. Погиб секретарь кадетской думской фракции А.М.Колубакин, также добровольцем ушедший в армию.

Студенчество проявляло огромный интерес к консолидации интеллектуальных сил Петрограда и роль вечерового колокола отводило Думе — с ее трибуны должен был прозвучать призыв к революции.

И вот он ударил. «Глупость это или измена?» — такое обвинение в адрес уже давно непопулярного царского правительства бросил с трибуны Думы Милюков 1 ноября 1916 года. Этот вопрос блестящий оратор, известный всей России, повторил несколько раз, смело обвиняя монархию в бездарной политике. Он упорно настаивал на необходимости срочно создать неподкупное правительство и передать Думе законодательные функции.

«Измена!» Неистово рукоплескал и кричал в ответ зал, наэлектризованный оратором. Речь Милюкова подобно разорвавшейся бомбе имела оглушительный эффект. Всю ночь, после речи Милюкова, около его квартиры толпилась восторженная студенческая молодежь, мечтающая лично приветствовать своего героя. Наступил «звездный час» политики Милюкова. Речь-вызов в миллионах экземпляров разлетелась по всей стране. Ее распечатывали студенты. Университет был наводнен листовками с речью и портретом Милюкова с его автографом. В

эти бурные дни студенческая молодежь испытывала невероятное политическое влияние Милюкова и охотно вступала в партию кадетов.

В октябре 1916 года охранное отделение полиции указывало на резкое революционное «полевение» и озлобление студенческой массы, страдающей от войны, мобилизации, ухудшения материального положения от разложения и деградации общества. Охранка предупреждала, что эти настроения могут смениться революционными активными действиями молодежи¹¹⁸.

О растущей революционной активности студентов был неоднократно предупрежден и сам Николай II. Делали это многие, в том числе П.А.Бадмаев, модный в Петрограде «тибетский лекарь», искусный травник и не менее изворотливый политик, близкий к придворным кругам (сам он был крестником Александра III), плетущий свои интриги в высших правительственных сферах под непосредственным покровительством всесильного Распутина. Ему-то нельзя было отказать в политическом чутье! Вероятно, Бадмаев, передавая студенческую листовку царю через друга семьи Романовых Вырубову, находил ее содержание достаточно серьезным. Напечатанная тайно на гектографе от имени объединенного комитета социал-демократических организаций Петроградских высших учебных заведений, она имела заголовок: «К товарищам, уходящим в войска». Листок, имевший широкое хождение среди универсантов, призывал молодых людей, мобилизованных в армию, развернуть там революционную пропаганду среди солдат. В нем говорилось, что очередной призыв в армию — это «очередная жертва войны». Но авторы листовки отмечали и явный просчет правящих кругов, ибо они, мобилизуя студентов-офицеров, ставя их «во главе войск... тем самым открывают... возможности вести революционную работу среди солдат»¹¹⁹. Сам дальновидный Бадмаев 22 апреля 1916 года настойчиво предостерегал царя о серьезности глухо зреющего общественного недовольства: «Вашему высочеству хорошо известно, что около трона и около дворов великих князей масса атеистов и

¹¹⁸ См.: Политическое положение России накануне февральской революции в жандармском освещении // Красный архив. 1926. Т. 4. С. 31–32.

¹¹⁹ За кулисами царизма (Архив тибетского врача Бадмаева). Л., 1925. С. 11.

тунеядцев, которые проникли во все министерства и во все учебные заведения, не исключая военных...»¹²⁰.

В ВОДОВОРОТЕ ФЕВРАЛЯ

В начале 1917 года Россия плотно подошла к новым социальным потрясениям. Надвигалось время открытой схватки с самодержавием.

Само государство старого порядка переживало глубокую эрозию. Оно быстро погружалось в некомпетентность, семейственность, психический невроз.

По мере приближения 1917 года всеобщий процесс сползания влево ускоренно захватил все слои интеллигенции, в том числе и буржуазной. Стачечное движение, банкротство самодержавия, поражения на фронтах особенно молниеносно двигали влево прогрессивное студенчество.

Казалось, все было как и прежде. Молодежь есть молодежь. Петербургские студенты бегали по музеям, выставкам, атаковали театры, устраивали «всенощные» ночные дежурства за билетами на спектакли Шаляпина, Собинова, Неждановой. Собирались на шумные, веселые студенческие вечеринки. Шутили, рассказывали анекдоты о сестричках-медичках и их романах со студентами-офицерами. Острили, что на фронте прозвали автомобили «сестровозами», а аэропланы «сестролетами». Но все-таки самой главной интригующей темой была политика. Записка охранного отделения, подводя итог умонастроениям всех этих сборищ, сообщала, что душевное состояние интеллигентного обывателя требует кровавых пирамид из трупов министров, генералов и всех тех, кого общество и пресса величают главными виновниками неудач на фронте и неурядиц в тылу. «Озлобление наблюдается не только против правительства, но и против государя и всей царской семьи». Муссируются слухи о «близком дворцовом перевороте... о деятельности Государственной думы»¹²¹.

Журнал «Вестник воспитания» в 1917 году накануне февраля констатировал, что в семьях, мало-мальски затронутых политикой, молодежь, студенты, ученики старших классов открыто и свободно объяв-

¹²⁰ См.: Там же. С. 24.

¹²¹ См.: Буржуазия накануне февральской революции. С. 174.

ляли себя оппозицией правительственной власти, критиковали ее, презрительно относились к царской чете, издевались над невероятными эпизодами «распутинства»¹²².

13–14 февраля в Университете, Психоневрологическом и Политехническом институтах, на Высших женских курсах состоялись многочисленные студенческие сходки. На них были приняты резолюции о прекращении занятий и решении студентов присоединиться к демонстрантам. На многих сходках студенты поддерживали большевистские резолюции, выражавшие протест против царского суда над депутатами-большевиками, студенты-либералы заявляли о своем присоединении к тактике кадетов.

14 февраля в первом часу дня в большом коридоре университета, около аудитории № 10, состоялся митинг при участии 200–250 студентов. Он принял решение о забастовке. Однако призывы присоединиться к рабочим-дemonстрантам не встретили общей поддержки. Лекции в этот день, хотя и при малочисленной аудитории, продолжались. Значительная часть молодежи вышла на улицы¹²³.

Студенты столицы 14 февраля присоединились к демонстрации трудящихся. В этот день прекратили работу 90 тысяч рабочих 58 предприятий Петрограда. С красными знаменами и лозунгами «Долой войну!», «Долой правительство!», «Да здравствует республика!» студенты вместе с демонстрантами, сметая на своем пути полицейские заслоны, прорвались на Невский проспект. У Казанского собора начался грандиозный митинг.

Профессор П.П. Жигалин, славившийся среди студенчества своими шовинистическими убеждениями, несмотря на объявленную забастовку, явился 15 февраля в университет на лекцию и, к своему удивлению, застал необычно большое количество молодежи. Тут же выяснилось, что студенты пришли с тем, чтобы устроить профессору обструкцию. Лекция не состоялась¹²⁴.

15 февраля в Университет была введена полиция. День и ночь у стен Университета бушевала и митинговала молодежь, распевая «Марсельезу».

¹²² См.: Вестник воспитания. 1917. № 3. С. 49.

¹²³ См.: Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября. Л., 1988. С. 46.

¹²⁴ См.: Там же. С. 47.

23 февраля стал первым днем февральской революции.

Стоял яркий солнечный день, огромное количество молодежи на улицах, студентов, курсисток, гимназистов, задорный тон юных, их шумное вызывающее веселье, ожидание чего-то необычайного заражало толпу возбуждающими настроениями. Создавалось впечатление, что учащаяся молодежь — главные участники беспорядков. Вновь, как и в 1905 году, студенты гостеприимно предоставили свои аудитории для митингов и собраний. Многолюдные митинги с участием самой разнообразной публики проходили в Университете. Все это позволило царице Александре Федоровне, не улавливающей истинного взрывного смысла событий, записать, что, якобы, все происходящее на улицах столицы — хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, и тем самым создают возбуждение.

25 февраля в столице началась всеобщая политическая забастовка, охватившая 300 тысяч человек. Тысячами вливалось студенчество в ряды демонстрантов. Этому способствовало объявление студентами Университета забастовки с 25 февраля в знак солидарности с трудящимися столицы, значительная часть студентов покинула университет.

«Все на улицы!» — такие призывы к студентам содержались в листовках.

Видный кадетский деятель, редактор кадетской «Речи», впоследствии вспоминал, что хотя революция рисовалась воображению все более неизбежной, «никто не распознавал лица ее».

Парадоксально, но именно поэтому, несмотря на тревожную обстановку, столичная интеллигенция и студенчество ожидали вечером 25 февраля новаторскую премьеру «Маскарада» в роскошной постановке В.Э.Мейерхольда в Александринском театре. Оживленные толки не только по поводу напряженной обстановки на улицах, но и о готовящемся спектакле волновали петроградское общество, в том числе и придворные круги. К театру, к месту интригующего представления ломилась публика. Знала ли она, что здесь, у подъезда часа два назад шальная пуля оборвала жизнь некоего студента-театрала, купившего билет у барышника?¹²⁵

Улица бурлила, заводы бастовали, а в переполненном Александринском театре, с шумной студенческой галеркой, с блестящим успе-

¹²⁵ Театр и искусство. 1917. № 10–11. С. 192.

хом шел спектакль. Была буря аплодисментов, множество подношений артистам, среди них и подарок от Николая II, — как оказалось, последний драгоценный дар русского царя. Премьера закончилась во втором часу ночи, когда на Невском проспекте уже свистели первые пули.

26 февраля, когда всеобщая политическая стачка стала перерастать в вооруженное восстание, учебные заведения превратились в революционные лагеря. В аудиториях продолжались непрерывные митинги, разгорались острые политические баталии. Тут же создавались и начинали действовать множество студенческих организаций. Формировались санитарные отряды, лазареты, студенческие боевые дружины, группы милиции по охране порядка в городе, функционировали своеобразные комендатуры при учебных заведениях, куда приводили арестованных офицеров и полицейских. Только что родившиеся боевые группы студентов выходили на улицы и включались в уличную борьбу.

И.Марков, участник февральской революции, вспоминал об участии студентов в схватках с полицией. Навстречу рабочим «идет группа демонстрантов с красным флагом, поющая “Марсельезу”. Это... учащаяся молодежь — студенты и курсистки... Слились мы с ними в одну толпу — в одну семью... Вдруг оглушительная трескотня — тра-та-та! Это пулеметная стрельба... На мосту два трупа и много раненых...»¹²⁶. На помощь раненым спешили юноши и девушки с красными повязками, члены студенческих санитарных дружин. Студенты-санитары оказывали первую помощь, причем в очень сложных, опасных для жизни условиях. «Слушательницы высших женских учебных заведений проникли в места доставки раненых, где вели себя по отношению к чинам полиции, стремившимся их оттуда убрать, в высшей степени дерзко»¹²⁷, — сообщалось в донесении охраны.

Разумеется, не все студенты участвовали в революционных событиях. Были и такие, которые сидели дома и выжидали, другие исправно шли на лекции в Университет.

Профессора и студенты, благоговевшие перед наукой, не замечали или не хотели замечать того, что происходило на улицах, для них научные занятия оставались превыше всего.

¹²⁶ Марков И. Как прошла революция // Воля России. Прага. 1927. № 5–6. С. 58.

¹²⁷ См.: Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 177.

Одним из таких был академик В.А.Стеклов. Он в своем дневнике передал состояние студентов, замкнувшихся в храме науки, с интересом слушающих 25 февраля его лекцию: и вдруг в аудиторию вырываются забастовщики — студенты, они требуют прекращения лекции. Начинается потасовка. По мнению профессора, все кончилось благополучно, «а могло быть и мордобитие». С удивлением увлеченный профессор заметил: «Говорят, все заводы бастуют»¹²⁸.

Многие из тех, кто не хотел покидать стены университета, во всем винили большевиков и на мотив русской песни «Ах вы сени» с ненавистью распевали следующие сочиненные ими куплеты:

Балалайка моя с щелком,
Расскажи-ка людям толком,
Расскажи им напрямик,
Что такое большевик.
Вышел он из самой мути,
Всех рабочих взбаламутил,
Часть солдат и стал велик,
Средь ничтожных большевик!
В эту тяжкую годину,
Уничтожив дисциплину,
Стал брататься, бросив штык,
Полунемец большевик!

Что касается интеллигентных «отцов», то в их мемуарах, дневниках сквозит чувство неспособности дать истинное толкование февральских событий, оказать влияние на свою молодежь. Они не могли предопределить будущего.

Все происходящее на улицах казалось нереальным; маститые интеллигенты, в молодости увлекавшиеся революционными идеями, не ощущали внутреннего контакта с возбужденной толпой и своей молодежью.

Как отмечала поэтесса З.Гиппиус, все, что творилось на Невском проспекте, почему-то напоминало «балетную инсценировку». О «балете» на Невском говорили и другие представители интеллигентских кругов.

¹²⁸ См.: Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 67.

«Надо сидеть по углам, — убеждал в те дни профессор Ю.В.Ломоносов, в студенческие годы почти революционер, — беспорядки будут раздавлены и явятся прологом для новых репрессий»¹²⁹.

Информации было мало, цензура продолжала по-старому «чистить» газеты, телефоны работали неисправно. На домашних политических спорах, вспоминал известный художник К.А.Сомов, не успевали осмысливать события, которые молниеносно сменялись одни другими, и участники семейных дискуссий не могли дать истинных оценок происходящему¹³⁰.

27 февраля 1917 года февральская буржуазная революция победила. Ее победа была добыта и силами учащейся молодежи. Подсчитано, что только в дни февральской революции в выступлениях жителей столицы приняло участие не менее 30 тысяч студентов¹³¹.

Растерянного, выбитого из университетской жизни академика В.А.Стеклова тянуло в университет, он чувствовал себя одиноко и неуютно и 28 февраля не выдержал и направился на Университетскую набережную. Входные двери родной *alma mater* были закрыты. Студенты больше не учились...¹³²

В Петрограде в дни революции было убито 28 студентов и курсисток, 69 получили ранение, в том числе 6 студентов университета¹³³. Одним из них был студент Петроградского университета В.И.Хлебцевич. Мы вспомнили о нем, так как имя его было чрезвычайно популярно среди студенчества в февральские дни. Его короткая жизнь, ему было 22 года, и яркая смерть точно живописуют путь в революцию демократического студента, не имевшего определенного политического идеала. В.Хлебцевич был одним из многих тысяч студентов, типичным

¹²⁹ См.: Ломоносов Ю.В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. Стокгольм; Берлин, 1921. С. 18.

¹³⁰ Константин Андреевич Сомов: Письма, Дневники. Суждения современников. М., 1979. С. 174–176.

¹³¹ Лейберов И.П. На штурм самодержавия: Петроградский пролетариат в годы первой мировой и Февральской революции (июль 1914 — март 1917 г.). М., 1979. С. 168.

¹³² См.: Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября... С. 75.

¹³³ См.: Лейберов И.П. На штурм самодержавия... С. 273.

представителем молодежи, которая была захвачена патриотическими и демократическими идеалами. Сын небогатого священника, он приехал учиться в Петроградский университет из маленького провинциального городка Сызрани и вначале был далек от политики. Он прилежно изучал математику и, как полагается в его возрасте, сочинял стихи, искренние, но далеко не совершенные, изобретал летательный велосипед. О себе он писал: «Я горю огнем прекрасным, Прометеевым огнем!»

Этот огонь был раздут мировой войной, и юноша, испытав вместе с толпами сверстников восторженный патриотизм, вскоре глубоко разочаровался в политике самодержавия. На пороге февраля вместе с такими же, как он, сокурсниками В.Хлебцевич приветствовал «революционный порыв» Думы.

Студент отдал всю свою юношескую кипучую энергию начавшейся революции, вместе со своими товарищами студентами вступил в схватку с самодержавием. Не имея четких политических позиций, беспартийный, он ненавидел несправедливость и насилие. С 22 по 25 февраля В.Хлебцевича видели на многих митингах, где он неоднократно выступал, призывая студенчество поддержать революцию. Этот лозунг был дан на сходке в Петроградском университете, там же было принято решение — немедленно приступить к формированию боевых и санитарных студенческих дружин и питательных пунктов. Среди организаторов «летучих санитарных отрядов», лихо разъезжавших по городу на автомобилях и оказывавших первую помощь пострадавшим, был Хлебцевич. Его товарищи, члены дружин, студенты и курсистки испытывали необычайный подъем духа, были отчаянно смелы и безрассудны, голодны, но очень веселы и верили в революцию. Белые холщовые плакаты оповещали о местонахождении питательных пунктов, сюда несли студенты самовары, посуду, еду, варили кашу, кормили солдат. Есть материалы, свидетельствующие о том, что студенческие отряды милиции вступали в бой с погромщиками и ворами продовольственных складов, магазинов, с грабителями квартир, несли патрульную службу на улицах. Студентов, поддерживающих порядок на улице, можно было узнать по белой повязке на левой руке.

28 февраля в Александровском зале Городской думы началось собрание студентов, пожелавших вступить в милицию.

В ночь с 27 на 28 февраля Хлебцевич был убит, заслонив собой от пуль сестру милосердия студенческой дружины курсистку У.Шупп. Володя Хлебцевич стал героем февраля.

Тело погибшего юноши было отправлено на родину в Сызрань. И даже похороны студента послужили революции. В последний путь юношу пришлось проводить около 20 тысяч человек. Похороны превратились в революционный митинг. Выступали представители различных политических партий. Не обошлось без идеологических дуэлей. Скрестили плаги политические противники: с «жертвой революции» прощалась в своей речи «бабушка русской революции» — эсерка Е.К.Брепко-Брепковская, прислал телеграмму и роскошные цветы уже известный А.Ф.Керенский, ставший в марте эсером и министром юстиции Временного правительства. Выступали ораторы-большевики. Звучали призывы развернуть ожесточенную борьбу с буржуазией.

Подробный отчет о жизни и похоронах студента хранится в архиве бывшего института марксизма-ленинизма как документ революции.

Студенчеству, профессуре и всему образованному обществу в России казалось, что февраль открыл необозримые просторы демократическим преобразованиям высшей школы. Настало время решать университетский вопрос. 4 марта 1917 года конференция Академии наук восторженно приветствовала великие февральские события, ибо они позволяли «России объединиться в могучий и свободный народ, способный отстаивать свою культуру и оберегать ее от внутренней разрухи, от внешнего врага»¹³⁴.

В учебные заведения вернулись ученые с мировыми именами, покинувшие кафедры в знак протеста против политики самодержавия: Н.Д.Зелинский, В.М.Хвостов, С.А.Чаплыгин, Е.Н.Трубецкой, А.А.Кизеветтер, П.М.Новгородцев, В.И.Вернадский, К.К.Тимирязев, А.А.Мануйлов, М.А.Мензбир и др. Сформированное после февраля Временное правительство уделило серьезное внимание реформированию высшей школы. И это была забота не только о будущем России, но и стремление укрепить собственную позицию, завоевать популярность в обществе, поднять авторитет партии кадетов. Правительство встало не на путь коренной ломки отживших форм высшей школы, а на путь постепенных демократических либеральных преобразований, как наи-

¹³⁴ Романовский С.И. Александр Петрович Карпинский. 1847–1936. Л., 1981. С. 325.

более приемлемых для России. К руководству делом народного просвещения были привлечены большие ученые, крупные общественные деятели, стоявшие на либерально-демократических позициях, в основном члены кадетской партии. Все они были достаточно популярны и широко известны среди студенческой молодежи.

Первым либеральным министром народного просвещения стал А.А.Мануйлов, видный кадет, главный редактор «Русских ведомостей», известный экономист, профессор, ректор Московского университета, в знак протеста против политики царизма покинувший свой высокий пост в 1911 году. После июльского кризиса его на посту министра просвещения сменил так же кадет, известный востоковед С.Ф.Ольденбург. По его инициативе пост товарища министра занял кадет академик В.И.Вернадский. Один месяц на посту министра продержался видный биохимик, первый выборный в 1905 году директор Петроградского женского института С.С.Салазкин, сменивший С.Ф.Ольденбурга.

Образованный при Министерстве народного просвещения Государственный комитет разработал около 40 законопроектов, предложений, циркуляров. В его работе стали активно сотрудничать В.И.Вернадский, И.М.Гревс, Д.Д.Гримм, М.М.Новиков. В законопроекты были вложены все мечты и идеалы демократических деятелей, хотя многие из них еще ощущали зыбкость формирования высшей школы и понимали, что широкой социальной поддержки Временное правительство не получит. В это тяжелое для страны время на очередь вставали проблемы выживания, срочное решение вопроса о хлебе, мире, земле. В своей автобиографии академик В.И.Вернадский выделил этот факт, когда писал, что морально он не мог отказаться от деятельности по разработке реформ, «хотя чувствовал всю непрочность положения, приближение катастрофы...»¹³⁵.

Тем не менее, следует отметить прогрессивный характер начинаний Министерства народного просвещения. В ряду основоопределяющих проблем было намечено приблизить высшую школу, науку к экономическим, социальным потребностям общества, с этой целью реформировать прежде всего систему технических вузов, пересмотреть

¹³⁵ Страницы автобиографии В.И.Вернадского. М., 1981. С. 287–288.

вела итог сложившейся ситуации: «развал высшей школы»¹³⁷. Окончательный крах старого гражданского общества сказался и на молодежи.

Студенчество по мере приближения социалистической революции раздирала та же усилившаяся классовая борьба, что и все общество. Оно уже не училось. Студенты-большевики и им сочувствующие покинули учебные заведения — они или были мобилизованы в армию, или ушли в массы, погрузились в работу большевистских организаций. Молодежь, симпатизирующая эсерам, чаще всего ограничивала свою политическую жизнь модой на эсеровский красный бантик в петлице, выжидала, отъезжала домой в провинцию, отсиживалась дома.

Кадеты еще пытались удержать свою молодежь в стенах учебных заведений. Но работать среди молодежи становилось все сложнее. В 1917 г. студенческая молодежь составляла всего 2% в кадетской партии¹³⁸. Либеральная партия упорно продолжала поддерживать объединения молодежи, студенческие, ученические фракции, непосредственно подчиненные ей партийные комитеты. В студенческих организациях кадеты политически маневрировали и согласно решениям своего VII съезда охотно шли на сотрудничество с мелкобуржуазными партиями, с меньшевиками и эсерами.

В Петрограде кадеты работали совместно с представителями мелкобуржуазных партий в Совете Советов высших учебных заведений, объединившем 21 учебное заведение столицы¹³⁹, правда уже разоренных и опустевших. По мере развития революционных событий в стране студенты-кадеты также покидали учебные заведения. Многочисленные факты свидетельствуют о том, что часть студенчества, с наступлением апрельского кризиса резко включилась в антибольшевистскую пропаганду. Сигнал к этому был дан в апреле кадетской партией и П.Н.Милоковым со страниц газеты «Речь». Студенты-белоподкладочники, сторонники кадетов, ставшие во время войны офицерами и вольноопределяющимися в рядах белой армии, превращались в ярых противников большевиков.

¹³⁷ Новая жизнь. 1917. 29 окт.

¹³⁸ Астрахан Х. М. Большевики и их политические противники в 1917 году. Л., 1973. С. 190.

¹³⁹ Известия. 1917. 14 марта.

Весной 1917 года студенты, еще мечтающие о продолжении учебы, стали отправлять в адрес министра народного образования многочисленные прошения об отсрочке выполнения учебных задний, экзаменов, мотивируя это тем, что все студенты заняты общественной деятельностью.

Вихри февральской революции, политические бури, развалив империю, привели в движение всю студенческую массу. Они окончательно размыли и разрушили студенчество как некий компактный слой интеллигенции, объединенной стенами учебных заведений, студенческим статусом, психологией, закономерностями развития студенческого движения, традициями демократической борьбы.

Русское студенчество как некий феномен в чудовищном водовороте февраля погибло и стало историческим явлением. Студенческое прогрессивное движение исчерпало свои возможности на этапе буржуазно-демократической революции. Высшая школа очень точно отразила историческую ситуацию, те глубинные социальные и политические процессы, которые происходили в обществе, безвозвратно ушедшем в прошлое.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
-----------------	---

Глава I. РУССКИЙ СТУДЕНТ В ИНТЕРЬЕРЕ ИМПЕРАТОРСКОГО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Ампирный Город и Университет	5
Метаморфозы студенческой жизни	14
Шведская гимнастика и обед на двоих	32
Татьянин день	37
Бестужевки — «бесстыжевки»	41
Жертвенник неведомому Богу	55
Господа профессора между молотом и наковальней	65
Университетский вопрос: реформы или революция?	87

Глава II. СТУДЕНТ И ВЛАСТЬ

Студенческие истории	100
В темном лесу радикальных идей	107
Санкт-Петербургский университет — зачинщик первой всероссийской студенческой забастовки	122
Студент с бомбой	147
1905 год. Магия торжества революции, черная магия поражения	157
Железные двери Актового зала на пути студенческих забастовок	182
В водовороте февраля	195

Нинэль Яковлевна Олесич
Господин студент Императорского
Санкт-Петербургского университета

Зав. редакцией *Г.И. Чередниченко*
Художественное оформление *Е.А. Соловьевой*
Компьютерная верстка *У.В. Буторовой*

Лицензия ЛР № 040050 от 15.08.96.

Подписано в печать с оригинала-макета 11.02.99.
Формат 60х84/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,09.
Уч.-изд. л. 12,12. Тираж 1000 экз. Заказ № 17.

РОПИ Издательства С.-Петербургского университета.
199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7/9.
Центр оперативной полиграфии С.-Петербургского университета.
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 6.

Н.Олесич

ГОСПОДИН СТУДЕНТ

ИМПЕРАТОРСКОГО
С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве
<http://history.museums.spbu.ru/>

8-

24657A
52